

Книга вторая

Кефа

*Дух Бога на мне, ибо помазал меня
Господь, чтобы возвестить скромным,
послал меня врачевать сокрушенных сердцем,
объявить пленным свободу и узникам —
полное освобождение... чтобы утешить всех
скорбящих... дать им красоту вместо пепла,
елей радости вместо скорби, облачение
славы вместо духа тусклого...*

Йешайа 61:1-3

От Клавдия Агриппе привет.

Завидую тебе, мой далёкий друг! Живёшь ты там спокойно в своей Палестине, валяешься с книгой на мягком ложе или купаешься в своё удовольствие в чистом озере и знать не знаешь о всех тех отвратностях имперской жизни, в которых мы тут все вынуждены ежедневно барахтаться, как упавший в помойную яму котёнок. Воистину, боги сошли с ума, коль дозволяют такое!

Друз Третий в тюрьме!

А ведь к этому всё шло. После ссылки Агриппины с Нероном все ждали, когда Сеян доберётся и до младшего из Германиков. Надо отдать должное этому негодю – действует он изобретательно. Он не стал напрямую нападать на Друза, а вынудил Эмилию оговорить своего мужа. Уж не знаю, как ему это удалось – деньгами или угрозами. Короче, Эмилия обвинила Друза во всех смертных грехах, включая оскорбление величия и подготовку заговора. Тиберию бы вызвать Эмилию к себе да разобраться в этом деле на месте – от обвинений этих за добрый стадий несло гнилым душком, – но он как будто потерял всякий нюх. Он сразу приказал отправить Друза под стражей в Рому на суд Сената. Этого-то Сеяну и было нужно! Ты знаешь, Сенат ведь давно уже пляшет под его дудку. Беднягу Друза тут же, без долгих разговоров, осудили на смерть за измену. Однако сенаторам хватило благоразумия хотя бы не приводить приговор в исполнение немедленно. Видимо, многие всё-таки понимали истинную подоплёку всего этого грязного дела. Друза отправили в тюрьму – в подземелье Палатинского дворца, и держат там на одной воде. Говорят, беднягу голод измучил до того, что он жуёт солому из тюфяка. Уповать ему теперь остаётся только на милость Кесаря, но Тиберия, похоже, больше не интересуется судьба того, кого он ещё совсем недавно прочил в свои преемники.

С Пандатарии тоже приходят страшные вести. Квинт Соран, бывший там недавно по делам службы, утверждает, что Агриппина и Нерон Германик там страшно бедствуют и терпят всяческие унижения. Он говорит, тамошний смотритель, кентурион Миний Денс, расщипав за что-то на несчастную пленницу, ударил её плетью и выбил глаз. Проклятый плебей! Бедная женищина! Неужели богам стала совсем чужда справедливость?!

Но и это ещё не всё, мой милый Агриппа! Ещё одна новость, которая, я уверен, позабавит тебя. Сеян обручился с Юлией Ливией! Каково?! Законный супруг её, несчастный Нерон Германик, ещё жив, ещё камни Пандатарии слышат его стоны, а жену его обручают с его заклятым врагом (а я думаю, что и с убийцей её отца!), который к тому же ещё и ровно вдвое старше неё! Ну а беспутная мать «счастливой невесты», Ливия, эта «благороднейшая из матрон», тем временем продолжает, особо ни от кого не скрываясь, жить с женихом своей дочери! Скажи мне, друг мой, куда катится мир?!

А теперь, после всего сказанного, отгадай, кого наш дрессированный Сенат избрал на этот год консулом? Правильно! Нашего великолепного Сеяна. Кого же ещё! А дабы не принижать

достоинство столь почтенного мужа чьим-нибудь низкопробным соседством, в пару ему был избран сам Кесарь. Вошёл Сеян и в коллегию понтификов (кто бы сомневался!). Кстати, – можешь себе такое представить?! – Сеян и сына своего, Страбона, в коллегию понтификов протащил, а ведь мальчишке лишь совсем недавно исполнилось восемнадцать! Как горько пошутил по этому поводу Лукий Сурдин: отныне Сеяны будут на пару рубить своих противников священной жреческой секирой и резать священным жертвенным ножом. Я почему-то не сомневаюсь, что вскоре так и будет! А Сенат и народ будут при этом им рукоплескать и возносить здравицы. Прошедший год это явно показал – день рождения Сеяна праздновали чуть ли не пышнее дня рождения Кесаря, а его позолоченных статуй теперь нет разве что только в публичных латринах. Ему бы сейчас ещё и трибунскую власть – и плебс совсем перестанет отличать истинного Кесаря от нашего славного префекта претория!

Тиберий, кажется, начинает понимать, какую змею он пригрел на груди. Ещё год назад он и слышать ничего не желал по поводу своего любимца – ещё бы, ведь наш доблестный претор спас ему жизнь! А теперь уже поздно: Сенат стал игрушкой в руках Сеяна, преторианские когорты подчиняются только ему и – впервые со времён Суллы! – стоят в пределах Города (наивный вопрос – зачем?!). Тиберий, отправляясь в своё время из Ромы в Кампанию и оставляя Город на попечение Сеяна, уповал обрести в провинции покой. Так вот, никакого покоя он там не обрёл. Теперь он, сбежав и из Кампании, забился на Капрею, как лиса в нору, живёт там безвылазно и лишь шлёт оттуда в Рому гонцов с эдиктами и распоряжениями. Ведь он даже на декабрьский комитий не приехал, и был избран консулом заочно!

Я был в ноябре у Тиберия на Капрее. Дядя столь настойчиво приглашал меня к себе на свой юбилей, что отказаться не было никакой возможности, и я, вместо того, чтобы поехать к друзьям в Рому и веселиться там от души на Плебейских играх, вынужден был отправиться к нему на остров. Мой милый Агриппа, я там насмотрелся такого! Я бы ни за что не стал рассказывать об увиденном даже тебе, если бы не был уверен, что слухи до тебя всё равно дойдут, причём дойдут непременно в искажённом до неузнаваемости виде, так что лучше будет, если ты узнаешь обо всём из первых рук.

Мне стыдно об этом писать, но мой дядя на старости лет – а ведь ему в этом ноябре исполнилось семьдесят! – полностью отдался самой низменной похоти. Пытаясь возбудить свою дряхлеющую плоть, он превратил весь остров в одно большое гнездо разврата. Девиц и юношей свозят ему туда со всей Империи. Во всех дворцах и в рощах между ними у него устроены специальные Венерины комнаты и гроты, где эти юные Паньы и нимфы постоянно совокупляются между собой на глазах у своего хозяина, пытаясь возбудить в нём остатки его угасающей страсти. На вилле Ио, где он чаще всего ночует, он все

комнаты украсил картинами и статуями самого непристойного свойства и разложил там книги Элефантиды, дабы, недолго думая, избирать для своих любовников самые изощрённые позы. Но и этого ему мало! Он набрал к себе мальчиков и девочек самого нежного возраста, которых заставляет улаживать себя. Этот старый развратник даже придумал для них специальную игру. Они по очереди должны своими пальчиками, губами и язычком возбуждать его немощную плоть, пока одному из них не удастся добиться семяизвержения. За это Тиберий дарит «счастливчику» аурей и удостоивает на весь следующий день титула «Любимец Кесаря». Он даже приказал сделать маленькую серебряную корону, которую торжественно водружает на голову «отличившемуся» юному созданию. Он называет этих своих маленьких любовников «сосунками» и «рыбками», спит с ними, купается с ними в бассейне и, вообще, не отпускает от себя ни на шаг. Меня просто тошнило смотреть, как этот старый сатир милуется со своими «сосунками», ведь, заметь, самым младшим из них нет ещё и десяти лет.

И он всё время чего-то боится! Личную охрану меняет чуть ли не каждый месяц. Постоянно держит наготове два судна: одно – в Южной гавани, другое – на западе острова, в Волчьей бухте. Докладам своих советников не верит и то и дело лично отправляется на утёс Юпитера, откуда следит за световыми знаками, которыми он велел сообщать себе с материка обо всём наиболее важном, дабы не тратить попусту времени на гонцов.

Ты спросишь – чего ему бояться, ведь его власть сейчас прочна как никогда? Я тоже так думал до последнего времени. А потом взял и взглянул на всю ситуацию по-новому, с точки зрения возможного заговора. Ты знаешь, мой милый Агриппа, а ведь вздумай Сеян покуситься сейчас на власть Кесаря, я далеко не уверен в неудачном исходе подобной затеи. Ну, посуди сам. В Сенате сейчас за Сеяна подавляющее большинство. Все эти Корнелии Лентулы, Кальпурнии Пизоны, Юнии Силаны, все они только и смотрят префекту претория в рот, готовые поддакивать и рукоплескать любому его слову. Оставшиеся ещё в Сенате противники Сеяна – Скрибонии, Помпеи, Аррунтии и прочие – сейчас, после историй с Друзом Третьим и Юнием Рустиком, притихли и ведут себя, как мыши в доме, где поселился злой вечноголодный кот.

Городское всадничество, на мой взгляд, тоже может поддержать заговор. Во всяком случае, такие влиятельные нобили, как Геминий, Кельс и Помпей, отдадут за своего могущественного покровителя не только кошелек, но и свою левую руку.

Ну а плебс, он и есть плебс. Плебс пойдёт за тем, кто кинет ему более жирную кость.

Ты скажешь: а как же армия? Согласен, дорогой Агриппа, армия действительно решает всё. Но посмотри сам, что получается. Четырнадцать преторианских когорт – это уже грозная сила и в первые дни возможного мятежа они, безусловно, обеспечат своему префекту власть и порядок в городе. Я понимаю, что взять власть и

удержать власть – это далеко не одинаковые вещи, и печальный опыт таких известных мятежников, как Лукий Кинна и Марк Лепид, наглядно говорит нам об этом. Поэтому весь вопрос в том – пойдут ли за Сеяном легионы? А тут дела обстоят так. Разложи перед собой карту и посмотри.

Верхняя Германия (четыре легиона): пропретор Гней Лентул Гетулик – почти что уже родственник нашего префекта претория: сын Сеяна обручён с его дочерью.

Нижняя Германия (четыре легиона): пропретор Лукий Апроний – тесть Гетулика и, стало быть, тоже «член семьи» Сеяна.

Мёзия, Иллирика (семь легионов!) – пропретор Гай Поппей Сабин. Его зять, безызвестный тебе Юний Нэв – лучший друг Сеяна.

Все они – я не утверждаю этого, я только предполагаю – в случае мятежа или поддержат Сеяна, или будут держать нейтралитет.

Что остаётся? Четыре легиона в Сирии и три в Африке. Но они далеко, и перед ними море. Есть ещё три испанских легиона. И Сеян, между прочим, ими уже занимается. Его обвинения в Сенате против Лукия Аррунтия и попытку смещения последнего с поста пропретора Испании чем-либо другим объяснить трудно. Да, попытка эта не удалась, и Лукий Аррунтий оставлен Кесарем в должности. Но и в Испанию ведь Лукий Аррунтий тоже не уехал! С подачи Сеяна и по распоряжению Тиберия он сидит в РOME, а его легионеры тем временем пьют бэтийское вино и портят испанских девок. А теперь вспомни, что и Лукий Ламий тоже всё ещё сидит в РOME, а стало быть, и ваши сирийские легионы тоже пока остаются без единого командования. И тут сразу уместно вспомнить о том, что твой хороший знакомый, Понтий Пилат, является старым другом Сеяна. В его непосредственном подчинении, конечно, всего один легион, но в отсутствии на месте пропретора и префекта провинции может сыграть большую роль – легаты легионов вполне могут пойти за ним. Если, конечно, он сможет предложить им что-нибудь более весомое, чем пустые обещания.

Так что не всё так однозначно, как кажется, мой друг, не всё так однозначно, и Тиберию действительно есть чего опасаться.

Продолжаю на следующий день.

Пересчитал сейчас исписанные керы. Уже набралось восемь дощечек, а по нашему с тобой делу не сказал ещё ни слова. Прости, дружище, когда портится настроение, я становлюсь излишне многословным. А настроение у меня сейчас, сам понимаешь, отвратительное. А тут ещё эта погода – целый месяц, не переставая, льют дожди. Сырость повсюду, никуда от неё не спрячешься. Всё влажное, противное – постель, одежда, даже книги.

При ближайшей оказии отправлю тебе сорок тысяч денариев. С учётом того, что у тебя ещё оставалось, сумма для обмена вполне значительная. Понимаю все твои трудности, а потому не тороплю. Опять же, ты в этих обменах заинтересован гораздо больше, чем я.

Твой дом в Риме удалось в конце концов откупить. Я нанял туда управляющего, чтоб присматривал, – Эрия Груза, ты его знаешь. Теперь, надеюсь, всё там будет в порядке. Ремонт там, конечно, требуется и ремонт немалый, но это уже как-нибудь потом, это потерпит. Это уж ты как-нибудь сам, без меня.

Петина моя на декабрьские ноны родила. Девочку. А я так надеялся на сына! Но, похоже, во всём, что касается продления рода, боги не на моей стороне. Назвал я её Антонией и отправил к своей матери – пусть хоть бабушка порадуетя внучке.

Моя «Истории Карфагена» застряла на одном месте. Совершенно пропал настрой. Не могу заставить себя сесть за работу. Что тому виной – не знаю. Может, вся эта гнусная обстановка, может, мысли о подлых делишках моего властолюбивого шурина. А может, всё тот же дождь. Хотя, надо сказать, раньше в дождь мне как раз хорошо работалось.

Продолжаю на следующий день.

На улице всё тот же дождь. Дождь, дождь, дождь и ничего, кроме дождя. Может, это боги рыдают, оплакивая нашу печальную участь?

Помнишь, я тебе писал по поводу моих задумок по изменению романского алфавита? Так вот, думаю, напрямую переносить из греческого алфавита буквы в романский будет неправильно. Правильнее будет ввести в наш алфавит несколько совершенно новых литер, отвечающих за те или иные звуки. Причём у этих новых литер должны быть привычные нам начертания. У меня есть кое-какие соображения на этот счёт, но ни на чём конкретном я пока ещё не остановился. Впрочем, подробнее напишу об этом как-нибудь в следующий раз, не сейчас. Говорил на эту тему с Флавом. Старик сказал: «Зачем менять колесо на телеге, когда хромает кобыла?» Ты знаешь, он всегда был поклонником Эзопа.

Высылаю тебе также несколько новых эклог Кальпурния. На мой вкус, они гораздо слабее предыдущих. Хотя тот же Флав от них в совершеннейшем восторге. Но тут уж, как говорится, о вкусах и цветах не спорят.

Гай Патеркул наконец выпустил в свет свою «Историю». Я тебе как-то писал о ней. Ничего хорошего я от этой книги не ожидал, но в действительности всё оказалось ещё хуже. Нуднейшее чтиво. И, по сути, ничего нового. Можно было и вовсе не издавать. Но ведь издано да ведь ещё и в каком количестве! Говорят, Патеркул нанимал двадцать переписчиков. Хотя у меня такое впечатление, что он нанимал их, по крайней мере, сто двадцать. Все книжные магазины Рима буквально завалены этим «шедевром». Вот что значит, быть другом префекта претория!

Будешь в очередной раз в Антиохии, передавай от меня привет старине Гнею. Он хорошо устроился, наш добрый Гней. Вот обрати внимание, друг Агриппа, на этот очередной парадокс из нашей имперской жизни! Гней с должности уже давно снят, то есть ни за что, по сути, не отвечает, но продолжает по-прежнему жить в

Антиохии, во дворце наместника, и пользоваться всеми наместническими привилегиями. А отвечает за всё происходящее на Востоке Лукий Ламий, который, хоть и назначен на должность пропретора Сирии, уже второй год безвылазно сидит в РOME и пытается управлять всеми делами через гонцов, – Кесарь всё никак не решится отпустить его в провинцию. Ещё одна блажь старика!

Так что передавай Гнею от меня привет. И ещё передай ему, что Козочка Фауста с Этрусской улицы помнит его и шлёт ему свой самый нежный поцелуй (так и сказала!).

P.S. Написал письмо, а теперь даже не представляю, когда удастся его тебе отправить – до начала навигации ещё больше месяца, и вряд ли найдётся смельчак, который рискнёт вывести сейчас свой корабль в море. Разве что какой-нибудь отчаянный купец, гонимый непосильными долгами. Ты вправе спросить – а зачем я тогда вообще терял время, царапая воск? Не знаю, мой друг, не знаю. Вероятно, от скуки.

Скол четвёртый
Палестина. Хиеросолим
DCCLXXXIII ab U. c., Martius

1

Вечер был тёплым и душистым, как свежеиспечённый хлеб.

Слабый ветер, дующий от песков Хан-Негёва, нёс с собой сладкие запахи каких-то ночных цветов и дурманящий аромат пробудившихся после зимней спячки абрикосовых деревьев. Это был ещё не тот ненавистный «хамишым» – ветер-«пятидесятник» – грубый, плотный и тяжёлый – ветер-насилник, ветер-палач, – задувающий обычно после Писхи и на протяжении пятидесяти дней несущий в Йерушалайм пыль и испепеляющую жару южной пустыни. Это был его предшественник, его младший брат – трепетный, лёгкий, скользящий – юный ветер-любовник, – то несмело трогающий лицо своими нежными поцелуями, то пугливо замирающий в кустах, то вкрадчиво шелестящий в кронах высоких, тесно обступивших двор, финиковых пальм и гранатовых деревьев.

Лёгкие полупрозрачные облака, не способные заслонить собой даже звёзды, медленно текли на север, огибая ярко-жёлтую половинку луны, больше всего напоминающую своими очертаниями будару – небольшое торговое судно, – спокойно плывущую по своим торговым делам по бескрайнему небесному морю.

Кефа стоял босиком на шершавой и тёплой, нагретой за день солнцем, глиняной крыше и, задрав голову, смотрел на будару-луну. Точно на такой же пузатой посудине – неуклюжей, но прочной, с высокими бортами и короткой мачтой – плыли они тогда с Хавивой в Кесарию из Александрии, и хозяин будары, чернобородый добряк Цохар, угощал их удивительно вкусной копчёной бараниной и дорогим кретским вином. Давно это было, очень давно – в какой-то иной, прошлой жизни.

Несмотря на то, что год был невысокосным – без второго месяца адара – и Писха праздновалась очень рано, на улице было совсем тепло. А в доме, где в небольшой комнатке с единственным малюсеньким окном укладывались сейчас спать вповалку на полу десять человек, и вовсе было невыносимо жарко и душно. Кефа потому и поднялся сюда – на крышу, на огороженную резными деревянными перильцами террасу – подышать перед сном. Он даже подумал, не перебраться ли ему наверх – под звёзды, к пузатой неторопливой бударе-луне – на всю ночь. Они с Андреасом часто в детстве ночевали на крыше. Им обоим нравилось, лёжа бок о бок под одним одеялом и глядя на таинственно мерцающие звёзды или на лёгкие летучие облака, болтать обо всём, что придёт в голову: о пойманной днём рыбе и о прыжках в воду с «Моста Мошэ» – ствола упавшего давным-давно в воду могучего дуба; о походах за ракушками на дальнюю отмель и о злобном Шауле Трёхпалом, невесть за что ненавидящем всех окрестных мальчишек; а позже, чуток повзрослев, – о Боге, о романцах, и о также повзрослевших и неожиданно похорошевших соседских девчонках. Их младший братишка Ашер тоже часто увязывался за ними – ночевать на крыше, но он был ещё совсем мал и быстро засыпал, а они с Андреасом лежали и говорили, порой всю ночь напролёт – до первых птичьих голосов, до быстро светлеющего над вершинами заозёрных холмов неба.

Кефа вздохнул. Его новый дом в Кфар-Нахуме был построен по романскому образцу – с двускатной, крытой медными листами, крышей. На такой крыше уже не заночуешь, не полежишь, понимаешь, глядя в бездонное звёздное небо. Так что его сын, его толстощёкий пыхтун-топотун Марк, будет в будущем лишён такого нехитрого детского удовольствия. Как всегда, при воспоминании об оставленном в Кфар-Нахуме сыне у Кефы заныло в груди. Он считал себя плохим отцом. Он виделся с сыном от силы раз в два-три месяца – их с Йешу кочевой образ жизни редко приводил их в родные края. Если же быть до конца честным перед собой, то Кефа и не рвался особо домой. А попав в Кфар-Нахум, уже через пару дней начинал тяготиться, казалось бы, родными стенами, – всё в этом просторном, рассчитанном на большую дружную семью, доме напоминало ему о Хавиве. И больше всего напоминал ему о Хавиве его сын – маленький Марк. С каждым своим приходом домой Кефа замечал в лице своего сына всё новые и новые черты его матери. И это было невыносимо. И он опять уходил, оставляя дом и хозяйство на старательного, но неопытного Оведа, а сына – на терпеливую, давно уже махнувшую рукой на своего непутёвого деверя и на своего не менее непутёвого мужа Андреаса, Михаль. Впервые, год назад, покидая дом и уже предвидя всё своё будущее кочевое житьё, Кефа на последние легионерские деньги купил в

Магдале двух толковых рабов-галатийцев – в помощь Михаль и, главным образом, Оведу. Тот хорошо освоил рыболовное дело (благо сфина позволяла ходить за рыбой хоть на другой конец Кинеретского озера) и всякий раз привозил домой очень даже неплохой улов. Но покупка эта, этот запоздалый жест, если и служил для Кефы неким оправданием, то оправданием довольно слабым. Кефа это прекрасно понимал, и шершавая заноза в его груди при каждом воспоминании о покинутом доме начинала шевелиться и тупо саднить.

Была и ещё одна причина, по которой Кефа не мог подолгу оставаться дома – Рут. Кефа постоянно ловил себя на том, что он не может смотреть в глаза матери Хавивы, так, как будто это он был повинен в смерти её дочери. Рут пережила смерть Хавивы очень тяжело. Нет, она не кричала в голос и не рвала на себе одежду на похоронах. Она спокойно проводила дочь в последний путь, но после этого сразу слегла. Она уединилась в своей крохотной комнатёнке без окон и стала медленно угасать, отказываясь от еды, ни с кем не желая разговаривать, днями и ночами напролёт лёжа одетой на нерасстеленной кровати и строго глядя перед собой сухими запавшими глазами. Потребовался почти месяц времени и всё лекарское искусство Йешу, чтобы постепенно вернуть её к жизни и поставить на ноги. После этого Рут стала ещё тише и ещё незаметней. Она превратилась в собственную тень. Да, она по-прежнему помогала Михаль по хозяйству, она нянчила внука, она отвечала на заданные ей вопросы и даже задавала вопросы сама, но делала она всё это теперь безучастно, механически, и взгляд её при этом оставался пустым и отрешённым. А однажды у Кефы облилось кровью сердце – он заметил, что у Рут, когда она молчит и занята какой-то работой, мелко и часто дрожит её сухой и морщинистый, совершенно старушечий, подбородок...

У Кефы затекла шея. Он снова вздохнул, покрутил головой и, оглядевшись, сел, вытянув ноги и привалившись спиной к деревянному ограждению. Но перильца опасно подались под ним и отчётливо затрещали. Кефа отпрянул от хлипкой ограды и шёпотом выругался. Подумав, он перевернулся, лёг на живот и, положив голову на руки, стал смотреть во двор.

Двор был большой, прямоугольный. Справа его замыкал высокий каменный забор, слева – хозяйственные постройки: мастерские, дровяник, длинные навесы, под которыми сушилась перед обжигом посуда, и ветхий сарай под соломенной крышей, где ночевали рабы. Широкое утоптанное пространство, лишь кое-где покрытое редкой жёсткой травой, сейчас было разделено почти поровну: ближняя к дому половина была ярко освещена луной, дальняя утопала в тени от высоких, росших вдоль улицы деревьев.

Внизу скрипнула дверь. По дорожке от дома к хозяйственным постройкам, шурша мелким гравием, двинулась фигура человека. Это был хозяин дома Шимон Прокажённый – Кефа узнал тётку по круглой обширной лысине, увенчивающей вытянутую вверх, тыквообразную голову. Днём Шимон старательно прятал лысину под старенький, выдавший виды масабский парик, и сейчас она, открытая всем ветрам, торжественно сияла, освещённая жёлтым светом луны. «Пошёл рабам на утро задание дать», – догадался Кефа.

В доме у горшечника Шимона Прокажённого они ночевали далеко не в первый раз. Кефа усмехнулся: странная вещь кличка – если уж она прилепляется к человеку, то отлепить её бывает очень сложно, чаще всего попросту невозможно. Шимон Прокажённый вовсе ведь не был прокажённым. Когда на прошлую Писху Йешу с Кефой и Андреасом впервые пришли сюда, в большое богатое селение Бейт-Энью, раскинувшееся на юго-восточном склоне Тура-Ейты, в часе ходьбы от Йерушалайма, и впервые расположились на ночлег в этом доме, руки и плечи горшечника сплошь покрывала неопрятная буро-розовая короста. Это был лишай. Не проказа, а самый обыкновенный лишай, и Йешу за две недели полностью излечил от него хозяина дома, вернув тому благосклонность жены, уважение общины и возможность посещать Храм. Но несмотря на то, что болезнь оказалась вовсе не проказой, а лишаём, и что сейчас даже малейших следов от того лишая не усматривалось на теле у Шимона, в деревне (да и в городе, где он сбывал свой товар) его продолжали упорно называть Прокажённым. Впрочем, похоже, это обстоятельство трогало Шимона-горшечника мало. Что же касается его отношения к Йешу, то оно после истории с чудесным исцелением балансировало между всемерным почитанием и немым обожанием, временами даже опасно приближаясь к обожествлению. В любом случае, Йешу со всеми своими друзьями был теперь в доме Шимона Прокажённого самым желанным, самым дорогим гостем, благо дом этот был немаленьким, да и недостатка в средствах гончар не испытывал – две его посудные лавки в Йерушалайме приносили стабильный и весьма немалый доход...

Снова зашуршал гравий – горшечник возвращался.

– Шимон! – вдруг негромко раздалось от калитки. – Эй, Шимон!

Гончар остановился, повернувшись на голос и напряжённо вглядываясь во тьму.

– Кто там?

– Это я – Накдимон, – донеслось от калитки. – Открой, Шимон, дело есть.

Хозяин дома что-то неприязненно заворчал себе под нос, но тем не менее сошёл с освещённой лунным светом дорожки и двинулся в сторону забора – в густую непроглядную тьму, лежащую под деревьями. Загремел отодвигаемый засов.

– Ну, чего тебе?

– Зови Йешу! Срочно!

– Рабби уже спит. Утром приходи.

– Я тебя не спрашиваю, спит или не спит рабби, – голос ночного гостя возвысился и обрёл командные обертоны. – И я тем более не спрашиваю тебя, Шимон, когда и куда мне приходиться. Я говорю тебе: позови Йешу.

Теперь Кефа узнал этот голос. Это был голос Накдимона бар-Ахарона – одного из богатейших людей Йерушалайма, члена Великого Санхедрина и с недавних пор почитателя и близкого друга Йешу.

– Случилось что? – в голосе горшечника зазвучала тревога.

– Случилось. Так что поторопись – зови рабби.

Две фигуры вышли из-под деревьев, пересекли двор и скрылись под стеной. Скрипнула дверь. Кефа подумал, что надо было бы спуститься вниз, узнать, в чём там дело, но дверь уже скрипнула вновь, и нарочито весёлый голос Йешу произнёс:

– О! Накдимон! Приветствую тебя, мой друг! Не думал вновь увидеться с тобой так скоро. Что привело тебя сюда в столь неурочный час?

– Шимон, оставь нас, – сказал Накдимон.

Повисла пауза.

– Ступай, Шимон, – мягко произнёс голос Йешу. – Мы с моим другом немножко посекретничаем, если ты не возражаешь... Спасибо тебе.

– Хорошо, рабби.

Снова скрипнула дверь.

– Ну, что стряслось? – Йешу теперь уже не старался скрыть тревогу.

– Подожди... – внизу раздался шорох шагов. – Иди сюда.

Снова раздался шорох, а потом вновь зазвучали голоса, но теперь они звучали совсем глухо, – Накдимон и Йешу отошли за угол дома, и до Кефы теперь доносились лишь отдельные обрывки фраз, которые, впрочем, заставили его насторожиться:

– ...они что, идиоты?!..

– ...это больше восьми сотен!..

– ...а конница?!.. порубят, как курей!..

– ...я говорил, они и слушать не хотят!..

– ...это же не даст ничего, только озлобит!..

– ...я им твержу: «Ну, убьют они префекта! И что?! А другие?!»

– Тише ты!..

Голоса на мгновение смолкли, а потом опять забубнили – ещё глуше, ещё тревожней, ещё неразборчивей. Кефа поднялся. Что-то было не так. Он нерешительно потоптался на месте, а потом быстро пересёк террасу и стал спускаться по скрипучей деревянной лестнице, что шла вдоль задней стены дома. Навстречу ему из-за угла торопливо вышел Йешу.

– А-а, Кефа, это ты! – в голосе его явно звучало облегчение.

– Где Накдимон?

– Ушёл... Ты слышал?

– Не всё. Что случилось?

– Случилось... – Йешу задумчиво почесал в бороде.

Кефа подошёл вплотную и положил руку на плечо товарищу:

– Ну?..

Йешу нерешительно посмотрел на него.

– Ладно, – сказал Кефа, – выкладывай. Всё равно ведь рано или поздно узнаю. Так что лучше сейчас и от тебя.

Йешу подумал.

– Хорошо, – сказал он наконец, – слушай...

Рассказанное им повергло Кефу в смятение. По словам Накдимона, в городе созрел антироманский заговор. Группа мятежников из числа так называемых «кинжальщиков», во главе которой стоял некий Йешу Бар-Абба, планировала во время торжественной церемонии отъезда романского префекта из Йерушалайма в Кесарию, которая традиционно проходила сразу после праздничной недели, напасть на конвой, перебить всех охранников, а самого Понтия Пилата либо взять в плен, либо, в крайнем случае, тоже убить. Одновременно второй отряд заговорщиков должен был по тайным переходам, соединяющим Храмовую гору с Антониевой крепостью, проникнуть в последнюю и захватить хранящийся там оружейный арсенал. Затем, вооружив всех желающих, Бар-Абба планировал взять штурмом преториум и казармы легиона, перебить всех находящихся в городе романцев, а также их пособников. После чего поднять восстание уже по всей Йехудее, а заодно и в остальных палестинских провинциях. Заговорщиков, по словам Накдимона, было около двухсот человек, они были разбиты на пятёрки, у каждой был свой вожак и свой план действий. И даже оружие уже якобы было завезено в город, распределено между мятежниками и ждало своего часа.

– Господи! – сказал Кефа. – Самоубийцы! Двести человек! Против двух когорт! И трёх турм кавалерии! И ещё пять турм стоят в Хародионе и, в случае чего, максимум через час будут в Йерушалайме! На что они надеются?! Нет, они – точно, самоубийцы!.. – он помолчал. – Это будет резня, – уже спокойно сказал он. – Самая настоящая резня. И хуже всего, если им удастся убить Пилата. Это – самое худшее из того, что может случиться. Тогда в Йехудее на какое-то время воцарится безвластие. Большая часть когорт и почти вся кавалерия набрана из шомронимов. И они тогда припомнят йехудеям всё. Всё! Все свои старые и все новые обиды! Они утопят Йехудею в крови! Они сделают с ней то, что четверть века назад сделали с Ха-Галилем. Они превратят её в выжженную пустыню! И командиры-романцы не смогут им помешать... – он ещё помолчал. – Да и не станут они им мешать, – горько заключил он.

Опять воцарилось молчание. Кефа вдруг почувствовал, что ему холодит спину, и понял, что он весь мокрый от пота.

– Подожди! – вдруг спохватился он. – Так чего Накдимон пришёл именно к тебе? Ты-то тут с какого боку?! Он же сам – член Санхедрина! Почему он не обратился к насі Хамлиэлю?! Пусть тот созовёт Великий Санхедрин! Пусть, понимаешь, решат запретить этому Бар-Аббе что-либо делать! Пусть, наконец, арестуют его! Ты-то здесь причём?!

– Он сегодня как раз весь день пытался созвать Санхедрин, – горько усмехнувшись, сказал Йешу.

– Ну? – нетерпеливо спросил Кефа. – И?

– И ничего, – пожал плечами Йешу. – Никто не стал его слушать. Ни Хамлиэль, ни... другие. У него ведь нет никаких доказательств. Одни слухи.

– Но ведь это такие слухи, которые необходимо обязательно проверить! Слишком много стоит на кону! Они что, не понимают?!

Йешу снова пожал плечами.

– Кто их там знает, может, и не понимают. А может... Тут ведь, Кефа, всё не так просто. У них ведь там, в Великом Санхедрине, ещё то кубло. Они ведь там все друг друга ненавидят! У них ведь там интрига на интриге! Скажешь что-нибудь не так, раз оступишься – и всё, сожрут... Ты ведь не забывай – Писха на носу. Созвать сейчас Санхедрин, да по такому громкому вопросу, да, возможно, с арестами подозреваемых... Это ведь всё равно в тайне не сохранишь. Разговоры пойдут, слухи. Ещё, чего доброго, паника в городе начнётся. Ты представляешь себе, что такое паника в предпраздничном Йерушалайме?!.. А как на поверку выйдет, что всё это – пустышка, ручка от луны? Что тогда? Вот они все и осторожничают.

– Ладно, – поразмыслив, сказал Кефа, – это понятно. К тебе-то он чего приходил? Ты-то как ему помочь можешь?

Йешу, поглаживая бороду, некоторое время молчал.

– Знаешь, Кефа, – как будто приняв про себя какое-то решение, наконец сказал он, – я тебе об этом никогда не говорил, но... Я ведь по матери из колена Левиева. Она у меня родом отсюда, из Йерушалайма. Тесть нынешнего первосвященника Каиафы, Ханан, – её брат, так что... Короче, Накдимон хочет, чтобы я с ним поговорил.

Кефа ошарашено смотрел на своего товарища.

– Так ты, получается, племянник Ханана?!

– Получается, – усмехнулся Йешу. – Я ведь в юности, когда ушёл из Нацрата, несколько лет даже жил в его доме. Ханан считал меня своим учеником и, по-моему, даже строил на меня какие-то планы... – он замолчал.

– А... потом? – осторожно спросил Кефа.

Йешу махнул рукой.

– А потом мы с ним разошлись... во взглядах на жизнь.

– Это как? – не понял Кефа.

– А так, – Йешу недобро прищурился. – Понимаешь, меня ведь интересует... человек. А его... всех их, – поправился он, – интересуют только деньги. Власть и деньги... – он помолчал. – Нет, конечно, это всё не в один день произошло. Мы с ним много спорили. Сначала вполне по-дружески, – Йешу усмехнулся. – По-родственному. Он всё пытался наставить меня, как он считал, на путь истинный. Полагал, что я просто-напросто по-юношески заблуждаюсь. Идеализирую... Даже после того как я вернулся из Египта, он всё ещё привечал меня в своём доме. Даже деньгами один раз помог. Но вот после того как я ушёл в кумранскую общину – всё, как отрезало. Я для него стал чужим. Совсем чужим.

– И вы теперь совсем не видите?

– Практически нет. А зачем? – Йешу пожал плечами. – Он мне неинтересен. А я ему – тем более.

Повисла пауза. Молчание нарушил Кефа.

– Так что, ты пойдёшь к Ханану?

Йешу покачал головой.

– Нет.

– Почему?

Йешу вздохнул.

– Во-первых, это бесполезно. Поскольку... – он не договорил и махнул рукой. – Да по тысяче причин! Не станет он меня слушать! После всего того, что между нами было, да после всех наших недавних... гм... горячих диспутов он меня просто на дух не переносит. Говорят, он начинает плевать при одном упоминании моего имени. А во-вторых...

– Подожди, – перебил его Кефа. – Как это «не станет слушать»?! Ханан ведь не дурак! Он может как угодно относиться к тебе лично и сколько угодно плевать при упоминании твоего имени, но он ведь должен понимать, что мятеж в городе – а тем более, мятеж с убийством префекта – ударит и по нему. А точнее, – по Храму! Романцы ведь никогда не поверят в то, что никто из цедукимов не знал о мятеже. И соответственно, что о нём не знал первосвященник. Никогда! Тем более что, как ты говоришь, напасть на Антониеву крепость Бар-Абба планирует как раз со стороны Храма. То есть романцы будут полностью уверены, что за Бар-Аббой и его людьми стоит храмовая знать. А это значит, что угроза нависла сейчас не только над Хананом, Каиафой и прочими цедукимами вместе взятыми, она нависла над Храмом!.. Или они, понимаешь, хотят, чтобы Кесарь Тиберий на манер Набухаднеццара разрушил Храм и запретил нашу веру?!

– Я не знаю, чего они хотят, – горько сказал Йешу. – Я не знаю, о чём они думают. Я знаю одно: что бы я ни сказал, они всё равно мне не поверят... – он помолчал. – А во-вторых, даже если бы от этого разговора была хоть какая-то польза, это... Его ведь всё равно невозможно устроить. Что я скажу? Проведите меня к Ханану – в городе готовится мятеж? Да я через полчаса окажусь в Антониевой крепости на дыбе. И расскажу там палачам Пилата всё: и о Йешу Бар-Аббе, и о Накдимоне, и о тебе, и о том, чего сам не знаю, но о чём меня попросят рассказать... А если не называть истинной причины, то меня даже на порог дома Ханана не пустят... – Йешу хмыкнул. – И я, кстати, совсем не уверен, что за Бар-Аббой действительно не стоит Ханан... Или кто-то ещё из цедукимской знати. И это – в-третьих. И поэтому тоже я не хочу идти к Ханану. Тогда уж лучше сразу самому зарезаться.

Кефа потёр лоб.

– Может, тогда напрямую обратиться к первосвященнику?

– К Каиафе? – Йешу отмахнулся. – Каиафа – никто. Он – ширма. Всё решает Ханан. Только Ханан.

– Так с кем ты тогда собираешься говорить?

Йешу снова обхватил пальцами бороду.

– Хорошо бы было поговорить с самим Бар-Аббой, – задумчиво сказал он. – Я полагаю, доведись нам часок с ним побеседовать в спокойной обстановке, я бы смог его убедить в никчемности его затеи.

Кефа недобро усмехнулся.

– Боюсь, Йешу, ты плохо знаешь, кто такие «кинжальщики». Это с книжниками-пруші́мами ты можешь часами беседовать о тонкостях трактовки Закона. А канаімы бесед не любят. Ни долгих, ни коротких. Они кинжалы свои любят в ход пускать. Без всяких, понимаешь, разговоров. Много ты канаимов в свою веру обратил, на путь истинный наставил?.. Вот то-то и оно.

– Ну, – сказал Йешу, – одного-то, как минимум, наставил.

– Это ты сейчас про Шимона своего? – отмахнулся Кефа. – Так он – твой брат. Да и то... Вот ты с ним сколько возился, сколько разговаривал, убеждал, и вроде ведь совсем убедил. Так? А ножичек твой Шимон, между прочим, до сих пор с собой таскает. Ты не знал? Таскает-таскает. И ножичек там такой, что многим мечам фору даст – куда там разрешённая ладонь!.. Потому что ни одного канаима до конца переубедить невозможно. Любой канаим знает, что разговоры разговорами, а нож, он, понимаешь, всё равно – самый сильный аргумент в любом споре.

– Ладно, – сказал Йешу, – с моим братом я как-нибудь сам разберусь. А вот как мне на Бар-Аббу выйти – вот это вопрос.

– А Накдимон не поможет?

Йешу оставил наконец в покое свою бороду, заложил руки за спину и неспешно двинулся вдоль дома.

– Накдимон?.. Накдимон знает того, кто знаком с тем, кто слышал про Бар-Аббу. Ничего конкретного. Я его, конечно, попросил разузнать всё более подробно, но, честно говоря, надежд мало... Йерушалаим – город большой. И если человек не хочет, чтоб его нашли, то найти его здесь – дело почти невозможное... Ладно, завтра с утра разберёмся. Утро не вечер. Утром и больной встаёт здоровым... – он вздохнул. – Ох, чувствую, будут завтра у нас непростые разговоры.

Кефа тронул его за рукав.

– Ты, смотри, поосторожней. Мало ли чего. С этих «кинжальщиков» станется. Я-то, конечно, рядом буду. Но ты и сам не зевай.

Они вышли из-за угла дома. Луна-будара плыла по небу, задирая нос на набегающие волны-облака. Йешу остановился.

– Луна... – сказал он. – На лодочку похожа... Красиво.

Кефа улыбнулся.

– Я тоже об этом недавно думал. Когда на крыше стоял.

– У египтян, – задумчиво сказал Йешу, – луна – это левый глаз бога неба Хора. Правый – солнце, а левый – луна. Правый глаз у Хора целый, а левый – луна – больной, повреждённый. Ему в этот глаз бог войны Сетх стрелой попал.

– Забавно... – Кефа, прищурившись, посмотрел на «раненый глаз». – А что, похоже. Вон на нём столько пятен – сразу видно, что больной... А романцы, между прочим, считают, что растущий месяц похож на букву «D». Ну, кто их знает, они севернее живут, у них, может, он так сильно на бок и не заваливается. У нас в Нумидии, в Тубуске, помню, корникулярий был, Манк Ульпий, так он рассказывал, что в Германии, у Северного моря, месяц вообще всегда вертикально стоит. Как думаешь, правда?

– Не знаю, – сказал Йешу. – Я в астрономии не силён... Да и в Германии не был.

– Так я о чём, – спохватился Кефа. – Насчёт буквы «D». Романцы считают, что это от слова «ditesco»...

– Богатеть.

– Да. Так вот, у них есть такое поверье: если показать молодому месяцу деньги, то быстро разбогатеешь. У нас в легионе многие так делали. Как только месяц молодой покажется – бегут на улицу и деньги на ладонь высыпают. Надо, чтоб монета блеснула в лунном свете, тогда считается, что богиня Селена заметила её!

– Вот как, – Йешу заинтересованно повернулся к собеседнику. – И что, действует примета? Многие разбогатели?.. А ты? Ты уже как, показал Селене свои монеты?

– Это пусть Йехудá деньги луне показывает, – рассмеялся Кефа, – он у нас казначей. Позвать? Мне не сложно. Сейчас, понимаешь, рассыплю монеты по двору – глядишь, обратно соберём полный ящик, – он сделал вид, что направляется к дому.

– Не надо, – остановил его Йешу, – пусть спит... Трудный сегодня день был, намаялись все.

– Да ладно, – сказал Кефа, – шучу я. Пусть, в самом деле, спит. А то он, когда не выспится, считает плохо. Обсчитается ещё завтра на рынке, как тогда в Йерихоне.

– Да уж, – невесело засмеялся Йешу. – Золотые лепёшки у нас тогда получились. Йоханан до сих пор на Йехуду зуб точит, считает, что тогда это вовсе не случайность была, что наш казначей подворовывает.

– А ты так не считаешь? – Кефа быстро взглянул на Йешу.

– Нет, – твёрдо сказал Йешу и, посмотрев в глаза собеседнику, повторил: – Нет.

– Ну, нет, так нет... – легко согласился Кефа. – Ладно, пойдём спать, завтра силы понадобятся, день, похоже, нам действительно непростой предстоит.

– Да, – задумчиво сказал Йешу, – похоже на то...

Город готовился к празднику.

Мылось, чистилось и мелось всё, что только могло быть подметено, помыто и почищено. В каждом доме выскребался и проверялся каждый уголок, каждая полка, каждый закоулок. Из сундуков доставалась и перебивалась праздничная посуда. Во дворах хозяйки выколачивали одеяла и циновки, перетряхивали и выбивали подушки. Лёгкий белый пух взлетал вверх и, подхваченный ветром, весело кружил над плоскими крышами домов, летел вдоль тесных ущелий улочек, прилипал к развешанному во дворах, празднично развевающемуся, свежестиранному белью.

На и без того обычно многолюдных улицах и площадях огромного города теперь, казалось, яблоку негде было упасть. Тысячи и тысячи пришедших на праздник жителей ближних и дальних земель Эрец-Исраэля – Ха-Галиля и Эдомей, Йетурей и Гиль-Ада, Башаней и Хаврана, а также паломники из мест совсем уж неблизких, чужедальных, отовсюду, где в пределах тридцатидневного пути проживала еврейская диаспора – из сирийских Антиохии и Дамаска, из египетских Пифа и Гелиополиса и даже из парфянской Эдессы и киликийского Тарса, – все они, поодиночке и парами, семьями и целыми общинами, налегке и сгибаясь под тяжестью своего походного скарба, шли пешком, ехали на ослах и мулах, на лошадях и верблюдах, верхом и в разнообразных повозках, останавливались, трогались и снова останавливались, толкались возле харчевен и лавок, торгующих едой или одеждой, пили сами и поили свой скот, ели, беседовали и спорили, пели и танцевали под музыку многочисленных оркестриков, наводнивших в эти дни священный город, сидели, отдыхая, возле питьевых фонтанов или спали, завернувшись в тряпье, прямо в пыли под одинокими чахлыми деревьями или под стенами домов. Во всех дворах и на всех пустырях и в Верхнем, и в Нижнем, и в Новом городе, и в заброшенном саду у Северных ворот, и на обычно пустующем гипподроме, и даже на огромной пыльной площади возле Антониевой крепости, от которой в обычные дни любой иудей старался держаться подальше, – повсюду заполоскали белыми полотняными крыльями бесчисленные переносные шатры, закурились синим дымком бесчисленные, наспех сложенные очаги-временки.

Над крепостными стенами и дворцами, над каменными и глинобитными домами, над мощёными и немощёными улочками и площадями священного города повис устойчивый гул, сотканный из сотен тысяч мужских, женских и детских голосов, крика и бляенья животных, стука копыт и шарканья ног, звона и гудения многочисленных музыкальных инструментов. Вместе с гулом повис над городом запах – ни с чем не сравнимый запах большого праздника: адская смесь «ароматов» дыма, пыли, навоза, жареного мяса, конского пота и давно не мытых человеческих тел.

А народ тем временем всё продолжал прибывать. По всем шести главным дорогам, ведущим в Йерушалаим, непрерывным потоком текли караваны паломников. Город принимал их, гостеприимно распахнув все свои ворота. Казалось, нескончаемый людской поток в конце концов захлестнёт город, заполнит его до краёв, начнёт, как из закипевшего горшка, переливаться изнутри через крепостные стены, но ничего такого не происходило – город принимал всех, поглощал, переваривал, растворял в своей горячей ненасытной утробе. Население и без того огромного Йерушалайма в эти праздничные дни по меньшей мере удваивалось.

Дорога, ведущая к Йерушалаиму с запада, от Йерихона и Кумрана, от известного брода через Ха-Йарден возле Бейт-Авары, через который попадали в Йехудею жители северных земель и левобережья, сразу за Бейт-Эньюй раздваивалась. Северная, немощёная, тропа выводила к узкому деревянному мосту через Кидронский ручей, рядом с которым был брод для прогона животных, и вела к Овечьим воротам и раскинувшемуся возле них обширному Скотному рынку. Южный путь

вёл к огромному каменному виадуку, Мосту Давида, пересекавшему на головокружительной высоте всю Кидронскую долину и выводившему путников напрямую к самым красивым воротам Храмовой горы – Вратам Милосердия. Ворота эти, через которые в обычное время шёл на Храмовую гору основной поток паломников, на все предпраздничные и праздничные дни закрывались, и паломники, идущие в Йерушалаим с востока и не желающие делить свой путь с многочисленными стадами гонимых в город на убой животных, вынуждены были сразу за виадуком сворачивать влево и по крутой каменистой дороге, тянущейся вдоль восточной городской стены, спускаться к узким и низким Мусорным воротам, ведущим в Нижний город, а уже оттуда, изрядно поплутав по кривым пыльным улочкам, выходить на длинную и ровную, вымощенную тёсаным камнем, торговую улицу Сыроделов, с которой начиналась, брала разбег широченная беломраморная Главная лестница, шестью длинными пологими пролётами возносящая путников к юго-западному углу Храмовой горы, напрямиком к Царскому Портику – входу в протянувшуюся по всей южной стороне горы величественную Царскую Базилику.

Этот вход на Храмовую гору, как и сама Царская Базилика, были относительно новыми – их возвели по приказу царя Хордоса лет сорок тому назад. До этого паломники попадали на Храмовую гору через четверо ворот, прорезанных в стенах со всех четырёх сторон света: через Врата Милосердия – с востока; через Врата Колен – с севера, через самые маленькие, Врата Омовения, что вели от расположенных здесь с незапамятных времён купален, – с запада и через самые большие ворота, Врата Хульды, – с юга.

Последние и сейчас оставались основными. Именно через них, а точнее, через их левую, трёхарочную, часть шёл – от Овечьих ворот, огибая Антониеву крепость и далее, вдоль западной стены Храмовой горы, по длинной и узкой улице Хордиасы, ныряя в её конце под арку Главной лестницы и заворачивая налево, за угол, – поток паломников, ведущих в Храм предназначенных к священной жертве животных. Именно отсюда, пройдя через мрачный и тёмный, освещённый лишь чадающими факелами, тоннель и поднявшись по крутым осклизлым ступеням наверх, к солнцу, на царящую над священным городом Храмовую гору, они выходили к северо-восточному углу цитадели Храма, после чего попадали к четырём её северным воротам, ведущим в Священнический Двор – один из двух внутренних дворов цитадели, западный. Здесь их встречали козны – служители Храма: строгие и торжественные, в белых одеждах и с длинными серебряными посохами в руках. Здесь предназначенные к жертве козлы и ягнята в последний раз осматривались на предмет пригодности к закланию, а их хозяева тщательно инструктировались и только после этого, по команде старшего из кознов-вратников, пропускались вовнутрь, к Бейт-Митбахим – Кухонному Месту, где жертвенные животные, приняв на себя человеческий грех, расставались со своей жизнью, а заодно и со своей шкурой и всеми внутренностями и, поднятые руками кознов-жрецов на Жертвенник Всесожжения, возносили людские грехи горячим дымом напрямиком к Богу – в высокое йерушалаимское небо.

Правая, двухарочная, часть Врат Хульды, к которой вёл тоннель от юго-восточного угла храмовой цитадели, предназначалась исключительно для выхода с Храмовой горы, что позволяло в дни большого скопления паломников развести людские потоки и не создавать заторов.

Врата Милосердия во избежание давки открывались только в межпраздничные дни, когда спадал поток страждущих принести очистительную жертву.

Врата Колен служили теперь лишь для прохода на Храмовую гору кознов и воинов храмовой стражи.

Четвёртые, Врата Омовения, и вовсе исчезли, заложенные камнем во время перестройки Храма, затеянной неутомимым строителем, царём Хордосом, которого и теперь, спустя тридцать с лишним лет после его смерти, одни всячески поносили и проклинали, а другие называли Великим.

По Главной лестнице к Царскому Портику поднимались те, кто нёс в Храм лишь свои деньги, Здесь была вотчина торговцев и менял. Внизу, у лестницы и под лестницей, и по всей лестнице, прямо на ступенях, и на всех площадках лестницы, и наверху, по всем трём параллельным залам Царской Базилики, сидели, стояли, махали руками, кричали, пели и даже пританцовывали, зазывая покупателей, охрипшие продавцы на развалах праздничной одежды и посуды, суетливые лоточники – торговцы разнообразной снедью, разносчики воды и простокваши с тяжёлыми глиняными кувшинами на плече и висящими на поясе на верёвках оловянными кружками. Здесь торговали в розницу и заключали оптовые сделки. Здесь – прямо на разноцветных мраморных плитах пола или на спинах поставленных на колени рабов – составляли письменные договоры и скрепляли их оттиснутыми на воске печатями. Здесь же лежали, сидели,

бродили в толпе, выпрашивая подавание, храмовые нищие: хромые, слепые, убогие, в нарочито драной и грязной одежде, выставляя напоказ свои «божьи отметины»: гниющие язвы, кривые иссохшие руки и ноги, безобразные опухоли, горбы. Это было вполне устоявшееся сословие храмовых побирушек, сделавших нищенствование своей основной профессией. Большинство из них передавали своё ремесло – и главное, место при Храме! – из поколения в поколение. Многие из этих «нищих» были довольно состоятельными людьми.

Меняльные столы стояли по краю левой, северной, залы базилики. Менялы-левиты располагались спиной к базилике, лицом к Храму, по краю так называемой Мирской площади – обширного внешнего двора Храмовой горы, посреди которого возвышалась цитадель Храма. Менял было много, но всё равно к каждому из них выстраивалась длинная нетерпеливая очередь – паломники спешили обменять свои кровные денежки на священные храмовые сикли: тяжёлые серебряные монеты с изображением чаши и лилии – единственные, разрешённые к храмовым пожертвованиям, деньги.

Несмотря на то, что солнце взошло только часа три назад и здесь, на вознесённой над городом на высоту шестидесяти локтей, продуваемой утренним свежим ветерком Мирской площади, было ещё достаточно прохладно, менялы трудились в поте лица. Руки их так и летали, принимая деньги у очередного паломника, бросая их на весы, отсчитывая сикли и сдачу, ссыпая деньги в деревянные ящики с прорезями (золото – отдельно; серебро – отдельно; медь, бронзу и аурихалк – отдельно), и снова – принимая, ссыпая, отсчитывая... Когда ящики наполнялись, или когда истощались туго набитые кожаные мешочки со священными сиклями, меняла подавал знак, и один из коэнов-казначеев в сопровождении двоих или троих, вооружённых тяжёлыми дубинками, воинов храмовой стражи спешил к нему, восполняя недостающее и унося заполненное.

Получив заветные сикли, паломники спешили через Мирскую площадь к цитадели Храма, к входу в её восточную, так называемую Женскую, половину, где возле внутренних ворот – легендарных медных Врат Никанора, – ведущих в Священнический Двор, стояли коэны с двуручными деревянными ящиками для приёма денежных пожертвований. Сикли текли в ящики серебряными ручьями. Полные ящики один за другим исчезали за воротами Священнического Двора, им на смену тут же выносились пустые, а из обширных храмовых подвалов, по подземным переходам, пронизывающим всю Храмовую гору, через малоприметную дверь в южной стене Царской Базилики доставлялись и передавались коэнам-казначеем новые, туго набитые кожаные мешочки. Денежный круговорот не останавливался ни на миг.

Дальняя часть Царской Базилики, примыкавшая к тянущемуся по восточной стороне Храмовой горы Портику Шломó, была вся уставлена птичьими клетками – здесь продавали жертвенных голубей. Здесь было чуть потише, сюда заходили лишь самые бедные из паломников, те, у кого не доставало денег на жертвенного агнёнка или козла. Здесь и расположился Йешу со своими друзьями и учениками. Против обычая, Йешу не пошёл вглубь Портика Шломо, туда, где собирались книжники-прушимы и где кипели незатихающие споры по поводу толкования того или иного параграфа Закона или положения Писания. В другие дни Йешу с удовольствием окунался в кипящий котёл галахических баталий, ввязывался в словесные перепалки, в сложные правовые диспуты. Он уже давно был известен среди местных законников как «рабби-галилеянин» – неутомимый, острый на язык спорщик, знаток множества поучительных притч и любитель неожиданных парадоксов. Но сегодня было не до споров. Йешу ждал Накдимона, который должен был принести новые известия о готовящемся в городе мятеже. О самом мятеже и об истинной причине нынешнего ожидания на Храмовой горе, кроме Йешу, знали только Кефа и Андреас, которого Йешу счёл нужным посвятить в суть дела. Остальным членам общины было объявлено, что рабби ждёт богатого покровителя, который обещал дать денег в общинную казну, выдано по пять прут в руки и разрешено спуститься в город: погулять по праздничному Йерушалайму, потолкаться в торговых рядах, поглазеть на музыкантов и фокусников да и просто перекусить – уходили сегодня из дома Шимона-горшечника затемно, без завтрака, а покупать что-либо на Храмовой горе было слишком невыгодно – здешние продавцы, «отбивая» те немалые деньги, что они платили коэнам за право торговли у Храма, задирали цены чуть ли не до небес. Женщинам, в дополнение к «едовым» деньгам, было выдано ещё по три пруты – на ленты, гребешки, заколки и прочую, столь милую любому женскому сердцу, чепуху. Так что рядом с Йешу сейчас оставались только Кефа и Андреас, а также те, кто в город идти по какой-либо причине не захотел: Йехуда, Леви, и Йоханан-младший – малыш Йóхи, только недавно

примкнувший к их общине, – совсем молодой, шестнадцатилетний, горячий и восторженный, буквально глядящий рабби в рот и по первому слову готовый бежать исполнить любое, даже самое незначительное, пожелание учителя.

Время тянулось медленно. Тень от Портика Шломо, накрывавшая с утра всю Мирскую площадь, постепенно съезживалась, умахалась, втягивалась под подпирающую Портик колоннаду, но при этом темнела, загустевала, становилась чуть ли не осязаемой и по плотности своей уже всерьёз соперничала с толстым столбом чёрного жирного дыма, что поднимался от Жертвенника Всесожжения – над стенами цитадели, прямо перед ослепительно сверкающим, отделанным золотыми пластинами, величественным зданием Храма.

Жертвенник работал бесперебойно. Примерно каждые четверть часа два козна-трубача, стоящие на башнях, возвышающихся над Священническим Двором, дудели в свои серебряные трубы, возвещая о том, что очередная партия паломников вонзила ножи в горла затрепетавшим в своём последнем жизненном порыве козлам и ягнятам и что серебряные ковши с горячей жертвенной кровью вновь побежали по рукам выстроившихся цепочкой, одетых в красные одежды, босоногих кознов-жрецов: от Бейт-Митбахим – к пологому каменному подъёму, что вёл на высокий, в четыре человеческих роста, помост Жертвенника. Кровь проливалась на Жертвенник. Её было много. Очень много. Она стекала в специальное отверстие, по сложной системе желобов бежала вниз, с горы, и Кидронский ручей в эти дни на много миль вниз по течению становился красным. А на помост Жертвенника уже вновь поднимались жрецы. В огонь летели потроха и жир животных. Дым начинал валить гуще и – тяжёлый и неповоротливый – лениво поднимался в незамутнённое голубое небо, клонился от налетающего на него возмущённого ветерка, наваливался всей своей чадной тяжестью на юго-восточную башню Антониевой крепости, угрюмой громадой нависавшую над храмовой стеной. На соседней, юго-западной, башне тонкой цепочкой блестели шлемы – романские дозорные внимательно наблюдали за всем тем, что происходит на Храмовой горе.

Кефа сидел на ступеньке под угловой колонной и, опершись на неё спиной, полудремал, невнимательно слушая голос Храмовой горы: крики людей, вопли козлов и ягнят, топот и шарканье сотен и сотен ног, торжественные переливы громогласных жреческих труб. Рядом тихо шуршали и царапали коготками прутья клеток голуби. Клонило в сон. Отчётливо тянуло голубиным помётом.

Рядом с Кефой, касаясь его плечом, сидел Андреас. Судя по ровному дыханию, он, похоже, спал. Под соседней колонной, сердито глядя из-под кустистых бровей на людской водоворот, восседал вечно недовольный жизнью толстяк Леви. Чуть поодаль, прямо на каменных плитах площади, поджав под себя ноги, устроились Йехуда и Йохи. Казначей, облокотясь на свой ящик, что-то тихонько говорил учтиво склонившемуся к нему юноше.

Рабби единственный из всех был на ногах. Он, заложив руки за спину и низко наклонив голову, задумчиво прохаживался вдоль длинных рядов голубиных клеток.

Грянули возбуждённые голоса. Кефа вздрогнул и открыл глаза – из четырёх ворот, разом открывшихся в южной стене Священнического Двора, на площадь, скатываясь по узким крутым ступеням, вьсыпала очередная партия принёсших священную жертву паломников: радостных, хохочущих, с ног до головы перемазанных кровью, волокущих на плече освежёванную тушу, а под мышкой – свёрнутую шкуру своего козла или ягнёнка. Через настежь распахнутые ворота было видно, как босоногие козны-жрецы торопливо льют на лестницы воду, смывая с белых мраморных ступеней ярко-красные кровавые следы. Вид свежееобдранных, ещё сочащихся кровью туш неожиданно вызвал у Кефы острое чувство голода. Его нос вроде бы даже уловил невесть как залетевший сюда запах жареной на углях баранины. В животе у Кефы заурчало.

– Пожрать бы!.. – мрачным утробным голосом произнёс толстяк Леви, как будто прочитав Кефины мысли. Он с завистью, не отрываясь, смотрел на спешащих к выходу счастливых обладателей очищенных священным ритуалом мясных туш. Его всклокоченная, похожая на чёрный куст перекаати-поля, борода ходила из стороны в сторону, как будто её обладатель уже что-то жевал, а ноздри тонкого кривого носа хищно раздувались – похоже, обжора Леви тоже «унюхал» в здешнем воздухе что-то аппетитное.

– Да, неплохо бы, – отозвался Кефа.

Он недолюбливал этого бывшего сборщика податей. И не столько за прежнее его ремесло – мало ли кто кем был в прошлой жизни! – сколько за его постоянное брюзжание, за извечное недовольство всем и вся. Но сейчас он был вполне солидарен с бывшим тверийским мытарем.

– Может, возьмём чего у лоточников? – подал голос тут же проснувшийся Андреас; Йехуда и Йехи с готовностью подняли головы. – Хотя бы пару лепёшек на всех, – продолжал Андреас. – И простокваши. Не так уж дорого выйдет. А, рабби?

– Что?.. – Йешу остановился в трёх шагах от них, его отрешённый взгляд, побродив по лицам, наконец остановился на Андреасе. – Да. Пожалуй. Йехи, мальчик, будь добр, сбегай. Йехуда, дай ему несколько монет.

Юноша с готовностью вскочил. Поднялся и казначей.

– Я с ним схожу.

Йешу кивнул.

Кряхтя, оторвал свой обширный зад от каменной ступеньки и бывший сборщик податей.

– И я пойду. Надоело сидеть... Каждому по лепёшке возьмём, чего тут куски ломать. Да и пожрать по-нормальному ещё неизвестно когда придётся. Да, рабби?

Йешу невнимательно махнул рукой, он уже опять думал о своём.

– Пошли-пошли! – суетливо поторопил Леви своих компаньонов.

Йехуда поднял с земли свой ящик, повесил его через плечо, и троица резво зашагала по галерее по направлению к Главной лестнице, туда, где призывно звучали голоса торговцев.

Кефа тоже встал и подошёл к Йешу:

– Ну что?

Тот пожал плечами.

– Ждём... Что нам ещё остаётся?..

– Йешу!.. – раздалось неподалёку. – Йешу!.. – по галерее Портика Шломо к ним спешил Накдимон. – Вот вы где! А я вас обыскался! Пол Храмовой горы уже обошёл! А вы здесь, – он приблизился; пот мелким бисером искрился на его висках.

– Ну, узнал что-нибудь? – встретил его нетерпеливым вопросом Йешу.

Накдимон, отдуваясь, помотал головой.

– Нет. Но я познакомился с одним человеком... – он принялся вытирать лицо рукавом рубахи. – Это – некто Шахár... Я на него через Эльдада вышел. Эльдад говорит – он правая рука Бар-Аббы...

– Где он? – быстро спросил Йешу. – Здесь?

– Шахар? Да. Там, – мотнул головой Накдимон. – Ждёт. Позвать?

– Конечно!

– Хорошо.

Накдимон, продолжая вытирать лицо, снова нырнул под своды галереи.

Йешу повернулся к Кефе и подошедшему к ним Андреасу.

– Говорить буду я, – торопливо произнёс он. – Вы будьте неподалёку, – его взгляд зацепился за Кефин меч. – А ты лучше вообще отойди подальше! Чтоб тебя даже видно не было! Не думаю, что этот Шахар станет откровенничать в присутствии романского гражданина.

– Я отойду, – пообещал Кефа, – но недалеко. Чтоб в случае чего... Не волнуйся, он меня не увидит. А ты смотри, поаккуратней, не лезь на рожон.

– Ладно, – сказал Йешу. – Не учи учёного...

– Я не учу учёного, – по возможности убедительно сказал Кефа. – Я просто тебя предостерегаю: будь осторожней. Запомни: у тебя острое слово, а у него – острый нож.

– Хорошо-хорошо, – нетерпеливо отмахнулся Йешу. – Я понял. «Кинжальщики», разбойники и всё такое прочее... Но я не думаю, что он осмелится пустить в дело нож здесь, на Храмовой горе, в священном месте.

– Осмелится, – без тени сомнения в голосе произнёс Кефа. – Плевать они хотели на твоё священное место. Даже не сомневайся.

– Прекрати! – дёрнулся Йешу. – Вечно ты палку перегибаешь. Вечно тебе ужасы везде мерещатся.

– Работа у меня такая, – спокойно парировал Кефа. – В моей работе, понимаешь, палку лучше перегнуть, чем наоборот.

– Вот-вот, – кивнул Йешу. – Я и говорю. Кого змея укусила, тот и от верёвки шарахается... – он оглянулся. – Всё-всё, давайте, разошлись, – вон, они уже идут!

По площади, вдоль белых колонн Портика Шломо, к ним спешил Накдимон в сопровождении невысокого, очень загорелого мужчины в красно-коричневой симле, перетянутой широким кожаным поясом.

– Стань здесь, – тихо сказал Кефа Андреасу, указывая ему на место за спиной торговца голубями. – Сделай вид, что выбираешь птиц. Но смотри за этим Шахаром в оба. Если увидишь, что он достаёт нож или хотя бы, вообще, лезет за пазуху – кричи и швыряй в него всем, что попадётся под руку.

– Чем швырять? – не понял Андреас.

– Да чем угодно. Вот, хотя бы птичками этими, – кивнул Кефа. – Прямо клеткой и запусти. Понял?

– А ты?

– А я... – Кефа подмигнул ему. – Не волнуйся, я буду неподалёку.

Он нырнул за птичьими клетками и, быстро пройдя по средней зале Царской Базилики, перешёл в Портик Шломо, где сразу присел за спинами группы книжников-прушимов, очень удачно расположившихся совсем недалеко от Йешу, стоящего под колонной на стыке двух галерей.

Подошли Накдимон и Шахар.

– Мир вам.

– Мир вам...

Прушимы по очереди читали отрывки из Писания. Когда Йешу и Шахар начали разговор, очередь как раз дошла до худого долговязого книжника с громким визгливым голосом, и Кефа совершенно перестал слышать хоть что-нибудь из того, о чём говорил рабби со своим гостем. Кефа подался вперёд, пытаясь по выражению лиц определить если уж не суть разговора, то хотя бы эмоции говорящих. Загорелое лицо Шахара оставалось совершенно бесстрастным. А вот о лице Йешу этого сказать было нельзя, отчётливо было видно, что рабби волнуется: глаза его блестели, на щеках пятнами проступил румянец, движения рук были часты и порывисты.

Шахар спокойно слушал, время от времени что-то коротко отвечая.

Йешу показал гостю на Храм, что-то проговорил, рубя ладонью воздух перед собой, и в завершение потыкал в сторону собеседника пальцем.

Шахар покачал головой. «Нет», – прочитал по его губам Кефа.

Йешу схватил гостя за руку и заговорил ещё горячее и торопливей.

Шахар мягко, но непреклонно высвободил свой рукав из пальцев Йешу. «Нет», – снова сказали его губы.

– Но почему?!.. – отчётливо донесся до Кефы вскрик-вопрос рабби.

Шахар качнулся к Йешу (Кефа напрягся) и начал что-то говорить почти прямо ему в ухо. Несколько мгновений Йешу внимательно слушал своего собеседника, а потом резко отпрянул от него. Лицо его исказилось.

– Ах, ты... ехидна! – громко произнёс он.

Губы Шахара изогнулись в презрительной ухмылке.

Йешу кинулся к нему и схватил обеими руками за грудки. Кефа вскочил.

Шахар, оторвав руки Йешу от своей одежды, сильно оттолкнул его от себя. Йешу попятился и, наткнувшись на клетки с голубями, упал на спину, увлекая несколько клеток за собой. Голуби в клетках забили крыльями – по мраморным плитам галереи полетел белый пух. Одна из клеток распалась, и несколько птиц, вырвавшись на свободу, громко хлопая крыльями, взвились в голубое небо. Вскрикнула какая-то женщина. Прушимы повскакивали, недоумённо вертя головами. На лежащего Йешу немедленно налетел торговец голубями.

– Ты что наделал, собака?! – заорал он, хватая Йешу за одежду и пытаясь поднять его с земли. – Ты что, не видишь, куда идёшь?! Глаза у тебя повылазили?! А ну, плати мне за голубей!..

Йешу с трудом поднялся на ноги. В правой руке он держал свой развязавшийся пояс, левая, испачканная голубиным помётом, была брезгливо отведена в сторону. На левой щеке рабби тоже белел птичий помёт. Лицо его было растеряно.

– Плати мне за птиц! – не унимался торговец. – Ты слышишь, что я тебе говорю?! Плати мне немедленно! Эй, стража!.. Стража!..

А Шахар уходил. Его красно-коричневая симла уже мелькала шагах в тридцати по направлению к тоннелю, ведущему к Вратам Хульды. Кефа оглянулся: со стороны Главной лестницы к месту происшествия спешили потревоженные стражники.

Кефа подскочил к Андреасу.

– Иди за ним! – он развернул брата и указал ему на спину удаляющегося Шахара. – Видишь его? Давай, за ним! Не упустит! Узнай о нём всё, что только можно узнать. Только осторожно! Не

попадись ему на глаза!.. Давай-давай-давай! – подтолкнул он медлящего, тоже ошеломлённого случившимся, беззвучно шевелящего губами Андреаса.

Теперь надо было разобраться с торговцем голубями. Кефа быстро подошёл к продолжающему истошно вопить торгашу, развернул его за плечо к себе лицом и коротко, но сильно ткнул под дых. Торговец выпустил из пальцев край симлы Йешу, согнулся пополам и, захрипев, мягко повалился на бок, тараща безумные глаза и безуспешно открывая и закрывая широкий слюнявый рот.

– Что здесь происходит?! – рядом с Кефой воздвигся стражник, огромный рост которого ещё больше увеличивал высокий остроконечный шлем; за спиной верзилы, отдуваясь, топтались ещё двое, вооружённые древками от копий.

– Да вот, – Кефа кивнул на валяющегося у его ног торговца, – плохо человеку стало. Упал, клетки повалил.

На лице старшего стражника отобразилось недоверие.

– Кто свидетель? – поднял он голову, обозревая толпу с высоты своего роста.

– Я! – из-за спин прушимов к ним выдвинулся Накдимон. – Я свидетель. Всё так и было, как говорит этот уважаемый: стало плохо, упал, повалил. Видимо, голову напекло.

Стражник внимательно слушал. Выражение недоверия на его лице сменилось почтением – Накдимона и в городе, и в Храме знали хорошо.

Торговец – с багровым лицом и выпученными глазами – что-то замычал, замотал головой, роняя обильную слюну.

– Вот, видите? – указал на него стражникам Накдимон. – Совсем плохо человеку. Эй, вы, там, у фонтана! Принесите воды!

– Воды!.. Воды!.. – понеслось над площадью. – Человеку плохо!..

Кефа осторожно, бочком отодвинулся от лежащего торговца. На его место тут же вклинились любопытствующие.

– Уходим! – шепнул он на ухо Йешу.

Тот уже немного пришёл в себя и привёл свой костюм в порядок. Вместе они стали выбираться из всё прибывавшей толпы и тут же наткнулись на ушедших за едой товарищей.

– Что там? – спросил Йехуда, кивая в сторону людской толчеи. Похоже, он ничего не успел увидеть.

Леви, увлечённый лепёшкой с творогом, вообще не смотрел по сторонам. Его усыпанная крошками борода мерно ходила из стороны в сторону.

Зато юный Йохи глядел на рабби во все глаза. Лепёшка с одиноким откусом забыто торчала в его, прижатой к груди, руке. Он явно что-то видел и явно был ошарашен увиденным.

– Уходим! – отчётливо сказал им Кефа и, развернув, даже подтолкнул Йохи в сторону, откуда они пришли. – Быстро уходим!

– Рабби, – оглянулся юноша на учителя, – я не понял...

– Потом, Йохи, потом! – Кефа, как вол борону, упорно тащил всю компанию за собой. – Все вопросы потом! Разве ты не видишь, рабби не до тебя...

– Обокра-али-и!!.. – раздался за их спинами протяжный визгливый вопль торговца голубями.

– Ты глянь, очухался, – не оглядываясь, удивлённо хмыкнул себе под нос Кефа. – Быстро, однако...

– Обокра-али-и!!.. Во-оры-ы!!.. Мошенники-и!!.. Держи-и!!.. – летел, звеня и рассыпаясь под высокими сводами Царской Базилики, исполненный боли и отчаянья крик.

Но «мошенники» были уже далеко...

– Ой, ладно, брось! – толстяк Леви махнул на Кефу рукой. – Никогда не поверю, что наш рабби сцепился с каким-то торговцем из-за такой ерунды!

– Ничего себе ерунда! – возмутился Кефа. – Храмовая гора – священное место! В прежние времена такого и в помине не было. Раньше торговцы и подумать не могли подняться, понимаешь, на Храмовую гору – торговали внизу. Помните, сколько раз рабби говорил, что торговцу не место в храме!

– В храме – да, – поддержал бывшего мытаря и Йехуда. – Но ты ведь сам прекрасно знаешь, что Царская Базилика, как и западная галерея, напрямую к Храмовой горе не относятся, поскольку были пристроены к ней позже.

– Да, дод Кефа, я тоже слышал, – вмешался в разговор юный Йохи. – Я слышал однажды, как рабби Мальахи говорил на проповеди: «Построенное Хордосом от земли Давидовой отделяй, как правоверный отделяет некошерное от кошерного».

Все заулыбались – было смешно слушать, как юноша пытается копировать голос и интонации старого рабина.

– Йохи, мальчик, – Кефа потрепал по плечу юнца, у которого от волнения малиново горели уши, – ты очень хороший ученик и, возможно, ты когда-нибудь сам, как почтенный Мальахи, станешь рабином. Но я разве об этом говорю? Я разве об этом всем вам толкую? – он обвёл глазами товарищей. – Я пытаюсь вам сказать лишь то, о чём столько раз твердил вам рабби: нельзя, понимаешь, делать деньги на вере... Купи у хозяина голубя и принеси его в храм, – подняв палец, с выражением процитировал он, – ибо никто не должен являться пред лицом Господа с пустыми руками. Но не носи Господу трижды перекупленное, ибо тогда ты несёшь Ему не свою любовь, но лишь чужую корысть.

Воцарилось почтительное молчание.

– Это из Книги Речей? – робко спросил Йохи.

– Да, – сказал Кефа. – Оттуда... В трактовке великого Хилеля, да осенит его мир.

Он весь вспотел. Он чуть ли не целый час пытался объяснить своим поделщикам произошедшее на Храмовой горе. Это было непросто. Очень непросто, ибо правду говорить было нельзя. Поэтому приходилось как-то изворачиваться. Похоже, это у него наконец получилось. «Прости меня, преподобный Хилель ха-Закён, – попросил про себя Кефа. – Пойми и прости. Ибо не корысти ради приписал я тебе свои слова...»

Они сидели на пустыре за Скотным рынком, неподалёку от Третьей Овечьей купели. Здесь, на высоком берегу Кидронского ручья, под сенью старых, утомлённых жизнью смоковниц, находилось их традиционное место сбора. Здесь рабби назначил встречу и сегодня. Сам Йешу сразу после событий на Храмовой горе отправился вместе с Накдимоном в Верхний город. Как Кефа ни уговаривал, Йешу взять его с собой не пожелал. Насколько Кефа понял, Йешу с Накдимоном решили ещё раз поговорить с наси Хамлиэлем. «Извини, Кефа, – сказал ему Йешу, – но ты там будешь лишним. Совсем лишним. Наси терпеть не может легионеров. Ни отставных, ни действующих»...

Кефа поднял голову и прищурился. Солнце уже давно перевалило за полдень и, утомившись, – побледневшее, выгоревшее – висело сейчас как раз над массивными кубическими башнями Антониевой крепости. Столб чадного дыма над Храмовой горой хоть и не стал тоньше или жиже, но, казалось, тоже устал: он шатался из стороны в сторону и, отяжелев от борьбы с окрепшим после полудня ветром, уже не упирался чёрной палкой в небосвод, как будто стремясь проткнуть небесную твердь, а на полпути слабел, сгибался, оседал, расплзался слоистой грязно-серой дымкой над городом, стекал с его стен в синеющую предвечерними тенями Кидронскую долину.

Зато Скотный рынок как будто и не собирался стихать: над ним стояли пыль и ор. Орали козлы и ягнята, которых загоняли в купели или вытаскивали из оных. Орали продавцы и покупатели, яростно торгуясь за каждую медную пруту. Орали уже давно охрипшие зазывалы, на все лады расхваливая свой четвероногий товар. День был непростой. Именно сегодня, десятого нисана, полагалось, согласно Закону, выбрать и купить праздничного агнца – ягнёнка, который будет заколот в день Святой Писхи. Поэтому к обычным ежедневным покупателям, которые выбирали себе животное для будничной благодарственной – так называемой «мирной» – жертвы или для искупительной жертвы за грехи, добавились главы семей и целых общин, озабоченные покупкой праздничного агнца. Над торговыми рядами коричневым облаком висела поднятая тысячами ног мелкая пыль. Остро несло бараньей мочой.

Из города вернулись уже почти все. Женщины, ушедшие все вместе, и пришли все вместе, и сейчас сидели в нескольких шагах от мужчин, тихонько беседуя между собой и демонстрируя друг другу приобретённые в городе обновы. Из мужской части общины не хватало лишь «братьев громовых» – племянников Йешу: Йоханана и Йаакóва – да ушедшего вслед за таинственным Шахаром Андреаса. Не вернулся пока и рабби.

От женской компании отделилась и подошла к Кефе Мирьям-младшая. В её буйные чёрные волосы, кудрявыми водопадами ниспадающие из-под повязанного на голове платка, были вплетены широкие ярко-красные ленты, купленные нынче в лавочке на улице Сыроделов.

– Кефа, куда пошёл рабби?

– Не знаю, Мирьям, он не сказал.

– А что он сказал?

Кефа улыбнулся – Мирьям-младшая ему нравилась.

– Он сказал, чтоб мы все собрались здесь и ждали его. А если его не будет за час до заката, чтоб мы сами купили праздничного агнца и возвращались в Бейт-Энью.

– И всё?

– И всё.

Мирьям вздохнула.

– Я отчего-то волнуюсь.

Она стояла перед Кефой – маленькая, хрупкая – и, строго хмуря брови, накручивала на палец кончик своего длинного тёмного локона. Кефа невольно залюбовался ею: черты лица девушки были правильными, тонкими, а кожа на её лице как будто светилась изнутри – Мирьям-младшая, в отличие от большинства других женщин, не любила пудрить лицо, ей, кстати, с её от природы светлой кожей, это было и ни к чему. Равно как и сурьмить брови – и так густые и чёрные от рождения. Она уже совсем оправилась и от своей болезни, и от тех страшных событий, что приключились с ней в Магдале. Её карие глаза, ещё совсем недавно пугливые, затравленные, глядящие при разговоре в землю, теперь были широко распахнуты и смотрели открыто и доверчиво.

– Не волнуйся, – Кефа ободряюще прикоснулся к её плечу. – Ничего с рабби не случится. Он ведь не один ушёл – вместе с почтенным Накдимомом... – Кефа взглянул поверх головы девушки и широко улыбнулся. – Ну вот, видишь, ничего с ним не случилось – вон он идёт.

Лицо девушки вспыхнуло недоверчивой радостью. Она резко обернулась и, как и Кефа, увидела приближающегося Йешу: тот шёл сквозь рыночную толчею, не глядя по сторонам, устало опустив голову и тяжело переставляя ноги.

«Рабби идёт!.. Рабби!.. Рабби идёт!..» – обрадовано зашелестело по сторонам. Все приободрились. Сидевшие вскочили на ноги.

Йешу подошёл, кивком отвечая на приветствия, и тяжело привалился плечом к стволу ближайшей смоковницы. С первого взгляда было видно, что рабби очень устал. Он был весь покрыт пылью: пыль густо лежала в складках его одежды; грязные полукружия «украшали» крылья носа; потные ручейки, проложив извилистые русла по щекам, ныряли в припудренную пылью бороду; грязь чернела в углах рта.

– Все здесь? – рабби обвёл взглядом притихшую общину.

– Племянников пока твоих нет. «Братьев громовых», – ответил за всех Кефа. – Гуляют... И Андреас ещё не вернулся.

– Праздничного агнца купили?

– Нет. Тебя ждали.

– Надо купить, – Йешу пошарил глазами. – Йехуда! Шимон! Сходите купите ягнёнка. Там, – он показал, – подальше от ворот, там дешевле. Смотрите только, чтоб вам бракованного не подсунули... Пилип! Сходи с ними – ты разбираешься.

– Хорошо, рабби.

Йехуда подхватил с земли свой ящик.

– Ну что, пошли?.. Пилип!

– Да!.. Сейчас!.. – рыжебородый Пилип, сидя на земле, торопливо зашнуровывал свои сандалии. – Всё, я готов! – он вскочил и, проверяя обувь, потопал ногами. – Пошли!

Йехуда махнул рукой, и компания тут же затерялась в пыльной толчее людей и животных.

– Тебе надо умыться, – сказал Кефа Йешу. – Ты как будто землю ел.

– Почти так и было, – невесело усмехнулся тот.

– Ну что, получилось что-нибудь? – спросил Кефа, впрочем, уже заранее зная ответ.

– Ничего не получилось, – прошептал Йешу. – Совсем ничего. Понимаешь? Совсем! – его лицо исказила гримаса злобы. – Уроды! Слепцы! Ладно, сами погибнут, так ведь и невинных на смерть обрекут!.. Мало вам крови пролитой?! Мало вам горя людского?! Отродья змеиные!.. Да будьте вы прокляты!! – он яростно пнул ствол ни в чём не повинной смоковницы.

– Тише ты, тише!.. – Кефа схватил рабби за руку. – Успокойся! Смотрят на нас... Пойдём, к воде спустимся. Умоешься. Там и поговорим.

– Да... Пойдём... – Йешу провёл ладонью по лицу, взглянул на руку. – Дьявол! Грязный, как... Он не договорил и стал спускаться по каменистому откосу к ручью. Кефа последовал за ним. Внизу, у воды, было прохладнее и тише – шум Скотного рынка сюда почти не долетал.

Йешу развязал пояс, стянул через голову симлу и критически оглядел её.

– Давай я вытрясу, – сказал Кефа. – Умывайся.

Он принял у Йешу накидку, отошёл немного в сторону и, развернув, несколько раз сильно встряхнул – вдоль по ручью полетело густое пыльное облако.

– Ничего себе, – сказал Кефа. – Где тебя валяли?

Йешу не ответил. Он стоял на камнях, широко расставив ноги, низко склонившись к воде, и яростно умывался, отхаркиваясь и громко прочищая нос.

– Эй!.. – окликнули их сверху.

Кефа поднял голову – по откосу, осыпая вниз песок и мелкие камни, к ним торопливо спускался Андреас.

Йешу, широко шагая по камням, выбрался из ручья. Вода тонкими ручейками стекала с его волос и мокрой бороды.

– Даже полегчало слегка... – отдуваясь и промакивая лицо рукавом рубахи, сказал он. – Ну, что у тебя? – встретил он вопросом подошедшего Андреаса. – Узнал что-нибудь?

– Что-нибудь узнал, – Андреас, тоже с ног до головы покрытый пылью, с нескрываемой завистью посмотрел на рабби. – Хорошая мысль! – провозгласил он. – Дай-ка я тоже сполоснусь, – он стащил с головы платок, кинул его на камни и принялся разматывать свой изящный, вышитый цветными нитями пояс – подарок Михаль. – В общем, так... Шахар этот покружил меня по городу изрядно. Я за ним чуть не весь Йерушалайм обошёл. И в Новом городе побывал, и в Нижнем... – Андреас кинул пояс на камни, стащил через голову симлу и, присев над ручьём, окунул ладони в воду. – Ух, ты! Холодная!.. Так вот. Ходил этот Шахар по всему Йерушалайму и везде с кем-то встречался... – Андреас, не прекращая говорить, принялся умываться. – Если точно... было пять встреч... Две встречи сразу же возле Храмовой горы... прямо на улице Сыроделов... Одна – возле лавочки медника, другая – на обувном развале. Это который на углу с Гончарной... Потом он пошёл к Антониевой крепости. Что любопытно, встречался он там с легионером...

– С легионером? – удивился Кефа.

– Да, – подтвердил Андреас. – С кем-то из местного гарнизона, не из тех, что из Кесарии пришли – те все босолицы, как и ихний Пилат, – тьфу, срамota! А этот с бородой. Видать, из наших... Вот... Долго разговаривали – на Храмовой горе трубы за это время два раза пропели... Потом в Нижний город отправился... – Андреас встал и, сделав шаг от ручья, принялся утираться рукавом. – Там я его чуть на рынке не потерял. Нырнул он куда-то, я туда-сюда – нету. Даже расстроиться успел. Нет, потом смотрю – стоит, с кривоносом каким-то разговаривает... Потом ещё одна встреча была. В лавке торговца коврами. Там он тоже с каким-то типом долго шептался. Я за это время все ковры успел в лавке перещупать. Насчёт одного даже поторговался. Не поверишь, полцены сбил, представляешь?!..

– Ну, – нетерпеливо спросил Йешу, – а дальше?

– А дальше – всё, – Андреас принялся одеваться. – Он как с рынка вышел – так прямым ходом в Хасайский квартал потопал. А там в дом зашёл и больше не выходил. Я часа два прождал – не дождался, сюда пошёл.

– Дом запомнил? – спросил Кефа.

– Да, – кивнул Андреас. – Это в Кривом переулке, недалеко от Хасайских ворот. Если от ворот идти – по левой стороне. Там ещё калитка приметная – в синий цвет выкрашена.

– Молодец! – похвалил Кефа. – Ты, прям, как следопыт-охотник.

– Он тебя не заметил? – спросил Йешу.

– Нет, – «следопыт-охотник» покрутил головой. – Вряд ли. Да он особо и не оглядывался. Шёл себе и шёл... Слушайте, у нас пожрать есть что-нибудь? Ведь со вчерашнего вечера ни крошки во рту не было! Меня аж подвело всего!

– Есть. Есть, конечно, – озаботился Кефа. – У Йохи в мешке лепёшки и сыр.

– О! – обрадовался Андреас. – Здорovo! Я ж там, в Кривом переулке этом, чуть не помер, пока Шахара этого караулил! Там харчевня рядом, на углу, мясо жарят. Думал, слюной захлебнусь!

Кефа повернулся к Йешу.

– Ты, поди, ведь тоже голодный?

Тот поморщился:

– Не хочу есть. И не могу. Тошнит меня от еды.

– Ты это брось, – строго сказал ему Кефа. – Так нельзя. Дураков, понимаешь, много, а здоровье, оно одно. Пропади они все пропадом! Пойдём, перекусишь. Хлеб с сыром. Вино. Кстати, неплохое, хоть и местное.

– Вина выпью, – подумав, сказал Йешу.

Они начали взбираться наверх.

– Вы давайте ешьте и двигайте в Бейт-Энью, – сказал Кефа. – А я пробежусь до этого Кривого переулка, покараулю ещё. Может, Шахар под вечер ещё куда пойдёт. Тёмные делишки, они, понимаешь, темноту любят.

– Пробежись, – вяло согласился Йешу. – Может, и вправду, чего разнохаешь... – он выбрался наверх и, распрямившись, повернулся к Кефе. – Может, всё-таки этот Шахар выведет нас на Бар-Аббу?..

Кривой переулок оказался совсем коротким и вовсе не кривым. Дом с синей калиткой был по левой стороне вторым от угла, и Кефа отлично устроился наискосок от него, прямо под стеной харчевни, откуда отлично просматривалась и сама калитка, и весь переулок насквозь.

Ждать пришлось долго. Из дома никто не выходил. Зато заходили. Сначала двое мужчин – поодиночке, с интервалом примерно в час. А потом четыре женщины – весёлой смешливой стайкой.

И лишь когда видный из любой точки города золотой куб Храма вспыхнул в лучах заходящего солнца прощальным багровым огнём, а справа из-за домов поднялась в фиолетовое небо пузатая будара-луна, калитка, скрипнув, распахнулась и в переулок вышли двое. Одним из вышедших был Шахар. Второго Кефа видел впервые. Это был коренастый мужчина крепкого телосложения с таким же очень загорелым, как и у Шахара, лицом. Одет он был богато: в длинную коричневую шерстяную тунику, поверх которой была наброшена тёмно-синяя, шитая золотом симла, стянутая роскошным чёрно-белым полосатым поясом с золотой пряжкой. Под мышкой мужчина держал какой-то длинный и, судя по всему, достаточно тяжёлый, завернутый в платок предмет.

Выйдя из дома, заговорщики, стоя у калитки, перекинулись между собой парой слов, а потом двинулись в разные стороны: Шахар направился по переулку вниз, в сторону Нижнего города, а коренастый незнакомец – в противоположную сторону, к Хинномской улице, ведущей от Хасайских ворот на гору Цийон, в Верхний город.

Пройдя несколько шагов, незнакомец, как будто что-то вспомнив, остановился и, обернувшись, окликнул своего поделщика:

– Эй, Шахар!.. Смотри, это... не забудь – к Мэиру зайди! Обязательно! Напомни ему про повозку!

Кефа насторожился. Насторожили его не слова – в сказанных словах не было ничего необычного. Насторожила интонация. Так не говорят с другом. Так не говорят с компаньоном. Интонация была начальственная. Так говорят с подчинённым. Это была не просьба. Это был приказ.

– Хорошо, Йешу! Сделаю! – обернувшись, закивал Шахар.

«Йешу... Йешу... Йешу Бар-Абба...» – забормотал себе под нос Кефа, лихорадочно соображая.

Он поднялся с земли, отряхнулся и решительно зашагал вслед за быстро удаляющейся фигурой в шитой золотом тёмно-синей накидке.

Хинномская улица двумя длинными, круто взбирающимися в гору, коленами вывела их в западную часть Верхнего города, в район широких улиц и богатых особняков. Здесь было тише и зеленее – над высокими каменными стенами, огораживающими большие дворы, обильно свисали на улицу ветви деревьев. Где-то журчала вода.

Хотя Йешу Бар-Абба шёл, не оглядываясь, Кефа на всякий случай отстал от него ещё шагов на тридцать – здесь, в отличие от Нижнего города, прохожих было совсем мало, и затеряться среди них не было никакой возможности.

Бар-Абба дошёл до небольшой, вымощенной камнем площади, от которой в разные стороны лучами разбегались пять улиц, и свернул влево за угол. Кефа, дойдя до площади, двинулся прямо и, только дойдя до её центра, как бы между делом посмотрел налево. Уходящая влево короткая – шагов пятьдесят – мощёная улица упиралась в закрытые наглухо тяжёлые ворота. Улица была пуста.

Какое-то время Кефа стоял на площади, соображая, что делать дальше. Быстро смеркалось. Неуклюжая будара-луна спряталась за пришедшими с востока плотными тяжёлыми облаками. Где-то недалеко, как будто насмехаясь, истошно проорал ишак. Кефа сердито сплюнул и решительным шагом направился к замыкающим улицу массивным воротам, за которыми в глубине виднелся огромный и, судя по отделке, очень богатый дом.

Справа от ворот в глухой стене обнаружилась низкая калитка с небольшим, зарешёченным толстыми бронзовыми прутьями, оконцем. Кефа постучал. В оконце немедленно нарисовалась широкая бородатая физиономия с печальным вислым носом, на конце которого красовалась немалых размеров волосатая бородавка.

– Чё надо? – хрипло спросила физиономия,дохнув на Кефу кислой винной отрыжкой.

– Мы – община из Ха-Галиля, – почтительно кланяясь, произнёс Кефа. – Пришли в город на праздник. Ищем место для постоя.

– В этом доме на постоя не принимают, – отрезал бородавчатый.

– Ты сам это решил? – всё ещё почтительно спросил Кефа. – Может, всё-таки спросишь у хозяина? Ибо в Законе сказано: «Да не будет в Святом городе дома, который не принял бы пришедших поклониться Мне».

Охранник заколебался.

– Завтра приходи, – наконец принял он решение. – Поздно уже. Хозяин отдыхает.

Кефа согласно склонил голову.

– Хорошо. Завтра, значит завтра... А позволь узнать, любезный, чей это дом?

Охранник хмыкнул.

– Так ты что, не знаешь?! А, ну да, ты ж из Ха-Галиля, – в голосе его зазвучало снисхождение к дремучим невежественным провинциалам. – То-то я смотрю... Это дом первосвященника, досточтимого Йосэфа Каиафы, да продлит Всевышний его дни! – бородавка просунулась сквозь решётку и вплотную приблизилась к Кефиному лицу. – Так что мой тебе совет: поищи всё-таки для своей общины какое-нибудь другое место.

Кефа задрал брови как можно выше и изобразил на лице смятение.

– Дом самого Каиафы?!.. Прости, любезный, я не знал. Конечно, конечно, мы поищем другое место. Конечно... Беспokoить такого человека... Поклон почтенному Йосэфу, да будет дом его полной чашей!.. Да коснётся его длань Всевышнего!.. – пятась и кланяясь, он отодвинулся от калитки...

«Ну вот, всё и срослось, – быстро шагая прочь от дома первосвященника, размышлял Кефа. – Вот мозаика и сложилась. Йёшу был прав: идти к Ханану – всё равно, что самому подставить горло под нож... Ну, ладно, мозаика мозаикой, а делать-то теперь что?.. Может, зря я ушёл от дома Каиафы? Может, надо было подождать, пока Бар-Абба выйдет? И решить, понимаешь, с ним вопрос один на один. Его кинжал против моей спаты... А если он до утра не выйдет? А если он выйдет через другую калитку – дом-то огромный, выход явно не один?..»

– С дороги!!.. – грянуло над ухом Кефы. – Посторонись!!

Кефа шарахнулся и прижался к забору.

Мимо него, в чадном свете факелов, вздымая копытами высокие фонтанчики пыли, пронеслись два десятка всадников в блестящих шлемах и развевающихся плащах. В середине группы скакали два офицера в поножах и бронзовых тораксах с рельефным изображением атакующего вепря. Промелькнувшее лицо одного из офицеров – вытянутое вниз, с острым ястребиным носом – показалось Кефе смутно знакомым. Где-то он уже встречался с этим трибуном. Давно. Где? В Кирте? В Гиппо-Регии? В Ламбессе?..

Кефа проводил взглядом романских всадников. В конце улицы, куда они ускакали, тремя громадными уступами вздымался величественный дворец. Его было отлично видно – он был весь освещён оранжевым факельным светом и сиял на фоне ночного неба, как положенная на чёрный шёлк коралловая шкатулка с драгоценностями. Это был бывший дворец царя Хордоса, а ныне – йерусалаимская резиденция романского наместника, префекта Понтия Пилата.

Кефа отлепился от стены и медленно побрёл вслед ускакавшим всадникам. Дойдя до ближайшей площади, он повернул направо – на ведущую в Нижний город кривую и узкую улицу Виноделов.

На углу улицы, рядом с уже закрывшейся на ночь харчевней, таинственно мерцала углями сложенная из камней жаровня. Подёрнутые серым пеплом угли источали ровное сухое тепло.

Поравнявшись с ней, Кефа внезапно остановился как вкопанный – он вспомнил, где он встречал трибуна с жёстким, вытянутым вниз лицом и приметным хищным носом.

Кефа подержал ладонь над остывающими углями и не спеша двинулся дальше. Но вскоре остановился вновь.

– А почему бы и нет?.. – пробормотал он себе под нос. – Тоже ведь способ. Блоху ведь что ногтем, что камнем... Лучше уж, понимаешь, малой кровью...

Он ещё немного постоял, таращась в сгустившуюся над городом, почти непроглядную тьму, а потом развернулся и быстро зашагал назад...

Площадь перед дворцом Хордоса была пуста. За ней, возле ворот, ведущих в преториум, под роняющим со стены огненные капли дымным факелом, собравшись вместе, о чём-то зубоскалили и громко гоготали четверо легионеров внешнего караула.

Кефа вздохнул и, демонстративно выставив из-под края симлы рукоять меча, решительно двинулся через площадь.

Его заметили. Хохот стих. Когда до караульных оставалось с десяток шагов, навстречу Кефе, держа наизготовку копьё, выдвинулся рослый легионер.

– Куда?! – набычась, угрюмо спросил он на арамейском.

Кефа, не отвечая, сделал ещё несколько шагов вперёд и, лишь когда остриё копья упёрлось ему в живот, остановился и, строго глядя легионеру в глаза, хорошо поставленным голосом прим-декуриона отчеканил на имперском языке:

– Зови начальника караула, солдат. Дело особой важности. Мне срочно надо видеть советника Паквия.

2

После того как за отставным прим-декурионом закрылась дверь, советник Паквий ещё долго сидел за своим столом и, отрешённо глядя перед собой, задумчиво постукивал пальцами по гладкой полированной поверхности столешницы. Было тихо, лишь вяло шелестели за окном сонные деревья да время от времени сухо потрескивали угли в остывающей жаровне. В окно влетела летучая мышь, потрепетала крыльями под потолком и, сделав несколько стремительных кругов над светильником, вновь канула в ночь. Советник встал. Резкое движение отозвалось острой болью в спине. Паквий замер. Вот ведь некстати! Спина не беспокоила его уже несколько недель, и тут – на тебе! Наверное, опять меняется погода. Паквий, кряхтя, выбрался из-за стола и, принаравливаясь, осторожно прошёлся по комнате. Ничего, терпимо. Неприятно, но терпимо. Ладно, спина спиной, а дело делать надо. Спина, она своя, родная, она подождёт.

– Бэни! – окликнул он слугу.

В дверном проёме тут же возникла почтительно согнутая фигура.

– Да, господин.

– Вот что. Позови-ка мне Кальва.

– Слушаю, господин.

Слуга исчез. Паквий постоял над жаровней, глядя на мерно мерцающие угли, потом вернулся за стол, достал из ящика чистую керу и, пододвинув поближе трёхногий бронзовый светильник, принялся быстро писать.

Спустя четверть часа в комнату – как обычно, задев головой притолоку, а мечом косяк, – шагнул личный опцион советника необъятный Валерий Кальв.

– Вызывал, трибун?

– Да, проходи... Бэни, можешь быть свободен.

– У господина будут какие-нибудь пожелания? – осторожно осведомился слуга. – Обед? Терма?

– Потом, Бэни, потом. Ступай.

Слуга, поклонившись, попятился и, выйдя, плотно прикрыл за собой дверь. Паквий осторожно откинулся на спинку стула и, подняв голову, встретился взглядом с глядящим на него откуда-то из-под потолка Кальвом.

– Сесть не предлагаю, – сухо сказал ему Паквий, – мебели жалко... – как всегда в присутствии своего опциона, он испытывал лёгкое раздражение человека, при рождении сильно обделённого богами. – Слушай, как ты всё-таки с бабами спишь?! Они ж хрустеть под тобой должны, как орех под молотом!

Кальв усмехнулся.

– А я их сверху сажаю. Они на мне сверху скачут – только повизгивают... Надеюсь, трибун, ты позвал меня не только для того, чтоб узнать о моих постельных успехах?

Советник улыбнулся. Всё-таки опцион ему нравился – боги редко награждают человека одновременно и силой, и умом. Валерий Кальв был как раз таким исключением.

– Ладно, – сказал Паквий. – К делу... Значит так. Первое. Сейчас же отправь несколько человек к дому Каиафы. Под видом бродяг или паломников. Все выходы из дома – под наблюдение. Если из дома выйдет человек в тёмно-синей накидке – тут же взять и ко мне. Тёмно-синяя, расшитая золотом накидка, подпоясанная чёрно-белым поясом. Запомнил?.. Второе. Если до утра от Каиафы этот человек не выйдет, завтра на рассвете отправляйся в Кривой переулок. Там есть дом с синей калиткой. Возьмёшь всех, кто будет находиться в этом доме. Всех! Включая женщин. Особо меня интересует человек по имени Йешу Бар-Абба. Запомнил? Кривой переулок, дом с синей калиткой, Йешу Бар-Абба... Братъ живьём! Только живьём!.. Учти, сколько народу в этом доме – неизвестно. Зато известно, что все они вооружены. Хорошо вооружены. Так что возьми с собой не меньше двух контуберний. А лучше – трёх. Чтоб не один мятежник не ушёл! Понял?.. Теперь дальше... Что у нас по кандидатурам первосвященников?

Опцион пожал могучими плечами.

– Кроме тех, о которых я уже докладывал трибуну, пока больше ничего.

– А что ты мне можешь сказать о Йешу бар-Йосэфе? По прозвищу «рабби-галилеянин». Слышал о таком?

Кальв кивнул.

– Слышал, трибун. Причём неоднократно. По отзывам моих людей, он хорош. Он очень хорош. Но... Трибун ведь сам понимает – он не левит. Он – «рабби-галилеянин». А «Из Ха-Галиля может ли быть что доброе?», – процитировал он на арамейском.

– Хорошо. Ну, а если кроме того, что он не левит и что он галилеянин, – прищурился Паквий на опциона. – В остальном, говоришь, он хорош?

– Ну, если «кроме того»... – Кальв задумчиво поскрёб гладко выбритый подбородок. – Да, в остальном он хорош. Если «кроме того», то он, пожалуй, лучшее, что мы имеем на сегодняшний день.

– Обоснуй.

Кальв выставил перед собой лопатообразную ладонь и загнул мизинец.

– Во-первых, он умён... Во-вторых, – к мизинцу присоединился безымянный, – он прекрасно знает иудейские законы. По крайней мере, получше многих храмовых книжечеев. А потому он практически неуязвим в диспутах. Во всяком случае, во всех тех спорах, о которых я знаю, он вышел победителем... В-третьих, – Кальв загнул безымянный палец, – он лоялен РOME...

– Даже так?

– Да, – кивнул опцион. – Он очень спокойно относится к власти кесаря. Он принимает её как должное. Он не раз прилюдно высказывался в том смысле, что лучше платить кесарю дань, но продолжать жить в своей стране и верить в своего бога, чем попытаться не платить дани и лишиться разом и страны, и веры. «Отдайте кесарю кесарево, а богу – богово», – так он говорит.

– Да, он умён, – поразмыслив, согласился советник. – Этого у него не отнять. Будь все местные рабыни такими же, как этот галилеянин, у нас бы не было в Палестине никаких проблем... Что-то ещё?

– Да, трибун. В-четвёртых, – Кальв разогнул обратно мизинец, изобразив левой рукой «козу» – «четыре». – Он некорыстолюбив. Он долго жил у кумранитов и поэтому совершенно равнодушен к личной выгоде.

– То есть бессребреник? – уточнил Паквий.

– Да, – кивнул Кальв и, посмотрев на свою «козу», разжал ладонь и опустил руку. – Это всё.

– Очень хорошо, – подытожил советник. – Очень... – он побарабанил пальцами по столу; взгляд его упал на керу. – Да! Вот ещё что. Завтра ведь у иудеев шестой день недели? Так?.. Так вот, завтра за час до полудня встретишься с Эльканой...

– Это который эконоом в доме Ханана? – уточнил Кальв.

– Да. Он. Пойдёшь на Верхний рынок в попину Адина Горбатого. За час до полудня туда должен подойти Элькана. Покажешь ему это, – Паквий взял со стола керу и протянул её опциону. – Керу ему с собой не отдавай – пусть читает при тебе. У него заберёшь его донесение. Понял?

Кальв кивнул.

– Всё понял?

– Всё понял, трибун.

– И главное, – Паквий строго посмотрел на опциона. – Йешу Бар-Аббу мне завтра сюда! – он согнутым пальцем постучал по столешнице. – Живым! Ясно?

– Ясно, трибун... Можно идти?

– Ступай.

Когда огромный Кальв, чуть не снеся все косяки, вывинтился из кабинета, советник, постоянно прислушиваясь к своей спине, вылез из-за стола и снова принялся мерить комнату шагами.

– Неплохо... Неплохо... – бормотал он. – Ну что ж, есть с чем идти к префекту... Бэни!

Слуга возник, как суслик из норы.

– Да, господин.

– Через час – обед. Через два – терма... В терму пришлешь Гортензию и... эту... новенькую, чернявую...

– Пнину?

– Да, её.

– Что-то ещё?

– Нет, всё, иди... И не забудь согреть постель!

– Слушаю, господин.

Паквий ещё несколько раз задумчиво прошёлся по комнате туда-сюда, потом вернулся к столу, снял лисью безрукавку, бережно повесил её на спинку стула и, взяв с полки перевязь с мечом, надел её через голову, туго затянув широкий поясной ремень – старая армейская привычка не позволяла идти к начальству не по форме. После чего задул светильник и вышел из кабинета.

Длинными гулкими залами, в которых охраняемая одинокими факелами спала ночная тьма, он перешёл в южное крыло дворца. Здесь были покои Понтия Пилата. У закрытых двустворчатых дверей, ведущих в комнаты префекта, неподвижными изваяниями застыли два каменнолицых легионера. Из стоящего в углу под высоким светильником кресла навстречу советнику поднялся начальник личной охраны префекта кентурион Юлий Репорта – невысокий, жилистый, с длинными хваткими руками и узким волчьим лицом.

– К префекту, – коротко сказал ему советник. – Срочно.

– Префект отдыхает.

– Очень срочно, – повторил Паквий.

Начальник охраны испытующе посмотрел на советника. Паквий выдержал взгляд.

– Хорошо, – сдался Репорта, – я доложу.

Он скрылся за дверью и почти тотчас вернулся.

– Через четверть часа, – сообщил он. – На Большой террасе.

– Отлично, – сказал Паквий. – Я там и подожду.

Бесконечной чередой переходов, огибающих покои легата, он вышел к широкой лестнице, ведущей во внутренний сад дворца, и, поднявшись по ней, двинулся по длинной галерее, охватывающей весь сад по периметру. Здесь было совсем темно и одуряюще пахло цветами.

Широкую, огороженную резной каменной балюстрадой площадку за южной садовой галереей, откуда открывался изумительный вид на лежащий внизу город, во дворце называли Большой террасой. Здесь тоже не было факелов, но белые квадраты мраморного мозаичного пола отчётливо выделялись на тёмном фоне, как будто бы светились изнутри.

Паквий пересёк террасу и, подойдя к балюстраде, облокотился на гладкие прохладные перила. Внизу лежал Хиеросолим.

Город угадывался мерцающими россыпями костров, тонкими факельными цепочками, едва заметными очертаниями ближайших площадей и улиц. На северо-востоке, на другом конце города, на Храмовой горе, тихо догорал Жертвенник Всесожжения. Самой Храмовой горы видно не было, поэтому казалось, что робко пляшущий огонёк просто висит в воздухе, как маленькая ярко-оранжевая бабочка, которую вот-вот унесёт дуновением ночного ветра.

Было тихо. Город спал. Из его непрестанно и монотонно гудящей днём утробы сейчас не доносилось ни звука, лишь где-то справа, далеко, наверное в Нижнем городе, лениво и глухо перебрехивались собаки...

Послышались шаркающие шаги.

– Паквий!

– Я здесь, префект, – отозвался советник.

– Ага, вот ты где... О боги, что ж темно-то так?!

– Ночь, префект.

Пилат подошёл, принеся с собой запах восточных благовоний и дорогого панонского вина.

– Всё шутишь, Паквий? Надеюсь, ты вытащил меня сюда не для того, чтобы поупражняться в остроумии? – голос у легата вдруг стал вкрадчивым и неприятно скрипучим.

Паквий подобрался.

– Даже в мыслях не было, префект.

Пилат какое-то время смотрел на советника – мутно-белое пятно его лица неподвижно висело перед Паквием, – потом отвернулся, облокотился на перила и уставился в мерцающую оранжевыми огоньками тьму.

– Я принёс целых две хороших новости, префект, – выждав, продолжил Паквий, – каждая из которых стоит того, чтоб рискнуть оторвать начальника от послеобеденного отдыха.

Пилат помолчал.

– Ладно... Слушаю тебя... – голос его опять сделался нормальным. – Ты ведь знаешь, начальство любит хорошие новости.

– Я нашёл Бар-Аббу, префект.

– Вот как? – быстро спросил Пилат, его лицо опять проступило сквозь тьму. – И где он?

– Скорее всего, он сейчас находится в доме Каиафы.

– Скорее всего?

– Он был там сегодня вечером. Это совершенно точно. И возможно, он до сих пор находится там. Я установил за домом наблюдение. Но, в любом случае, префект, завтра на рассвете я возьму Бар-Аббу.

– Ну, вот когда возьмёшь, тогда и поговорим. Помнится, по осени, в Кесарии, ты уже как-то брал одного мятежника. Если память мне не изменяет, Гэршона Беспалого. Нет?

Паквий откашлялся.

– Осмелюсь напомнить префекту, что Гэршона Беспалого брал примпил Публий Бастум. Мои же люди от операции были попросту отстранены. И мои рекомендации по блокированию порта многомудрый Публий просто проигнорировал. В результате чего, если префект помнит, Гэршон Беспалый ушёл из-под носа примпила по морю. Нагло. У всех на виду. А отважный примпил бегал в это время по берегу, размахивая своим бесполезным мечом!..

– Ладно-ладно, загорелся, – примирительно сказал Пилат. – Остынь... Вот завтра и покажешь, как надо правильно брать мятежников... – он отвернулся и снова принялся смотреть на город. – Значит, всё-таки Каиафа... – после длинной паузы задумчиво проговорил легат.

– Да, – подтвердил советник. – Каиафа... С ним всё по-прежнему – пока не трогаем?

– Не трогаем, – подтвердил Пилат. – Пока... Кстати, что у нас по кандидатуре нового первосвященника?

– А вот это, префект, и есть моя вторая хорошая новость. Я наконец нашёл подходящего человека.

– Ну-ка, ну-ка, – оживился Пилат. – Вот это уже гораздо интересней, чем какой-то там Бар-Абба. Ну-ка давай, выкладывай...

Бар-Аббу и его подельников – а их в доме с синей калиткой оказалось всего пятеро – взяли без особого труда, – на рассвете сон особенно сладок, чем часто пользуются как воры, так и блюстители закона.

Впрочем, не обошлось и без досадных накладок – живьём, к сожалению, удалось взять не всех. Один из мятежников в момент захвата оказался в нужнике и, увидав легионеров, попытался бежать через задний двор на соседнюю улицу, где и был застрелен предусмотрительно поставленными там лучниками. Другой, проснувшись, успел метнуть нож, причём метнуть удачно, и был тут же буквально разрублен напополам лично Валерием Кальвом – опцион терпеть не мог, когда какие-то грязные варвары убивают солдат Великой Империи.

Но самого Бар-Аббу взяли целым и невредимым, и спустя какой-то час он уже висел на дыбе в подвале одной из башен Антониевой крепости. Упирался главарь мятежников недолго. Ровно до тех пор, пока к его мошонке не поднесли раскалённый докрасна металлический прут. Здесь он стал очень сговорчивым и рассказал советнику Паквию (в силу первостепенной важности дела лично ведущему дознанию) всё, что того интересовало: и имена подельников, и место хранения с оружием, и, самое главное, планы организации мятежа. И вот тут выяснилась одна очень

занимательная вещь. Оказывается, никакого мятежа ни в городе, ни тем более во всей Палестине никто устраивать не планировал. То есть вообще. Никогда. Подвешенный на дыбе Бар-Абба непонимающе хлопал глазами и клялся и божился, что ни он, ни его подельники и в мыслях не имели затевать какой-то там мятеж. А что они имели в мыслях? А ничего, так, мелочи. Пустячок. Просто они хотели совершить налёт на конвой, который, как всем известно, сразу после Писхи повезёт золото из Йерушалайма в Яфу. Кому это известно? Так всем. Каждый бездельник на Нижнем рынке знает об этом конвое. А мятеж? Ни-ни-ни! Даже подумать о таком не могли! Как можно!

Мошонке Бар-Аббы всё-таки пришлось познакомиться с раскалённым железом. Но и это не помогло. Визжащий и извивающийся подследственный, брызжа слюной, продолжал вопить, что не знает он ни о каком мятеже. Не было никакого мятежа, начальник! Не было! Конвой – да, был! Каюсь! Хотели взять конвой! А мятежа не было! Не было!! НЕ-БЫ-ЛО!!!..

Допрос двоих других подельников Бар-Аббы также не принёс никаких результатов. Оба заговорщика тоже твердили о золотом конвое и начисто отрицали своё участие в подготовке мятежа. По ходу следствия всплыли факты и подробности нескольких давнишних и совсем недавних разбойных нападений, включая нашумевшую историю с ограблением яфской таможни, но вот насчёт организации мятежа и убийства префекта все заговорщики твёрдо стояли на своём – не было такого! Показания подследственных совпадали даже в мелочах.

Картина получалась странная и противоречивая. Весь город шептался о грядущем восстании и подготовке покушения на ненавистного Понтия Пилата, не проходило и дня, чтобы советнику не доносили о новых злодейских планах отважного и неуловимого Бар-Аббы, а сам Бар-Абба, роняя слюну с безвольной губы, висел на крюке в подвале Антониевой крепости и знать не знал ни о самом мятеже, ни о своих коварных планах по его организации. По всему выходило, что, и вправду, не было никакого мятежа. Совсем не было. А что было? А так, действительно пустячок – банальная уголовщина, ограбление.

Советник Паквий, провозившийся с подследственными полдня, чувствовал себя отвратительно. Во-первых, результаты были мизерные. Идти к префекту с такими результатами было как минимум позорно. Во-вторых, снова разболелась спина – сочетание соседства с раскалённым горном и казематной сырости действовало на его позвоночник просто губительно.

Тем не менее с паршивой овцы надо было получить хотя бы клочок её грязной шерсти. И советник, переместясь в сухую и тёплую комнату на первом этаже северо-западной башни, выпил горячего вина и, сняв свою любимую лисью безрукавку, уселся на табурет спиной к спешно раскочегаренной солдатами жаровне. После чего приказал привести к нему Йешу Бар-Аббу.

Ни стоять, ни сидеть доставленный разбойник, по известной причине, не мог. Он расположился перед советником в странной позе: широко расставив ноги, низко наклонясь вперёд и упираясь руками в полусогнутые дрожащие колени. Разило от него горелым мясом и палёной шерстью.

– Больно? – участливо спросил Паквий.

Подследственный зло посмотрел исподлобья налившимися кровью глазами, засопел, но ничего не ответил.

– Всего два вопроса, – сказал ему Паквий. – Два простых вопроса. Ответишь на них, и я прикажу солдатам отнести тебя в камеру, а лекарю – обработать твои раны мазью, которая снимает боль. А если не ответишь – отправишься обратно в подвал, где раскалённый прут воткнут тебе уже в задницу. Расклад ясен?

Бар-Абба покивал кудлатой нечёсаной головой.

– Спрашивай, начальник.

– Спрашиваю. С кем из легионеров ты встречался вчера возле Антониевой крепости? И зачем?

Бар-Абба задышал, закричал, затряс всклокоченной козлиной бородой.

– Это... С каким легионером? – наконец выдавил он из себя.

Паквий вздохнул.

– Забирайте его, – сказал он дежурящим возле дверей солдатам.

– Нет! Нет! Не надо!!! – вскинул голову Бар-Абба, в глазах его плясал неподдельный ужас. – Я скажу. Скажу... – он переступил ногами и охнул. – Брат это мой. Цадок. Родной брат.

– Вот как? – задрал брови советник. – У разбойника и грабителя брат служит в Легионе? Любопытно... Ну, и зачем ты встречался со своим братом? Только не говори мне о том, что ты хотел пригласить его на праздничный сёдер.

– Нет. Мы... Мы...

– Ну!

– Мы, это... мы говорили... о разном... Он просил, чтоб я навестил родителей. Говорил, что стена в доме треснула, что, это... чинить надо. А ему отпуск не дают. Он уже два раза просил, это... у кентуриона. Отпуск просил. А ему не дают.

Бар-Абба замолчал.

– И это всё? – спросил Паквий.

Бар-Абба кивнул.

Советник побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Ты испытываешь моё терпение, Йешу. А оно далеко не безгранично... Говори!! – вдруг гаркнул он (Бар-Абба вздрогнул всем телом). – Это от брата ты узнал о золоте?! Это он тебе сообщил о времени и маршруте следования конвоя?! Да?! Говори, пёс! Ну!..

Голова Бар-Аббы совсем повисла, колени дрожали всё сильнее.

– Я не слышу! – свистящим шёпотом проговорил советник.

– Да... – выдал из себя Бар-Абба.

– Подробнее!

Сбиваясь и путаясь, Бар-Абба рассказал о том, что его брат, который служит в охране, здесь, в крепости, узнал от своего декана, что на будущей неделе, сразу после праздника, им придётся сопровождать в Яфу, в порт, очень важный груз – секретную почту и какие-то драгоценности, переправляемые из Йерушалайма в Рому. В основном, – золото и серебро. Но вроде как будут и драгоценные камни, и слоновая кость, и дорогие ткани. Груз планировался небольшой – декан сказал, что пойдёт от силы пара повозок, и что в сопровождение отрядят всего один контуберний. Брат говорил, что и убивать-то никого даже не придётся – он всыплет в кувшин с поской сонное зелье, которое он уже купил у сидонского купца, и через час всю охрану можно будет вязать, как дрова.

– Ясно, – сказал советник и добавил по-романски: – У повара обе руки в тесте.

– Что? – не понял разбойник.

– Это пословица, – пояснил Паквий. – Романская пословица. У вас об этом говорят по-другому... Э-э... два свояка – родственники. Кажется, так. Короче, вы с братом стоите друг друга.

– Что с ним теперь будет? – угрюмо спросил Бар-Абба.

– С братом твоим? Да ничего хорошего не будет. Одно тебе обещаю: что бы с ним ни произошло, ты об этом уже не узнаешь. Тебя казнят первым... Кстати, тебе ещё не поздно заслужить лёгкую смерть. Если ты честно и подробно ответишь на мой второй вопрос, клянусь, я сделаю так, что ты не будешь долго мучиться на кресте.

Бар-Абба смотрел в пол. Его кудлатая голова мерно покачивалась из стороны в сторону. Советнику даже показалось, что разбойник не услышал его последние слова.

– Эй, ты слышишь меня?

– Спрашивай, начальник, – не поднимая головы, сипло отозвался подследственный.

– Спрашиваю... Что ты делал вчера вечером в доме первосвященника?

Бар-Абба хмыкнул.

– Сразу бы спросил меня об этом, начальник. Может, это... и не пришлось бы меня тогда железом пытаться. Я тебе про Каиафу всё расскажу. Всё!.. Господи, как бы я хотел увидеть эту жирную свинью на соседнем кресте! Представляю, как он будет визжать!..

– Может, ещё и увидишь, – пообещал Паквий. – Итак, я тебя спросил, что ты делал вчера вечером в доме Каиафы?

– То же, что и всегда. Я приносил ему золото.

– Какое золото?

– Это... Подсвечник. Золотой. Каиафа покупал у меня золото.

– Подожди... – Паквий подался вперёд и прищурился. – То есть ты хочешь сказать, что первосвященник, левит, первый человек в Храме, скупал у тебя, грязного разбойника, награбленное золото?

– Так и есть, – кивнул Бар-Абба. – Он покупал у меня всё, что я ему приносил. Но только, если это было золото. Он брал только золото, – Бар-Абба криво усмехнулся. – Это разве я

грабитель? Это он грабитель. Я каждый раз головой своей рисковал. А он давал мне, это... по сто денариев за либру. По сто!.. И принимал он всё на вес. Как будто это был золотой лом. А там ведь были такие вещи! Один вчерашний подсвечник чего стоит! Там же и золото было, и камень, и, это... цветы такие... как живые!..

– Ну-ка, погоди! – остановил Паквий подследственного. – Это не тот ли подсвечник, что вы взяли в доме яфского таможенника?

– Ну да, тот самый, – подтвердил Бар-Абба. – Такому подсвечнику, это... цены нет! А этот скупердьяй дал мне за него всего тысячу двести денариев! Представляешь?!

– Представляю, – сказал советник. – Что ж не представить. Жалование рядового легионера за четыре года беспорочной службы. Хорошо живёт яфская таможня!.. А вот скажи мне, Йешу, ты, когда Каиафе этот подсвечник принёс, ты ему говорил, где ты его взял?

– Говорил.

– Вот так вот прямо и сказал, что, мол, ограбил яфского таможенника, убил двух его рабов, а золотишко из его дома, дорогой Каиафа, я принёс тебе?

– Ну, про рабов не говорил, а то, что, это... из дома таможенника, сказал... Да он знает, чем я занимаюсь. Он потому и говорит мне всегда, чтоб я, это... приходил к нему, только когда стемнеет.

– Отлично!.. – советник распрямился и тут же поморщился от боли в спине. – О боги!.. – он поёрзал, ища положение поудобней. – Значит, так. Слушай меня, Йешу. Сейчас тебя отведут в камеру, лекарь смажет тебе раны, а потом к тебе придёт человек и ты ему продиктуешь список всех тех вещей, которые у тебя когда-либо покупал Каиафа. Всех до единой! Понял?

– Так, это... – Бар-Абба, с трудом подняв голову, уставился на советника. – Я ведь всё не упомяну. Много ведь всего было.

– А ты постарайся, – ласково сказал ему Паквий. – Постарайся... Не для меня постарайся – для Каиафы. Если, конечно, хочешь увидеть его на соседнем кресте...

Когда Бар-Аббу увели (а точнее, уволокли, как куль с мукой, – самостоятельно передвигаться разбойник не мог), советник Паквий приказал принести ему письменные принадлежности и, перебравшись за стол, тщательно зафиксировал на папирусе сведения, полученные от главаря «мятежников» и двух его поделльников. Документ получился объёмным – показания подследственных заняли почти две трети стандартного свитка.

Вскоре советнику доставили восьмистраничную керу, полностью заполненную подробным списком вещей, проданных в разное время Бар-Аббой Каиафе – на золото у разбойника оказалась цепкая память.

Через час папирусный свиток и кера легли на стол Понтию Пилату.

А ещё через два часа в дом к досточтимому Ханану постучали, и вестовой легионер вежливо, но непреклонно пригласил бывшего первосвященника во дворец префекта. Да, сейчас. Нет, никаких «утром», немедленно, префект ждёт...

Пилат принял Ханана лёжа за столом в компании с двумя полуголыми рабынями.

– А-а, старина Ханан! – воскликнул префект, заметив бывшего первосвященника, в недоумении застывшего в дверях. – Проходи, не стесняйся! Может, поделишь с нами трапезу? – он похлопал по ложу рядом с собой. – Аукелла, подвинься! Дай место почтенному Ханану. Брут! Подай ещё одну чашу для гостя.

– Благодарю тебя, префект, – дрожащим от возмущения голосом ответил Ханан, он так и остался стоять на пороге – в максимально возможном отдалении от царящего за столом разврата. – Благодарю... Я сыт.

– У меня прекрасное вино! – воскликнул Пилат, поднимая над головой золотой кубок. – Настоящее соррентийское. Многие отдадут предпочтение фалернскому, но я считаю, что среди вин из Кампáнии лучшим является всё-таки соррентийское. Попробуй!

Ханан покачал головой.

– Спасибо, но нет.

– Ты никак брезгуешь, Ханан? Аукелла! Ранá! Гляньте! Этот святоша брезгует нашим обществом!

Ханан протестующе воздел руки.

– Позволь, префект! Ничего подобного! Но ты ведь знаешь, наша вера, она... Мы не можем делить ложе с... с незнакомой женщиной!

– Ах, ваша вера! – воскликнул Пилат. – Да-да-да, я ведь совсем забыл о вашей вере! Ну, конечно! Прости меня, великодушно, почтенный Ханан, у меня совсем вылетело из головы! Ну что ж, раз ты не можешь предаться вместе с нами веселью, я не стану надолго задерживать тебя. Эй, Брут! Подай почтенному Ханану вон тот свиток. Да-да, тот, что валяется возле стола... Что там ещё? Кера? Да и керу эту тоже отдай ему... Что там на ней? Соус? Так сотри, разиня! Сотри и подай! Поторопись! Ты видишь, почтенный Ханан ждёт!

«Разиня» Брут поднял с пола полуразмотанный папирусный свиток, затем перепачканную соусом керу, небрежно отёр её рукавом и, подойдя к Ханану без всякой почтительности сунул ему в руки оба предмета.

– Читай! – ткнул в сторону гостя наполовину обгрызенной бараньей лопаткой Пилат. – Читай, почтенный Ханан. А когда прочитаешь, мы поговорим с тобой и о твоей вере, и ещё о разных интересных вещах.

Он тут же отвернулся от Ханана, как будто сразу забыл о его существовании, и, бросив на пол недоеденную лопатку, принялся выкручивать крылышко у лежащего перед ним на блюде, запечённого в глине фазана.

Ханан, всё ещё недоумевая по поводу невиданной доселе непочтительности к своей персоне, развернул свиток и принялся медленно, шевеля губами, читать. Выражение недоумения на его лице вскоре сменилось растерянностью, затем злобой, а потом, почти сразу, – испугом. Он сильно побледнел, крупные капли пота проступили и заискрились на его выпуклом лбу. Дочитав до конца свиток, Ханан даже не стал заглядывать в керу. Он стоял теперь, как провинившийся и ожидающий хозяйского гнева раб: низко опустив покрытую кипой голову и покорно глядя в пол. Кончик его длинной, чёрной с проседью, бороды мелко подрагивал.

– Прочитал? – оглянулся на него Пилат. – Вижу, что прочитал. Всё ещё не желаешь выпить вина? Нет?.. Зря. Если бы я узнал что-либо подобное о своём зяте, я бы пил беспробудно целую неделю. Ну, хорошо, дело твоё... Да! Ты ведь, кажется, хотел поговорить со мной о вашей вере? Что ж, очень вовремя. Очень! У нас как раз есть пример трепетного и добропорядочного служения богу. Вашему богу. Кстати, не скажешь, как ваш бог относится к таким вещам как мздоимство?.. воровство?.. убийство?.. Скупка краденного, наконец?.. А? Почтенный Ханан, ты ничего не желаешь мне сказать? Нет?

– Чего ты хочешь, префект? – чужим усталым голосом спросил Ханан.

– Чего я хочу?.. – Пилат сел и, опустив ноги на пол, упёрся в колени руками, лицо его затвердело, от былой игривости в голосе не осталось и следа – теперь в нём звенел металл. – Я хочу другого первосвященника, Ханан. Мне не нравятся первосвященники, которые на досуге занимаются скупкой краденного.

– Это я понял, – согласно кивнул гость. – Сразу же после праздника мы созовём Великий Санхедрин и решим вопрос о новом первосвященнике. Полагаю, что мой сын Йонатан...

– Нет, ты не понял, Ханан, – прервал его Пилат. – Ты ничего не понял. Не ты теперь будешь назначать первосвященников. И даже не ваш Великий Санхедрин. Их теперь буду назначать я.

– Но это же... Но это...

– Что? – насмешливо спросил Пилат. – Ты хочешь сказать, что это невысказано? Что это нарушает ваши традиции? Может быть, скупка краденного не нарушает ваших традиций? Нет?.. Что ты молчишь?

– Но ты же знаешь, префект, – отчаянным голосом произнёс Ханан, – что при назначении первосвященника должны быть соблюдены определённые условия. Во-первых, это происхождение. Он обязательно должен быть из колена Левиева. Обязательно! Во-вторых, он должен быть рабином, он должен посвятить свою жизнь...

– Всё верно!.. – вновь прервал своего гостя Пилат. – Всё верно. Не беспокойся, все формальности будут соблюдены. Твоим длиннобородым придраться будет не к чему. У меня очень хорошая кандидатура, Ханан. Она отвечает всем вашим высоким требованиям. Кстати, ты хорошо знаешь этого человека... Я вижу, ты заинтригован. Нет?.. Ладно, не буду больше мучить тебя неведением. Это твой племянник, Ханан!

– Это который? – нахмурил брови гость. – Нааман?

– Нет, – покачал головой Пилат. – Не угадал... Йешу.

– Какой ещё Йешу?

– Йешу бар-Йосэф. «Рабби-галилеянин».

Глаза Ханана округлились. Борода затряслась.

– Нет!.. Послушай, префект!.. Нет! Его нельзя!.. Он же!.. Он же!.. Я тебя умоляю, префект, Йешу бар-Йосэф никак не может быть первосвященником! Потому что... Потому что... Префект, я прошу тебя!..

Пилат пристально, не отрываясь, смотрел на своего гостя. Речь Ханана становилась чем дальше, тем всё более невнятной. Голос его постепенно слабел, перешёл в неразборчивое бормотание и вскоре наконец совсем затих. Ханан выронил свиток, который всё ещё держал в руке, и судорожно вздохнул, вздох этот получился похожим на всхлип.

Пилат усмехнулся краем рта, и окликнул раба:

– Эй, Брут! Поднеси-ка почтенному Ханану вина, а то, похоже, у благочестивого рабби горло совсем пересохло... Пей, Ханан, пей. В этом доме тебе не подсыпят отраву – здесь всё почтенному... Пей, Ханан. А пока пьёшь – слушай... С Каиафой я пока делать ничего не стану. ПОКА не стану. Понял?.. Ты же сразу после праздника введёшь «рабби-галилеянина» в этот ваш Великий Санхедрин. Как ты это сделаешь – это уже твои проблемы. Я почему-то уверен, что у тебя это получится. А через два-три месяца сделаешь его первосвященником... Ты понял?.. Ты меня понял, Ханан?!

– Да... Да... – на Ханана было жалко смотреть. – Я понял тебя, префект.

– Далее, – продолжил Пилат. – Всё награбленное Бар-Аббой золото Каиафа должен вернуть. В казну. Завтра же... По докладом моих людей, это, примерно, два с половиной таланта. Но Бар-Абба ведь мог что-то забыть. Поэтому округлим до трёх талантов. Три таланта золота чтобы завтра до заката были здесь, – Пилат, расплёскивая вино, постучал ножкой кубка по столу. – Надеюсь, возражений с твоей стороны не последует? Нет?.. Не слышу!

– Нет, – пробормотал еле слышно Ханан.

– Замечательно. И треть... – Пилат мельком взглянул на рабынь и перешёл на греческий: – Скажи мне, Ханан, сколько меняльных столов работает на Храмовой горе?

– Э-э... – Ханан непонимающе захлопал глазами. – Меняльных столов?

– Да. Тех самых столов, где меняют разные деньги на ваши сикли?

– А-а... а зачем тебе?..

– Отвечай на поставленный вопрос, Ханан! – Пилат ударил кубком по столу, попал по блюду с устрицами и в раздражении швырнул его на пол.

– Я боюсь ошибиться, но... по-моему, их около сорока.

– Ты и здесь пытаешься схитрить, Ханан! – Пилат отставил кубок, вытер руки салфеткой и брезгливо посмотрел на гостя. – Ты мне раньше казался умнее. Неужели, ты думаешь, я поверю, что первосвященник, пусть даже и бывший, не знает, сколько меняльных столов работает на Храмовой горе? И неужели ты мог подумать, что я, прежде чем задать тебе этот вопрос, не узнал истинное положение дел?.. Так вот, я поправлю тебя. Столов этих всего сорок девять. И, мне кажется, будет справедливо, если, скажем... э-э... седьмая часть из них отойдёт в пользу... м-м... кесаря.

– Кесаря?!

– Да, кесаря. Что тебя удивляет?

– Это невозможно... – покачал головой Ханан. – Это попросту невозможно!

– Невозможно достать луну с неба, – наставительно сказал Пилат. – Невозможно вычерпать море. Всё остальное человеку по силам. Если, конечно, человек этого сильно захочет... Тебе придётся сильно этого захотеть, Ханан... А чтобы у тебя не оставалось на этот счёт никаких сомнений, я напому тебе, что сегодня или завтра, или через неделю, или через год – в любой момент. Ты слышишь меня, Ханан?! В любой момент! Я могу отправить твоего зятя на крест. Как государственного преступника. Это очень важно, Ханан, что именно как государственного преступника! Ведь тогда твоя дочь и твои внуки, Ханан, то есть жена и дети государственного преступника – в полном соответствии с эдиктом кесаря! – будут обращены в рабов. Ты слышишь?!.. И я это сделаю, Ханан! Если ты обманешь меня... Нет. Если ты только попытаешься обмануть меня – я это сделаю. Можешь не сомневаться!.. Тебе всё ясно?

Ханан, беззвучно шевеля губами, кивнул.

– Ну, вот и хорошо, – снова переходя на романский, сказал Пилат. – Раз тебе всё понятно – допивай своё вино и возвращайся домой. И не теряй времени – у тебя много дел... Да, извини, домой тебе придётся идти пешком. Так получилось – во дворце нет ни одной свободной повозки... – префект сокрушённо покачал головой и развёл руками. – Эй, кто там у дверей? Проводите почтенного Ханана до ворот!..

Как только за враз постаревшим, еле волочащим ноги Хананом закрылась дверь, Пилат движением руки уснул рабынь и позвал:

– Паквий!

Советник вышел из-за ширмы в торце зала и приблизился к триклинию, на котором возлежал Пилат.

– Это было великолепно, префект!

– Ты полагаешь?

– Это было великолепно, – повторил Паквий. – Кусок сырой глины в руках опытного гончара – вот как это выглядело со стороны.

– М-да, в общем, получилось неплохо, – в голосе префекта прорезались нотки самодовольства. – А если говорить начистоту, мой дорогой Паквий, то я даже несколько разочарован.

– Чем же, префект?

– Да вот... всем этим. Всей этой историей. Неуловимый мятежник оказался обыкновенным грабителем. Первосвященник – вором. А хитроумный Ханан – безвольной размазнёй.

– Из трёх приведённых пунктов, префект, я готов полностью согласиться лишь с одним: Каиафа действительно оказался вором. А вот по поводу Ханана и... э-э... неуловимых мятежников...

– Ты что же, – прервал его Пилат, – полагаешь, что мятеж в городе всё-таки готовится и что мы взяли не того, кого нужно?!

– Нет, префект, – мягко возразил Паквий, – взяли мы того. Я о другом... Ведь весь город полон слухами о хитроумных и отважных мятежниках, готовых героически отдать свою жизнь за родную Иудею. За родину, свободную от босолицых оккупантов-идолопоклонников и зловещего тирана Понтия Пилата. Прости, префект, я просто озвучиваю то, о чём шепчутся даже нищие на рынке... Мы убедились – идея мятежа буквально носится в воздухе. Но ведь если какая-то идея достаточно долго витает в воздухе, она в конце концов однажды опустится на землю. И какой-нибудь другой Бар-Абба обязательно подымет её и попытается претворить в жизнь.

Пилат, прищурившись, неотрывно смотрел на советника. Губы его вытянулись в тонкую линию.

– А вот для этого я и держу тебя при себе, мой ненаглядный Паквий, – тихим скрипучим голосом сказал он. – Чтоб ни Бар-Абба, ни какая другая сволочь даже подумать ни о чём подобном не могла! И ты мне лучше ещё сотню вот таких вот лже-мятежников отправь на крест, чем пропусти хотя бы одного настоящего! Ты меня понял?!

Паквий согласно наклонил голову.

– Да, префект.

Пилат ещё немного посверлил советника взглядом, потом опустил глаза и потянулся за своим кубком.

– У тебя что-то ещё? Нет?

– Да, префект, – Паквий откашлялся. – Я ещё хотел сказать по поводу Ханана. Точнее, предостеречь... Полагаю, его не стоит недооценивать, префект. Ханан далеко не так прост и, уж конечно, он не размазня. Да, он получил удар. Надо признаться, сильный удар. Но он обязательно ударит в ответ. Обязательно. Рано или поздно. Вспомни историю с водопроводом.

Пилат внимательно посмотрел на советника, потом сделал приглашающий жест.

– Прошу, Паквий. Надеюсь, ты-то хоть не откажешься разделить со мной трапезу? – он заглянул в свой кубок – Эй, Брут, налей-ка нам вина!.. Ты прав, Паквий, Ханан совсем не прост. И он действительно скоро оправится от удара... А оправившись, попытается ударить в ответ. И нам с тобой, дорогой Паквий, надо предугадать направление его удара... У тебя есть соображения на этот счёт?

Советник задумчиво пригубил поданное ему вино.

– Надо подумать, префект...

– Подумай. А я тебе подскажу. Обычно, мой добрый Паквий, удар наносится в самое уязвимое место. Ты согласен со мной?

Советник кивнул.

– Вполне, префект. Я когда-то по молодости занимался кулачным боем. И моим любимым ударом был удар в кадык.

– Ну вот, – сказал Пилат, – значит, ты понимаешь меня. А самым уязвимым местом в нашей схеме, нашим, как ты говоришь, кадыком, является – что? Или, точнее, – кто?

Паквий медленно опустил кубок.

– Рабби-галилеянин, – тихо сказал он и посмотрел на префекта.

Пилат поощрительно улыбнулся.

– Именно... Да ты пей, пей! Это соррентийское действительно выше всяких похвал!.. Так что, мой дорогой Паквий, надо сделать так, чтоб Йешу бар-Йосэф на какое-то время исчез из поля зрения Ханана. То есть – из Хиеросолима... Ну, хотя бы на пару недель. Пока здесь всё не успокоится. Пока Ханан не перегорит и пока не введёт галилеянина в этот ихний Великий Санхедрин... Причём, знаешь что... – Пилат пожевал губами. – Желательно, чтоб исчез он из Хиеросолима прямо сегодня. А то мало ли чего! Кто их, этих длиннобородых, знает.

– Это невозможно, префект, – покачал головой Паквий. – Это так же невозможно, как вычерпать море или достать с неба луну, – он наткнулся на неподвижный взгляд Пилата и заторопился с объяснением: – Уже стемнело, префект. А это значит, что у евреев уже наступил завтрашний день. А завтра, если префект помнит, у них седьмой день недели – суббота. Ни один еврей не отправится в путь в субботу... Я скажу больше, префект. Сегодня по здешнему календарю одиннадцатое нисана. То есть, получается, уже двенадцатое. А это значит, что Йешу бар-Йосэф не покинет Хиеросолим ещё как минимум четыре дня. Закон обязывает евреев вечером пятнадцатого нисана вкусить праздничного ягнёнка. Причём сам праздничный ужин – как они его называют, седер – должен у паломников обязательно пройти в черте священного города. Обязательно! А ты сам знаешь, префект, правоверный еврей лучше позволит зарезать себя, чем нарушит свой Закон.

– Ну так заставь его покинуть город! – возвысил голос Пилат. – Убеди, напугай. Не мне тебя учить... Вывези силком, наконец!

Советник усмехнулся.

– Вывезти, конечно, можно. Но он вернётся, префект. Он всё равно вернётся... Не сажать же его на цепь.

Понтий Пилат, покачивая в руке кубок с вином, задумчиво смотрел на советника.

– Ну тогда, Паквий, – наконец сказал он, – приставь к этому галилеянину своего человека... Опытного человека. Надёжного. Такого, чтоб Йешу бар-Йосэф был за ним, как за крепостной стеной. Ты меня понимаешь?

Советник наконец позволил себе улыбнуться.

– А вот это – уже, префект. Рядом с галилеянином уже есть такой человек. Именно такой, как ты говоришь – опытный и надёжный.

– Уж не своего ли любимого Кальва ты к нему отправил?

– Нет, конечно, префект. Кальв – слишком заметная фигура. Да и такая явная забота со стороны романских властей о будущем первосвященнике, я полагаю, выглядела бы как минимум подозрительно и вряд ли пошла ему на пользу.

– Да, ты прав... Но человек этот действительно надёжен? Ты уверен в нём?

– Да, префект, – подтвердил советник Паквий, – в этом человеке я уверен...

3

Весть об аресте Бар-Аббы облетела Йерушалаим и его окрестности с быстротой ветра.

Во дворах, на улицах, на рынках собирались люди, шептались, качали головами, горестно вздыхали. Жалели Бар-Аббу, проклинали романцев, ненавистного Понтия Пилата.

То тут, то там появлялись непосредственные свидетели ареста, делились подробностями, описывая страшный бой в Кривом переулке, рассказывали о горах романских трупов и бесстрашном главаре мятежников, которого и взять-то удалось лишь хитростью да коварством и то лишь потому, что был он неоднократно ранен и истекал кровью. Рассказчикам верили.

Суббота в общине прошла спокойно, а в первый день новой недели, тринадцатого нисана, рано утром возле дома Шимона Прокажённого остановилась роскошная повозка.

Соскочивший с её подножки раб-слуга принялся громко тарабанить в ворота. Во дворе дома возникла суета, долго не могли отодвинуть тугой засов, наконец тяжёлые створки ворот разошлись и запряжённая парой нисейских красавцев-жеребцов повозка въехала во двор.

С неё неторопливо сошёл невысокий, изысканно одетый мужчина средних лет и, оглядев хозяйский дом и дворовые постройки, скептически поджал губы. Горшечник, приглаживая на ходу парик, уже спешил навстречу.

– Я – Йосэф бар-Гад из Ха-Рабы, – с чувством значимости своего имени представился гость. – Мне сказали, что в Бейт-Энье у Шимона-горшечника я смогу купить хороший товар, но... – он замаялся и ещё раз оглядел небогатое хозяйство гончара. – Но пока то, что я вижу, не... э-э... не располагает...

– На-и-лучший товар! – восторженно задыхаясь и захлёбываясь от торопливости, затанцевал вокруг гостя хозяин. – Наилучший! Кувшины! Амфоры! Посуда! Всё высочайшего качества! Высочайшего! – голос его от избытка чувств дрожал и пару раз даже сорвался на фальцет. – Двадцать три года на йерушалаимском рынке! Ни одного нарекания! Ни единого! Глина – горканская! Чистейшая! Жирная – хоть хлеб макай! Не менее года выдержки! На присадку – только шамот! Исключительно! Никакого песка! За обжигом сам смотри! Лично!..

– Ладно-ладно... Понял... – поморщился утренний посетитель. – Хорошо, посмотрим... Присесть здесь у тебя куда?

– А вот тут! Туточки! – забегая вперёд и показывая обеими руками, засуетился горшечник. – В дом прошу! В дом!.. Или для начала товар посмотреть?.. Нет?.. Тогда в дом!.. Осторожно! Ступенька тут!.. Прошу!.. Вина? Есть местное, но очень хорошее. Мой двоюродный брат делает. Есть привозное, ашкелонское. Холодное, с погребом... Или подогреть?..

– Да, можно, – лениво кивнул гость, входя в распахнутую перед ним дверь...

Спустя час сделка на покупку ста двадцати больших винных амфор была заключена и скреплена двумя восковыми печатями. Хозяин, получив щедрый задаток, перестал волноваться и, обильно потев от положительных эмоций и принятой внутрь доброй порции вина, принялся развлекать гостя, пересказывая ему местные слухи и сплетни. Гость, потягивая холодное ашкелонское, вежливо улыбался.

– А скажи мне, Шимон, – прервал он горшечника, принявшегося по третьему разу излагать историю о кровавой схватке в Кривом переулке, – говорят, в твоём доме гостит некий известный лекарь из Ха-Галиля. Говорят, он творит чудеса. Говорят, что он здесь, в Бейт-Энье, в прошлом году якобы излечил некоего Эльза́ра, чуть ли не воскресил его из мёртвых. А тебя буквально за пару дней избавил от терзавшей тебя проказы.

– Так и есть, – краснея и раздуваясь от гордости, подтвердил горшечник. – Почтенный Йешу бар-Йосэф из Ха-Галиля – мой друг и дорогой гость. Он, приходя в Йерушалаим, всегда останавливается в моём доме. Только в моём! Хотя его и приглашают в более богатые и знатные дома. И в Бейт-Энье, и в самом городе. И он действительно великий лекарь! Нет такой болезни, с которой бы не справился рабби Йешу! Беднягу Эльза́ра он ведь действительно воскресил! Того уже погребли в пещере и оплакали. А на четвёртый день Йешу бар-Йосэф его воскресил!..

– Но-но-но!.. – делая останавливающий жест, поморщился Йосэф бар-Гад. – Не преувеличивай, пожалуйста. Воскрешать умерших удел Бога, но никак не человека.

– А он и есть!.. – свистящим шёпотом вскричал Шимон, но, наткнувшись на холодный взгляд гостя, осёкся. – Он велик! Он, конечно, не Бог, но он велик! Я лично видел Эльза́ра на смертном одре! Лично! И я чуть не свихнулся, когда Йешу вывел его за руку из погребальной пещеры! И это видели все! Вся деревня!..

– Ну, ладно, ладно, – примирительно сказал Йосэф. – Я ведь не спорю. Я ведь это к чему... Может, ты познакомишь меня с ним?

– У тебя тоже что-то болит? – простодушно поинтересовался горшечник.

– М-м... да, – поколебавшись, согласился гость. – Видишь ли, Шимон... – Йосэф бар-Гад отставил в сторону недопитый кубок и понизил голос. – Моя болезнь... она носит... скажем так, несколько интимный характер, и... э-э... я бы хотел увидеться с твоим другом Йешу, как это говорится, один на один.

Горшечник опомнился.

– О, да! Конечно! – он ещё больше покраснел. – Разумеется! Прошу прощения, почтенный Йосэф бар-Гад, за мою неучтивость! Конечно, я познакомлю вас, почтенный Йосэф бар-Гад! Эй! Кто там?!.. Эли! Посмотри, у себя ли наш дорогой рабби? И попроси его к нам... Нет! Подожди, я сам схожу!.. Хотя... – он вскочил, но тут же нерешительно остановился, явно не зная, как поступить – бежать за Йешу и оставить гостя одного или оставаться с гостем и послать за рабби кого попало.

– Ступай, Шимон, – разрешил его сомнения Йосэф бар-Гад. – Негоже, чтобы дорогого гостя звали к хозяину, как простого слугу. Ступай, обо мне не беспокойся, я уже здесь и... – он указал на свой кубок – И у меня есть вино. Так что со мной всё в порядке.

Хозяин, раскланявшись, убежал, бормоча извинения и на ходу поправляя парик.

Вскоре он вернулся вместе с Йешу и, представив рабби и утреннего визитёра друг другу, ретировался из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Рабби и Йосэф бар-Гад беседовали с глазу на глаз не менее получаса. Горшечник просто-таки извёлся под дверью от любопытства. Ему страсть как хотелось подслушать разговор, но смелости на это не доставало. В конце концов, в тот самый момент, когда любопытство пересилило страх и горшечник совсем уже решился прильнуть ухом к двери, голос рабби за дверью произнёс: «Я сейчас...», и тяжёлая деревянная створка, скрипнув, начала приоткрываться. Горшечника отнесло от двери, как попавшее под чих пёрышко. Он оказался в другом конце коридора и, согнувшись пополам, сделал вид, что внимательно изучает крышку стоящего в проходе сундука. Йешу поспешно прошёл мимо, похоже даже не заметив горшечника. Вид у рабби был озабоченный. Шимон заглянул в комнату. Йосэф бар-Гад рассеянно улыбнулся ему поверх своего кубка.

– Мы ещё не закончили, Шимон.

– Да-да, пожалуйста... пожалуйста... – пятясь обратно в коридор, закивал хозяин дома.

Сзади послышались шаги. Шимон обернулся. Мимо него гуськом проследовали рабби и... Кефа. Последний, закрывая за собой дверь в комнату, так взглянул на горшечника, что тот тут же вновь оказался возле своего сундука, на который и уселся, свесив ноги и усиленно чеша под париком мгновенно вспотевший затылок. Шимон Прокажённый недолюбливал бывшего легионера. Недолюбливал и боялся. И не понимал, как рабби – добрый приветливый рабби – может дружить с этим угрюмым солдафоном? Шимон поправил съехавший на лоб парик и с непонятным для самого себя раздражением уставился на закрытую дверь. Ну, вот о чём можно так долго шептаться?! Какая такая болезнь гложет этого харамского купца, что он вот уже целый час рассказывает о ней рабби? И причём здесь Кефа?! Причём здесь этот бывший легионер с его жутким кавалерийским мечом и свинцовым взглядом профессионального убийцы?! Как болезнь Йосэфа бар-Гада может быть связана с этим бронзоволицым галилеянином, который, по мнению горшечника, был так же далёк от любых болезней, как каменные львы на стенах дворца Хордоса? Или, может, Шимон чего-то не знает, и этот бывший прим-декурион тоже лекарь? Ну нет, это вряд ли! Всё, что Шимон-горшечник знал о Кефе, говорило как раз об обратном.

– Как же, лекарь! – раздражённо пробормотал себе под нос гончар. – Знаем мы таких лекарей... Лекарь-калекарь! Попадись такому...

А голоса за дверью всё бубнили, то затихая до едва различимого шёпота, то вновь возвышаясь до того, что становились различимыми отдельные слова. И слова эти, по мнению Шимона-горшечника, тоже были весьма странными и никак не вязались с его представлениями о болезнях и о лэкарстве...

– Не советую! – громко сказал за дверью Йосэф бар-Гад. – Даже ночью!..

– А что я скажу общине?! – возмущённо возразил рабби.

– Йешу, послушай... – вмешался Кефа, и заговорил что-то горячо, но, увы, совсем неразборчиво.

Горшечник уже вовсе ничего не понимал. Кто кому что советует? Или не советует? Причём здесь община? И причём здесь этот Кефа?! Кефа-то здесь причём?! Нет, решительно ничего не понятно!.. А ну их всех совсем! Пусть секретничают, если им так хочется! Ему-то какая забота? У него, между прочим, и своих дел невпроворот! У него, между прочим, заказ новый! На сто двадцать больших винных амфор! Это, я вам скажу, заказ так заказ! Ни Авшалóму Губастому, ни Нахману с Нового города такие заказы даже и не снились! Это вам, дорогие мои, не плошки необожжённые лепить! По две пруты за дюжину. Понимающие люди знают к кому обращаться! Да он только в качестве задатка получил целых четыре аурея! Шимон потрогал пояс и нащупал под материей четыре твёрдых плоских кружочка. Прикосновение к благородному металлу, пусть даже и через ткань, согрело его душу. Настроение сразу улучшилось. Горшечник сполз со своего сундука и, весело посвистывая, вышел во двор. Здесь, возле повозки купца толпились чуть ли не все обитатели дома: домашние, постояльцы, мастеровые, рабы. Посмотреть действительно было на что – повозка, и вправду, была роскошная: кедровая, резная, тёмно-коричневая со вставками из чёрного африканского дерева и жёлтой слоновой кости; про коней и вовсе нечего было говорить, другой такой пары жеребцов – тонконогих, с гордой посадкой головы, золотошерстных и черногривых – вряд ли можно было сыскать в пределах не то что Йерушалайма, но и, пожалуй,

всей Йехудеи. Это уже было не просто богатство, это была изысканная роскошь. Затихшее было раздражение вновь закипело в горшечнике.

– Ну, чего встали, рты разинули?! – сходу напустился он на толпящуюся вокруг повозки челядь. – Заняться нечем?! Гидон! Ты дров нарубил?! А чего стоишь?! А ну, бегом! Узи! Глину в кадки заложил?! Тебе что, десять раз повторять надо?! Пини! И ты здесь?! А ну, марш к печам! Пошёл! Пошёл!.. Бездельники!

Спустя пару мгновений возле повозки остались только слуги Йосэфа бар-Гада, да и те, опустив глаза, сделали вид, что заняты делом: один, спрятавшись за лошадей, без надобности проверял упряжь; другой, присев за колесом, бесцельно трогал витые бронзовые спицы. Лошади фыркали и косили на горшечника умными карими глазами.

Шимон обошёл вокруг повозки, подивился на непривычно высокие, обутые в железные бандажи, колёса, бесцельно потрогал резной борт, провёл рукой по гладкому полированному поручню. Вздохнул.

Из дома выглянула жена.

– Шими, ну что?

Горшечник отмахнулся.

– Потом!.. Потом!

– Он завтракать-то будет? Барана резать?

– Да не знаю я!

– Так ты спроси!

Гончар заиграл желваками.

– Выйдут – спрошу! Видишь, час уже сидят! Секретничают!.. Ну, ступай, ступай! – замахал он руками. – Её богу, не до тебя!

Жена скрылась.

Горшечник ещё раз обошёл бигу, похлопал по золотому лоснящемуся крупу ближайшего жеребца, постоял, заложив руки за спину и задумчиво глядя в расчерченное стрижами мутно-белёсое небо. Потом откашлялся, поправил парик и решительно направился к дому.

Войти он не успел – дверь распахнулась, и навстречу ему из дома вышел Йосэф бар-Гад в сопровождении Кефы и Йешу. Лицо гостя украшала самодовольная улыбка. Вроде это и не он только что больше часа жаловался лекарю на свои болячки. Наоборот, казалось, что купец этот час провёл самым приятным для себя образом – например, совершил выгодную сделку, в результате которой кошелек его потяжелел на несколько золотых монет.

Зато рабби был явно чем-то расстроен, он хмурил лоб и задумчиво оглаживал бороду. Каменное лицо Кефы, как всегда, было непроницаемо.

– Как?! – изумился горшечник. – Почтенный Йосэф, неужели ты нас уже покидаешь?! А завтрак? Я приказал зарезать лучшего барана!

– Благодарю тебя, Шимон, – кивнул купец, – но... дела, дела. Может быть, в следующий раз. Агапитос, разворачивай бигу, поехали!.. – он повернулся к рабби. – Рад был знакомству, почтенный Йешу. Спасибо за совет. Все твои предписания по лечению я исполню в точности... Всего наилучшего, Кефа. Рад был познакомиться... До свидания, Шимон. Надеюсь, как мы с тобой договорились, получить первую партию амфор уже в конце тамуза... Всех с наступающим праздником! Доброго вам всем седера! Да снизойдёт на вас благодать Всевышнего!

Йосэф бар-Гад поднялся в повозку, уселся на уложенное подушками сиденье и ткнул в спину возницу:

– Пошёл!

Заросший по самые глаза чёрной курчавой бородой большерукий Агапитос оскалился, выказав завидные белые зубы, пронзительно свистнул и щёлкнул вожжами по спинам лошадей. Те резво взяли с места, второй слуга на ходу вскочил на подножку, и бига, выехав в распахнутые ворота, быстро покатила, подымая пыль, по улице в сторону Кумранской дороги.

Провожающие остались стоять в опустевшем дворе и молча смотрели, как хромоногий раб, налегая всем телом, с натугой закрывает тяжёлые створки ворот.

– Вроде как холодает, – зябко повёл плечами Кефа, он, в отличие от Йешу и хозяина дома, был одет в одну только нижнюю рубаху. – Или мне кажется?

– Холодает-холодает, – с готовностью подтвердил гончар. – Ночью во двор выходил – так даже пар изо рта. Как бы до заморозков дело не дошло... Да, рабби?

Йешу рассеянно пожал плечами:

– Кто его знает...

Кефа озабоченно посмотрел на него.

– Ладно... – сказал он. – Будут заморозки или не будут, чего гадать? Поживём – увидим. А вот позавтракать бы сейчас не помешало. А то что-то брюхо совсем подвело... А, Шимон? Ты там, кажется, что-то говорил про барашка?

– Про какого барашка?! – широко распахнул изумлённые глаза горшечник. – Ты что-то путаешь, почтенный. Ни про какого такого барашка я не говорил...

– Это очень опасно, Йешу! – Кефа и не пытался скрыть своего волнения. – Очень! Ты даже не представляешь себе, насколько это опасно!.. Ну что нам мешает устроить седер в Бейт-Энье? Зачем нам соваться в Йерушалаим, где, как говорит этот Йосэф бар-Гад, на тебя объявлена настоящая охота?!

– Повторяю, – устало сказал Йешу, – никакой Каиафа и никакой Ханан не заставят меня отказаться от праздничного седера в стенах Йерушалаима. Так предписывает Закон, и я не вижу никаких оснований для нарушения Закона. Да и, подумай сам, какие могут быть основания для нарушения ЗАКОНА?!.. Я им что, мальчик на побегушках?! Или слуга на содержании?!.. Не для того я прошёл из конца в конец всю Палестину, чтобы на священный Писах скрываться, как крыса, по тёмным углам. Что ты мне предлагаешь?! Чтобы я в День Освобождения уподобился жалкому рабу, прячущемуся на задворках от гнева хозяина?!

– Я тебе предлагаю всего лишь не лезть на рожон, – терпеливо повторил Кефа. – Тебе ж Йосэф ясно сказал: две-три недели. От силы месяц... Не хочешь уходить сейчас – не надо. Уйдём после праздника. Но давай встретим Писах здесь, в доме горшечника. Вон он Йерушалаим – рукой подать. Какая тебе разница?!.. Закон писан для простых евреев. Для тех, кто спокойно ходит по улицам, не рискуя, понимаешь, заполучить нож в спину... Отметим Писах, а потом уйдём в Шомрон. В Бейт-Эль или в Шилóm. Там у тебя есть друзья. Там нас никто искать не будет. А месяца через полтора вернёмся. Как раз на Шавуót... Ну, что скажешь?

Йешу не ответил. Разговор шёл по кругу. Они сидели на западном склоне Тура-Ейты, под сенью старой раскидистой оливы, и безуспешно пытались убедить друг друга. За Кидроном, на Храмовой горе, за время их беседы уже три или четыре раза пропели трубы коэнов, а разговор всё топтался на одном месте, всё вертелся вокруг одних и тех же доводов, как глупый щенок, что тщетно пытается поймать себя за хвост.

– Нет, – после продолжительного молчания сказал Йешу, – не понимаю. Не-по-ни-маю! Ну, если они считают, что я неправильно трактую Закон, пусть попытаются меня переспорить, переубедить. Пусть, наконец, обвинят меня в ереси. Пусть призовут на суд! Я готов ответить перед судом!

– Брось, – усмехнулся Кефа. – Какой суд? Они ведь прекрасно понимают, что в честном споре им тебя никогда не одолеть. Кишка у них тонка! Ты уже сколько раз их в спорах побеждал. И в Храме, и в доме наси. И в других местах... Да если хочешь, суд Санхедрина – это лучшее, что может быть сейчас для тебя! Это, в некотором роде, твоё спасение. Если бы тебя вызвали на суд Великого Санхедрина, это бы стало для тебя своего рода оберегом. Поэтому никто в ереси тебя обвинять не станет. И на суд Санхедрина вызывать не станет. Тебя просто Ханан с Каиафой тихо-мирно зарежут где-нибудь в тёмном переулке – ну, не сами, конечно, зарежут, а подошлют кого. На такое дело всегда охотник найдётся. Так что ткнут тебя аккуратненько ножичком под лопатку, а труп, понимаешь, скинут в Кидронский ручей. Нет человека – нет проблем.

– Но послушай, как можно из-за каких-то разногласий в трактовке Закона обрекать человека на смерть?! Как?!.. Нет, это выше моего понимания!

– А причём тут Закон?! – Кефа с недоумением посмотрел на своего товарища. – Я вижу, ты так до конца и не осознал, кто твои противники. Ты меряешь всех по себе. А им нет никакого дела ни до Закона, ни до Храма!.. Ни до Бога, наконец... И ты для них не идейный противник, пойми ты эту простую вещь! Ты для них – кровный враг. Потому как ты покусился на самое святое, что у них есть – на деньги!

– Какие деньги?! – удивился Йешу. – С каких это пор я претендую на их деньги?! Да пусть они ими подавятся! Мне до их денег и дела никакого нет!

– Это ты Ханану расскажи, – усмехнулся Кефа. – И Каиафе заодно. А они тебе твои же слова в ответ приведут.

– Какие ещё слова?!

– Такие... Ты смущал народ, когда говорил: «Отдайте кесарю кесарево»? Смущал. Ты утверждал, что прежде канат пройдёт через игольное ушко, чем богатый попадёт в рай? Утверждал. Ты говорил, что лучше быть бедным, но праведным, чем, понимаешь, богатым, но грешным? Говорил. Так чего ж ты хочешь?!

– Но ведь это – правда!

– Да нет им дела ни до какой правды! Это я знаю, что тебе плевать на деньги. Андреас знает. Йехуда знает. Мирьям с Йоханой знают. А Ханан с Каиафой думают, что твоё истинное желание – их отодвинуть от кормушки и самому это место занять!

– Бред! – Йешу возмущённо всплеснул руками. – Это же полнейший бред!

– Бред не бред, а повод серьёзный. За такое действительно убить можно. А по мнению Ханана, – так и нужно.

– Дикость какая-то! – закрыв глаза, покачал головой Йешу и повторил: – Дикость!

– Дикие времена – дикие нравы...

Они замолчали. На Храмовой горе вновь негромко, но отчётливо пропели трубы. Сама Храмовая гора была сегодня видна через Кидронскую долину плохо. Она растворялась, терялась в густой дымке, что уже второй день висела над священным городом. Солнце просвечивало сквозь эту дымку как бледно-серебристый размытый диск. Оно и не грело почти, и холодный северо-западный ветер беззастенчиво трепал за бороду, забирался под рубаху, ощутимо охлаждал пальцы ног в сандалиях. Кефа поёжился.

– Так что ты решил насчёт завтрашнего седера?

Йешу пожал плечами.

– Я тебе уже всё сказал. Не начинай, пожалуйста, всё сначала.

– Так я тебя не убедил?

– Нет.

Кефа сорвал травинку, сунул в рот, пожевал, сплюнул терпкую горечь.

– Хорошо... Ладно. Давай тогда по существу... Где ты планируешь делать седер?

Йешу повернулся к нему.

– Накдимон отдаёт нам для седера свой старый дом. Помнишь, мы были там в прошлом году?

– Это который на улице Роз?

– Да.

– А кто там сейчас живёт?

– Никто. Дом стоит пустой. Накдимон хочет его продать. Но пока покупателя нет... Накдимон хотел, чтобы мы остановились в этот раз у него, поэтому пока не торопился с продажей. Я с ним поговорил, он согласился предоставить нам этот дом под праздничный седер.

Какое-то время Кефа размышлял.

– Ну что, если отбросить всё остальное, вариант, в общем, неплохой. Там нас точно никто искать не будет... Вот только идти туда всем вместе не следует.

– Да! – согласился Йешу. – Я об этом тоже думал. Пойдём тремя группами. Об этом доме, кроме тебя и меня, знает только Андреас. Поэтому так и пойдём. Я поведу одну группу, ты – вторую, Андреас – третью...

– Я пойду с тобой.

– Но...

– Не обсуждается, – поднял ладонь Кефа. – Я пойду с тобой.

– Но кто тогда поведёт третью группу?!

– Не проблема. Найдём кого-нибудь... Тот же Пилип, например. Не в пустыне. Адрес известен – так что не заблудятся... И, знаешь что... Идти надо через разные ворота. Через Мусорные ворота пусть идут женщины. С тем же Пилипом, например. Андреас пусть ведёт свою группу через Хасайские. А мы пойдём через Садовые ворота – зайдём с Яфской дороги.

– Разумно, – поразмыслив, согласился Йешу.

– И уходить тоже надо порознь. В ту же ночь.

– Почему в ту же ночь? И, вообще, почему в ночь?! Уйти-то и днём можно. Ночью и ворота-то все закрыты... Это тогда стражников подкупать надо.

– Не надо никого подкупать, – отмахнулся Кефа. – В ночь на Писху ворота в городе не закрывают! Забыл?.. А насчёт того, что той же ночью... Ты не преуменьшай возможности Ханана. У него, понимаешь, в каждом доме свои уши. И о месте нашего седера он, если сильно захочет,

узнает не позже утра того же дня. Так что уходить надо сразу же. Той же ночью. И тоже порознь. Собраться всем в одном месте, чтоб на рассвете уже двинуться в сторону Шомрона...

– Подожди... – Йешу наморщил лоб. – Но ведь это же праздничная ночь! Неужели ты думаешь, что Ханан пошлёт кого-то в праздничную ночь, чтоб разделаться со мной? Это же великий грех!

Кефа, не отвечая, в упор смотрел на товарища. Йешу наткнулся на его взгляд и поджал губы.

– То есть ты всё-таки считаешь... Ладно. Понял... Не верю, конечно, но... спорить не буду... – он ещё помолчал, размышляя. – Сбор тогда устроим в доме горшечника?

– Нет, – возразил Кефа. – Возвращаться к горшечнику не стоит. Опасно. Могут на дороге засаду устроить.

– А где тогда?

Кефа почесал в затылке.

– Да хоть здесь! – он похлопал ладонью по морщинистому стволу оливы. – А что? Хорошее место. Тихо, спокойно. Вот – Овечьи ворота, там – Мусорные. Там – дорога на Шомрон. Собрались все – и пошли.

– Ну... – Йешу пожал плечами. – Здесь так здесь. В общем-то, без разницы... Надо будет только, уходя на седер, забрать все вещи от Шимона... – он ещё подумал. – А кого пошлём завтра в Храм резать праздничного агнца? Я так понимаю, меня ты не отпустишь?

– Правильно понимаешь, – кивнул Кефа. – Не отпущу... Да кого угодно можно послать... Тех же племянников твоих, наконец. «Братьев громовых». Хватит им, понимаешь, дурью маяться. А то они от безделья уже начали в кости поигрывать. Вот пусть делом и займутся.

Йешу вяло махнул рукой.

– Ну... ладно... значит, «братья громовы»... И Йохи тогда надо с ними отправить. Он просился. Пусть мальчик посмотрит на ритуал.

Разговор снова прервался. Кефа сорвал жёлтый зонтик кашки и принялся методично отщипывать по одному цветочку. Здесь, в тени старых олив, был мир разнотравья. Это потом, месяца через два, трава и здесь высохнет, пожелтеет, станет пыльной и ломкой. А сейчас травяной «лес» доставал почти до колен, а белые и жёлтые зонтики простодушной кашки и голубые головки надменных ирисов тянулись ещё выше. Над ирисами кружили шмели.

– Мёдом пахнет... – вздохнул Йешу. – Совсем как у нас в Нацрате...

– Рабби!.. – послышалось вдалеке. – Рабби!.. Где ты?!

Кефа поднялся.

– Эй! Мы здесь!.. – он помахал рукой. – Йехуда!.. Сюда!

Напрямую через кусты к ним продрался запыхавшийся казначей.

– Рабби! Я за тобой! Там у Йохи кровь носом пошла!

Йешу вскочил.

– Господи! Пойдём быстрее!.. Чего это вдруг?!

Кефа усмехнулся.

– Так ничего удивительного. Не ест ведь засранец ничего уже два дня.

Йешу на ходу оглянулся.

– Не ест?!

Кефа кивнул.

– Постится... Поговорил бы ты с парнем. А то он в своём набожном рвении скоро себя совсем изведёт. И так ходит, понимаешь, как тень, – ветром шатает.

– Так нет же сейчас никакого поста! – подал голос казначей. – Да, рабби?

Йешу вздохнул.

– Пост первенцев. А он как раз... Но это только сегодня! А ты говоришь, уже два дня?

– Так о чём и речь! Ты его без одежды видел? Во!.. – Кефа для убедительности показал Йешу свой мизинец. – Худой ведь, как... стебелёк. И в лице ни кровинки. А всё туда же!

– Да... – сказал Йешу. – Это он зря... Я поговорю... Конечно.

Они выбрались на дорогу и быстро зашагали к деревне. Кефа, пропустив Йешу вперёд, попрердержал Йехуду за локоть.

– Ты запомнил место, где нас сейчас нашёл?

– Н-ну... да. Запомнил. А что?

– Ночью его найдёшь?

– М-м... Найду, пожалуй. Да, найду. А что?

Кефа потянул казначея за руку, вновь увлекая его вперёд.

– Пока ничего... – он многозначительно посмотрел сбоку на Йехуду. – Пока...

– Ну?!.. Что там?! – громкий шёпот Андреаса прозвучал, казалось, на всю улицу.

Кефа приложил палец к губам, аккуратно прикрыл за собой дверь и, не отвечая, двинулся по тёмному коридору. Проходя, он на ощупь взял брата за руку и увлёк его за собой.

В комнате, куда они пришли, горел, коптя и потрескивая, небольшой масляный светильник. В его тусклом свете лица Йешу и Андреаса показались Кефе розовыми масками с чёрными прорезьями-провалами на месте глаз. Рядом, за стеной, в самой большой зале дома, который Накдимон предоставил рабби на праздничную ночь, звенел громкий женский смех и раздавались возбуждённые мужские голоса – община продолжала безмятежно праздновать Писху. А здесь, в маленьком чуланчике без окон, было душно и чадно, и сильно пахло сгоревшим маслом, и в воздухе вместе с копотью висело такое же осязаемое, как и копоть, напряжение.

– Ну?! – повторил свой вопрос Андреас. – Что?!

– Стоит. Как приклеенный... – ответил Кефа, снимая с головы и откидывая на спину капюшон. – И в переулке ещё двое. Так что через заднюю калитку тоже не уйти.

– И что будем делать?

Кефа пожал плечами.

– Бог его знает... Ясно одно: отсидеться не получится. Максимум через час Ханан пришлёт своим людям подмогу, и они перейдут к активным действиям...

– В смысле?! – вскинулся Андреас. – Они, что же, на штурм пойдут?!

– Подожди, – придержал его за локоть Йешу и придвинулся ближе к Кефе. – Что ты имеешь в виду?

Кефа посмотрел на брата.

– Да не будет никакого штурма. Что здесь штурмовать? Они просто спокойно войдут во двор, окружают дом и... подожгут. А всех выбегающих из дома будут, понимаешь, резать и складывать в штабель... Я бы на их месте поступил именно так...

– Господи!.. – прошептал, бледнея, Йешу. – Твоя воля...

– Так что из дома надо уходить, – мельком взглянув на рабби, продолжил Кефа. – Есть у меня одна мысль... Один план. Приберегал я его на самый крайний случай, но... Выходит, что этот крайний случай как раз и наступил... Да, не думал я, что люди Ханана сработают так быстро. Где ж они нас всё-таки засекали?

– Да какая теперь разница?! – раздражённо сказал Андреас. – Они нас могли от самой Бейт-Эньи вести.

– И что это за план? – спросил Йешу, он уже справился с собой.

Кефа потёр лоб.

– Для начала надо избавиться от женщин... – подумав, сказал он. – И от... всех прочих немощных. Надо отправить их всех обратно к горшечнику, в Бейт-Энью. Без тебя, – он кивнул Йешу, – их никто не тронет... Оставить здесь только тех, кто... кто может постоять за себя. И потом тоже сразу уходить из города. Куда-нибудь в безлюдное место. Туда, где мы сможем без свидетелей поговорить с людьми Ханана, – он усмехнулся. – Туда, где моя спата сможет потягаться с их дубинами и ножами.

Андреас повернулся к Йешу:

– И у твоего брата тоже меч есть. Два меча – это всё-таки не один. Да?

Рабби поморщился.

– Может, нам не стоит ввязываться... в драку? Оставим женщин у горшечника, а сами налегке уйдём в Шомрон.

– Уже не получится, – возразил Кефа. – Они нас уже не отпустят. Нагонят по дороге... Были бы у нас лошади – тогда другое дело. Была бы, понимаешь, какая-то надежда, а так...

– Накдимон даст, – Йешу оживился. – И лошадей, и повозку. И, если надо, не одну.

Кефа покачал головой.

– Нет. Не успеем. Это разве что только утром. А эти, – он кивнул на дверь, – эти до утра ждать не станут.

Йешу, обхватив пальцами бороду, задумался.

– Может, женщин оставим здесь? – немного погодя, предложил он. – А сами уйдём. Как ты говоришь, без меня их не тронут.

– Не тронут, – подтвердил Кефа. – Но лучше пусть идут. Во-первых, кто-то из караулящих под домом обязательно пойдёт вслед за ними. А это нам на руку... Возможно, они их где-то остановят и проверят. Мало ли – сейчас темно, поди, понимаешь, разбери, кто там под женским платком прячется. Так что даже наверняка – остановят и проверят. А на это, опять же, и время нужно, и люди. Так что, как я сказал, это нам на руку... А во-вторых... – он подумал. – А во-вторых, когда всё закончится... так или иначе закончится... женщины или смогут остаться в доме у горшечника, или уйдут вслед за нами в Шомрон, – он помолчал. – В зависимости от исхода.

– Ладно, – сказал Андреас. – Не каркай. Я почему-то думаю, что всё обойдётся.

– Думай, – не стал спорить Кефа. – Думать можно всё, что угодно. А предполагать, понимаешь, надо всякое.

– Хорошо, – сказал Йешу. – И это всё?.. В этом весь твой план?

– Нет, – медленно сказал Кефа. – Не весь... Это первая часть плана.

– Есть ещё и вторая?

– Есть, – Кефа прищурился. – Но для её реализации мне нужно... поговорить с нашим казначеем.

– С Йехудой?! – удивился Андреас.

– Да, – подтвердил Кефа. – С ним...

Несмотря на поздний час (а уже давно наступила вторая стража) на Мосту Давида – виадуке, что тянулся от Ворот Милосердия через всю Кидронскую долину, – было не протолкнуться. И было очень светло – высокие сдвоенные факелы, воткнутые в бронзовые кольца на опорах каменных перил, горели ярко и как-то показательно празднично: громко треща и щедро рассыпая вокруг себя жаркие летучие искры. Освещаемые их жёлтым пляшущим светом сотни и сотни пришедших сюда людей – горожан, паломников, мужчин, женщин, детей – тоже приплясывали, пританцовывали, гомонили. Толпа, запрудившая виадук, празднично шумела. Воздух то тут, то там оглашался то радостными криками, то громким нестройным пением.

Кефа, проталкиваясь сквозь толпу, похвалил себя – всё-таки рассчитал он всё правильно: повёл всех не кривой и тёмной Хинномской улицей через Нижний город и Мусорные ворота, как пошла бо́льшая часть общины и как настаивал идти Андреас, а Верхним городом, через центр – напрямую к Храму. Здесь былолюдно и светло, и люди Ханана, которые уже даже и не пытались скрываться и открыто шли за рабби и его спутниками, никаких активных действий пока не предпринимали. Да и куда им было что-то предпринимать, тем более в открытую, – их было пока всего четверо, а Кефа вёл за собой, не считая рабби, тоже четверых: угрюмого брата Йешу, Шимона, всё время поправляющего под симлой свой короткий меч; бледного, но решительного Андреаса и двух «братьев громовых», Йоханана и Йаакова, каждый из которых тащил на плече по прихваченному из дома Накдимона бронзовому светильнику – длинному, тяжёлому, разлапистому, – вполне себе серьёзное оружие в умелых руках.

Шёл за ними и Йохи. Не с ними, а именно за ними. Кефа заметил мальчишку на Мирской площади, когда в очередной раз оглянулся посмотреть на своих преследователей. Тогда-то и мелькнула в неверном факельном свете, в толпе за спинами людей Ханана, знакомая худенькая фигурка. Йохи перед самым выходом устроил в доме Накдимона безобразную сцену. Он наотрез отказывался идти вместе с первой группой, плакал, умоляя рабби взять его с собой, рвал на себе одежду, валялся на полу, хватая всех за ноги. Кефе, осатаневшему от этой неуместной истерики, даже пришлось надавать щенку пощёчин, приводя того в чувство. В конце концов всего мокрого от слёз и соплей, икающего юнца передали в руки невозмутимого толстяка Леви и вытолкали из дома. Инцидент, казалось, был исчерпан. Однако, поди ж ты, неугомонный пацан, оказывается, сбежал от своего неуклюжего опекуна, и теперь крался позади, стараясь не попадаться на глаза ни рабби с его товарищами, ни идущим следом за ними людям Ханана.

За Мостом Давида сразу свернули влево – на хорошо утоптанную тропу, идущую по берегу невидимого, но отчётливо слышимого отсюда Кидрона. Здесь уже было почти пусто и достаточно темно, и Кефа, пропустив всех вперёд, пошёл замыкающим, то и дело оглядываясь на идущих следом людей Ханана. Те подтянулись ещё ближе, но пока всё же выдерживали некую вполне «вежливую» дистанцию шагов в двадцать. Вскоре по щиколотку в пыли пересекли пустую и тихую Нижнюю Кумранскую дорогу и нырнули под кроны старых олив, что покрывали весь западный склон Тура-Ейты. Здесь было уже совсем темно, и идти приходилось практически на ощупь. Наконец Йешу остановился.

– Здесь? – вполголоса спросил он.

Кефа подошёл и взгляделся.

– Да, здесь.

Небо было закрыто плотными облаками, и темень стояла крошечная. На той стороне Кидрона тоже было темно. Громада города угадывалась более глубокой чернотой на фоне черноты неба, да отдельными искорками факелов, перемещающимися, вспыхивающими и снова гаснущими то там, то тут. Просматривались очертания и одной из башен Антониевой крепости, скорее всего юго-восточной, – на ней, похоже, стражники развели костёр. Плоская зубчатая вершина башни, подсвеченная тусклым оранжевым светом, смотрелась странно – она как будто парила в небе, оторванная от земли. Зато Мост Давида был виден отлично. Отсюда, со склона Тура-Ейты, он казался сверкающим драгоценным ожерельем, оброненным какой-то сказочной великаншей и повисшим между высокими берегами чёрной речной теснины.

Тихо не было. Порывистый северный ветер шелестел кронами олив, трещал ветками невидимых кустов, глушил звуки шагов и голоса.

– Ну? И что дальше? – спросил почти невидимый в темноте Андреас.

– Ждём, – коротко ответил Кефа, напряжённо взглядываясь в ту сторону, откуда они пришли.

Там никого не было ни видно, ни слышно, но Кефа понимал, что их преследователи никуда не делись – затаились, ждут. Наверняка, одного или двоих послали за подмогой. Весь расчёт Кефы строился на том, что расстояния отсюда до дома Ханана и до преториума были примерно одинаковыми, а значит, Йехуда имел перед людьми Ханана хорошую фору по времени. Правда, всё равно риск был велик. Йехуду вообще могли не пустить в преториум. Йехуде могли не поверить. Йехуду могли заставить ждать. И час, и два, и три, – Кефа, как никто другой, прекрасно знал всю эту тяготную армейскую волокиту: «Без приказа начальника не могу. – А где начальник? – А нету, ушёл куда-то. – Так позовите его! – Так как же я его позову, когда неизвестно, куда он ушёл. – А где дежурный патруль? – Патруль? А патруль тоже ушёл. Вот буквально только что. Убыл в Нижний город. Зачем? А зарезали там, кажись, кого-то...» Так что риск оставался. Причём немалый. Ходу отсюда до дома Ханана примерно полчаса. Это если бегом. Ну, туда, допустим, бегом. А обратно, по-любому, шагом. Это – час. Так что часа полтора в запасе у них точно есть. А скорее, – два: собрать приличный отряд да в праздничную ночь – дело небыстрое. А то, что отряд пришлют многочисленный, Кефа ничуть не сомневался. Человек двадцать припрётся, это точно. А может, и все тридцать. А их всего шестеро. И на шестерых полтора меча. И совсем даже не очевидно, что у людей Ханана мечей не будет. Запрет запретом, а когда доходит до дела, – как всегда, пара-другая мечей за пазухой найдутся. Так что, если у Йехуды что-то не получится, через два часа здесь будет горячо. Очень горячо. Здесь начнётся ха-арошая заваруха. И совершенно, понимаешь, не очевидно, чем эта заваруха закончится...

Кефа вдруг понял, что рядом нет Йешу. Он огляделся и шагнул к ближайшему тёмному силуэту. Им оказался младший из «братьев громовых».

– Где рабби? – спросил Кефа.

– Там, – протянул почти неразличимую руку Йоханан. – Оно это... Молится.

Кефа двинулся в указанном направлении и почти сразу на фоне огней далёкого виадука увидел согнутую фигуру. Рабби стоял на коленях над обрывом, лицом к Храму, опустив голову и молитвенно сложив перед собой руки. Кефа сделал ещё несколько осторожных шагов и ему стали слышны отдельные слова:

– Господи, воля Твоя... На Тебя одного уповаю!.. Пусть будет так, как Ты велишь. Но не дай им испытать назначенного мне!.. Чашу мою позволь испить самому. Не дай пролиться крови невинной...

Кефа почувствовал, как кто-то осторожно тронул его за локоть. Он обернулся.

– Ну, что там? Как он? – рядом с ним стояли Андреас и Шимон

Кефа взял их за плечи и привлёк к себе.

– Ты, – шёпотом сказал он Андреасу, – стань там, – показал он вправо. – А ты – там, – показал он Шимону влево. – Смотрите, чтобы вдоль обрыва никто не подошёл. Если что – кричите... Где «братья громовы»?

– Там были, – показал себе за спину Шимон.

– Хорошо... Давайте...

Он похлопал товарищей по плечам и двинулся в угольную черноту, что стояла под кронами олив. «Братья громовы» нашлись тут же, под ближайшей из них.

– Ага... Вот вы где... – Кефа подошёл вплотную. – Никого не видели, не слышали?

– Нет, – сказал Йоханан. – Никого. Вон там вон только... вроде как кто-то кашлянул. А может, оно это... показалось.

– Драться-то когда будем?! – с нетерпеливым напором спросил Йааков.

Несло от него свежим перегаром. Крепко несло. Видать на праздничном седере четырьмя традиционными чашами вина старший из «братьев громовых» не ограничился.

– Не торопись, – сказал ему Кефа. – Успеешь. Драться, понимаешь, – последнее дело. Может, ещё и обойдётся.

– Охота уже морду кому-нибудь пощупать, – воинственно сопя, сказал Йааков, грозно тряхнув зажатым в руке массивным светильником. – Надоело прятаться!

– Не торопись... – повторил Кефа. – Стойте пока тут, – приказал он братьям. – Смотрите в оба. Если кто пойдёт к реке – останавливайте. Да не бейте сразу, а сначала окликните. А то приложите, понимаешь, не разобрав, меня же светильником промеж глаз.

– А ты куда?

– Пройду, гляну – что да как... Всё, повнимательней тут.

Он оставил братьев и осторожно, почти на ощупь, двинулся вглубь старого заброшенного сада, внимательно всматриваясь, вслушиваясь и даже внюхиваясь в непроглядную темноту. Шагов через двадцать Кефа остановился – он вдруг почувствовал присутствие постороннего человека. Или нескольких человек. Кефа медленно, очень медленно шагнул назад – к стволу ближайшей оливы, прижался к нему и замер, прикрыв глаза (зрение сейчас было бесполезно) и внимательно вслушиваясь в непрекращающийся шорох листьев. Через какое-то время – ветер на мгновение стих – Кефа различил тихий, но отчётливый шёпот. Говорили двое... Нет, трое. В разговор вмешался третий голос – этакий придушенный басок. Ну всё, все на месте, – успокоился Кефа, открывая глаза. – Тоже ждут. И, по-прежнему, особо не скрываются. А четвёртого, стало быть, послали за подкреплением. Ну, от этих никаких неожиданностей ждать не стоит... Порубать бы их сейчас в капусту! – с неожиданной злостью вдруг подумал Кефа. – Порубать и уйти всем на Рамальскую дорогу. И дальше – на Шомрон. Всего-то и делов: пять быстрых шагов, три взмаха мечом – и всё! Всё будет кончено. Они и понять-то толком ничего не успеют... – Его пальцы легли на знакомую, оплетённую тонкими полосками кожи, рукоять. – Нет. Нельзя!.. Нельзя... Нельзя начинать первыми. У нас ведь весь план строится как раз на том, что первыми начнут они. Начнут и, понимаешь... обделаются. – Кефа выдохнул, оторвался от ствола оливы и беззвучно скользнул назад...

– Кто? – негромко окликнул его из-за дерева голос Йоханана.

– Свои... – отозвался Кефа. – Всё нормально.

Он подошёл.

– Ну... что там? – Йоханан всё время переступал ногами и зябко кутался в свой плащ.

– Замёрз?

– Да... пока, оно это... терпимо.

– Тихо всё, – сказал Кефа. – Трое стоят, караулят. Четвёртый за подмогой побежал... – он огляделся. – А Йааков где?

– Там... – мотнул головой младший из братьев. – Спит.

– Спит?!

Кефа шагнул на поляну и чуть не наступил на Йаакова. Старший «брат громов» лежал на спине, раскинув руки и задрав бороду к небу, и спокойно, негромко посвистывая, спал. Бронзовый светильник лежал поперёк его ритмично вздымающейся и опадающей могучей груди.

Кефа в сердцах пнул «брата громов» в бок. Йааков вздрогнул, промычал что-то нечленораздельное, но не проснулся.

– Дьявол! – шёпотом выругался Кефа. – Воин сраный! Только на словах, понимаешь, и горазды!.. Бороду ему отрезать, что ли?!

Йоханан, потупившись, как будто это он был виноват в пьянстве брата, стоял рядом.

– Ладно... – остывая, сказал Кефа. – Время пока терпит. Пусть проспится. У нас ещё как минимум час...

И вдруг стало светло.

Кефа мгновенно присел и взглянул на небо: в дыре между лохматыми облаками яростно светился круглый «глаз Хора» – полная луна.

Кефа огляделся: Йешу, спиной к нему, по-прежнему стоял на коленях над обрывом; в десяти шагах от рабби, слева и справа, возвышались фигуры Андреаса и Шимона; все они, задрвав головы, тоже смотрели на внезапно открывшуюся луну и все они, облитые жёлтым лунным светом на фоне невидимого чёрного города, представляли собой отличные мишени.

– Пс-ть! – окликнул их Кефа, одновременно дёргая за край плаща стоящего рядом с ним Йоханана.

Все трое оглянулись. Кефа жестами показал им: пригнись! прочь! под деревья!

Луна спряталась, вновь навалилась тьма. Но было уже понятно – это ненадолго. Ветер сдувал облака – лунный диск теперь то и дело мелькал за быстро несущимися на юг облачными лохмотьями, а на севере, над чёрными верхушками олив, уже всю светили, переливаясь, крупные холодные голубые звёзды.

– Семерых было... – громко сказал во сне Йааков. – Криво лепишь...

Кефа с удовольствием двинул его кулаком в плечо.

– О! – жизнерадостно отозвался пьяница. – Как раз пустой... Заходи! – и, повернувшись на бок, захрапел.

– Может, оно это... в кусты его оттащить? – виноватым голосом предложил Йоханан.

– Обойдётся, – сказал Кефа. – Пусть тут лежит... Пусть он, понимаешь, приманкой будет. Мы – там, под деревьями, – пояснил он свою мысль, – а он – тут, на поляне... храпит.

Как бы в подтверждение его слов старший «брат громов» всхрапнул особенно громко, замер на мгновение, потом заклокотал горлом, кашлянул и вновь завёл своё ритмичное: «хр-р-р... хр-р-р...»

Все перебрались под деревья. Теперь и Йерушалаим тоже возник из тьмы. Возник кусками. Скачущая по облакам луна выхватывала из чернильного мрака то громаду Храмовой горы с тускло отсвечивающим мертвенным ртутным блеском кубом Храма на её вершине, то четыре угрюмые башни Антониевой крепости, то поднимающиеся уступами от Кидрона плоские крыши домов правее – над узкими улочками близ Овечьих ворот.

– Эй!.. Глянь! – стоящий на краю обрыва Андреас махнул Кефе рукой.

Кефа подошёл.

– Смотри! – Андреас указал ему вниз.

По узкому мосту, что шёл от Скотного рынка на левый берег Кидрона, быстро двигалась большая группа людей. Кефа, напрягая зрение, взгляделся. Не менее тридцати человек. С факелами. С копьями. Высокие остроконечные шлемы – храмовая стража! Кефа в отчаянье сжал кулаки. Идиот! Как он этого не предусмотрел?! Ведь не обязательно бежать в дом Ханана. Храмовая стража, наверняка, предупреждена! Четверть часа до Храмовой горы, даже меньше, полчаса на сбор отряда – и вот они уже здесь. А Йехуды ещё нет, и неизвестно, когда он появится!

Кефа стремительно обернулся.

– Все сюда!! Йоханан, буди брата!.. Не знаю! Хоть водой поливай!.. Йешу, стань тут. И, ради бога, пока молчи! Говорить буду я... Шимон, ты что сдурел?! Спрячь меч! Спрячь, я тебе сказал!.. Вот так. И пока им больше не свети. Достанешь только по моей команде. Понял?!.. Йоханан! Давайте сюда! Оба. Станьте здесь...

Йоханан, обняв за талию, подвёл к ним своего старшего брата – шатающегося со сна, бессмысленно таращащего глаза, но крепко прижимающего к груди своё грозное оружие – четырёхлапый бронзовый светильник.

– Красавец! – оценил «боевой» вид Йаакова Кефа. – Бог войны! Марс от зависти пошёл и удавился... Стань тут, горе моё. Стоять-то хоть сам сможешь?.. Ну, обопрись пока на свою железяку... Йоханан, держи его, чтоб не упал... Всё! Всем тихо! Замерли, ждём.

Вдалеке послышались громкие голоса. Меж чёрными стволами олив замелькали факелы. Вскоре затрещали кусты и на поляну разом высыпали человек десять.

– Вон они! – указывая на Кефу с товарищами, сказал, останавливаясь, щуплый парень – один из той четвёрки, что шла за ними через весь Йерушалаим.

Идущий следом сотник храмовой стражи – в высоком шлеме, с чадящим факелом в руке, сразу же, без раздумий и разговоров, кивнул своим людям:

– Кончайте их!

Человек семь или восемь, скаля зубы и плотоядно облизываясь, как будто им предстояло съесть своих противников, мелкими шажками немедленно двинулись вперёд, вытаскивая на ходу

из-за пазух ножи и беря наизготовку древки копий. Древками копий были вооружены стражники, ножами – одетые в одинаковые тёмно-синие симлы крепкие высокие парни – скорее всего, люди Ханана.

Кефа, вытаскивая меч, шагнул им навстречу.

– А ну назад, босота!

Меч блеснул в лунном свете. Нападавшие остановились и попятнулись. На лицах их отразилось смятение. Зато сотник был спокоен. Он явно был готов к такому повороту. На губах его промелькнула презрительная ухмылка.

– Малх! – не оборачиваясь, позвал он.

И сейчас же, раздвинув плечом, как тараном, толпу, на поляну шагнул огромный чернокожий раб. Это был не человек. Это была глыба. Глыба чёрного иберийского мрамора. В огромных чёрных руках он нежно баюкал невероятных размеров дубину. Целое дерево, а не дубину. Откуда-то сверху, из-под чёрных оливковых крон, на Кефу уставились сверкающие белыми яблоками бешеные глаза. Кефа оценивающе прищурился. Да, такой не испугается меча. Плевал он с такой дубиной на мечи. Хоть на короткие, хоть на длинные. И на владельцев их он тоже плевал. Причём в буквальном смысле. Размажет, понимаешь, такого владельца своей дубиной по земле, плюнет и отойдёт.

Кефа перехватил меч двумя руками и, подняв его на уровень груди, сделал осторожный шаг вперёд. Шажочек. Ну, давай, родной! Прыгай! Но Малх не стал прыгать. Он вдруг мягко скользнул вперёд и без замаха крутанул дубиной. Кефа едва успел пригнуться. Гудящая смерть пронеслась над самой его головой. Кефа ударился подбородком о собственное колено да так, что лязгнули зубы. А дубина уже летела назад, чертя по траве, сбивая венчики цветов. Кефа подпрыгнул. Он почти успел. Почти. Дубина чиркнула его по подошве, и мир перевернулся. Кефа грянулся боком на землю, но тут же перекатился на живот и подтянул под себя ноги. Слава богу, он не выпустил меч! А дубина уже взлетала вверх. Под самые кроны олив. Под самые звёзды. Это был классический приём. Кефа сам не раз использовал его: слева направо вёрхом – справа налево низом – потом по дуге вверх и – последний смертельный удар. И вот когда дубина в своём движении достигла верхней точки, когда огромный Малх, распрямившись и подняв свои огромные руки вверх, казалось, заслонил собой всё небо, Кефа сделал выпад. Он сделал выпад и нанёс удар. Прямой удар в живот. Он вложил в этот удар все свои силы. Его меч должен был просто-таки проткнуть великана насквозь. Но он не проткнул. Он звякнул о металл. На Малхе была кольчуга!

– Х-хя!.. – великан согнулся пополам и уронил дубину туда, где только что находился его противник.

Но Кефа уже был за его спиной. Он понял, что нанесённый им удар, хоть и оказался не смертельным, всё же своё дело сделал – огромный смертоносный Малх перестал быть опасным. Во всяком случае, на какое-то время. Но бой надлежало закончить. Кефа вновь перехватил меч двумя руками и размахнулся.

– Нет!! – раздался пронзительный крик. – Кефа, нет!

Кефа оглянулся. В нескольких шагах позади, протянув к нему руку, стоял мертвенно бледный Йешу.

– Нет, Кефа! – повторил рабби. – Не надо!

И тогда Кефа, повернув меч, изо всех сил ударил Малха лезвием плашмя по затылку. Ноги великана подломились, и он рухнул лицом вниз, безвольно разжав свои огромные кулаки и подмяв под себя свою нечеловеческую дубину.

На поляне воцарилась мёртвая тишина. И в этой тишине Кефа, громко шурша травой, подошёл к неподвижному огромному телу, наступил ногой на его, скорее, бычью, нежели человеческую, шею, нагнулся и, оттянув большущее, с ладонь, чёрное ухо, чиркнул мечом по его основанию.

– Ну, ещё желающие есть?.. – спросил он и швырнул ухо раба к ногам его онемевшего хозяина; тот попятился от уха, как от свернувшейся для броска змеи. – Нет желающих? А то у меня, понимаешь, коллекция ушей не полная. Чёрное вот есть, а белых пока маловато.

Сотник опомнился.

– Взять его!.. – рявкнул он, показывая своим людям на Кефу. – Ну! Чего стоите?!

Но те, опасливо косясь то на меч в Кефиной руке, то на неподвижно лежащего в траве огромного Малха, всё не решались напасть, всё топтались на месте, всё прятались за спину друг

друга. Тем не менее полукруг постепенно сжимался. Кефа, поводя мечом из стороны в сторону, медленно отступал к своим друзьям. «Слишком много!.. – думал он. – Слишком... Не совладать. Если кинутся все разом – не совладать... Главное, не поворачиваться спиной. Это главное... Эх, щит бы сюда!..»

– Прикройте рабби! – отчаянно крикнул он назад.

И тут, как гром среди ясного неба, как глас труб йерихонских, грянул над поляной зычный властный голос:

– Стоять!!.. Именем императора Тиберия Кесаря Августа! Прекратить драку! Оружие – на землю! Рабы – на колени!

Десятка полтора нападавших тут же привычно рухнули на колени, побросав своё оружие и вытянув руки ладонями вверх. Храмовая стража, опасливо озираясь, аккуратно положила свои дубины и древки от копий у своих ног. Кто-то, размахнувшись, зашвырнул в темноту за обрывом слишком длинный нож.

На поляну вышел легионер в полной боевой экипировке с обнажённым пехотным мечом в руке. За его спиной тут же сомкнулись прямоугольные щиты с изображённым на них чёрным атакующим быком. Щитов было изрядно – с десятков. «Успели! Успели! – забило в голове у Кефы. – Ах, как вовремя!..»

– А тебя что, сказанное не касается? – прищурившись, как от яркого света, спросил легионер Кефу.

– Я – гражданин Ромы, декан, – сказал Кефа по-романски, всё-таки, от греха подальше, стирая с лица улыбку и опуская меч на траву. – Если позволишь, я предъявлю тебе буллу.

Легионер посмотрел на него с интересом.

– Отставник?

– Точно так, командир. Прим-декурион Третьего «Верного Августу» легиона Тиберий Юлий Симон Саксум к твоим услугам.

Легионер хмыкнул.

– Декан Хост Ликэнс, Двенадцатый «Молниеносный» легион, – представился он. – Подбери меч, прим, и, ради всех богов, объясни мне, что здесь происходит?

– Что здесь происходит?.. – переспросил Кефа уже по-арамейски, поднимая меч и вкладывая его в ножны. – Здесь происходит... нападение на романского гражданина. Вот эти вот люди, – Кефа указал на нападавших, – пытались меня убить.

– Ни в коем случае! – вскричал сотник, делая рукой отталкивающий жест. – Ни в коем случае! Это... это какая-то ошибка!

– Да?! – страшно удивился Кефа. – Ошибка?! А этот добрый раб, – он указал на лежащего в траве Малха, – он, наверно, просто играл со мной? Или он своей дубиной хотел поправить мне причёску?

Хост бесцеремонно отобрал у сотника факел и осветил неподвижное тело.

– Ничего себе!.. – оценил он размеры поверженного. – Фу! Кровищи-то сколько!.. Это ты его так? Убит?

– Нет, – Кефа небрежно махнул рукой, – Должен быть живой. По загровку получил. Мышц много, а мозгов, понимаешь, мало... Мы в Нумидии таких сотнями валили.

Легионер уважительно посмотрел на Кефу.

– Это ошибка, уважаемый! – заторопился хозяин поверженного раба, просительно протягивая руки к командиру отряда романцев. – Я – сотник Храмовой стражи Асáф бар-Эльзар. Мы пришли сюда совсем за другим человеком! Мы пришли арестовать преступника. А этот... этот почтенный препятствует правосудию!

– Ого! – сказал Хост. – Встречное обвинение. Это серьёзно, – он повернулся к Кефе. – Есть что сказать?

– Есть, – хмыкнул Кефа. – Вы пришли и, ни слова не говоря, напали на меня. О каком человеке вы говорите?

– Кстати, да, – кивнул Хост, поворачиваясь теперь к сотнику. – О каком?

– О Йешу бар-Йосэфе из Ха-Галиля, – торжественно доложил тот. – Подлежит аресту и представлению на суд Великого Санхедрина.

– Кто здесь Йешу бар-Йосэф? – обернулся декан. – Есть такой?!

– Я! – рабби шагнул из густой тени деревьев на освещённую лунным светом поляну. – Я Йешу бар-Йосэф из Ха-Галиля.

– Рабби! Господи, рабби! – из-за щитов легионеров выскочил Йехуда и бросился навстречу Йешу, деревянный ящик смешно подпрыгивал на его заду. – Ты жив! Жив! Слава Богу!

Йешу ласково поцеловал его, но тут же непреклонно отодвинул в сторону.

– Я готов предстать перед судом Великого Санhedрина! – глядя в глаза сотнику, твёрдо сказал он. – Я один. Эти люди, – он указал на своих товарищей, – ни при чём.

– Ну! – Хост кивнул Асафу бар-Эльазару на Йешу. – Чего стоишь?! Забирай!

Сотник подал знак, и двое из его людей, подскочив к Йешу, умело заломили ему руки за спину и связали их толстой верёвкой.

– Декан! – повернулся к Хосту Кефа. – У меня есть серьёзные опасения, что эта банда не доведёт арестованного до суда живым.

– А мне-то какое дело?! – удивился тот. – Он еврей?.. Ну вот! Пусть евреи сами разбираются между собой. Меня касается только то, что затрагивает интересы Великой Романской империи... Эй, ты! – окликнул он сотника. – У тебя есть претензии к гражданину Ромы?

– Нет-нет! – торопливо замотал головой Асаф бар-Эльазар. – Никаких претензий! Что ты! Ошибка вышла! Ошибка!

– Но он же, кажется, покалечил твоего раба?! – настаивал декан.

– Это вовсе не мой раб, – затряс сотник головой. – Это раб почтенного Ханана бар-Сета. Но я готов засвидетельствовать перед почтенным Хананом, что здесь действительно была самооборона, – слащаво улыбаясь, добавил сотник. – Вышло недоразумение. Просто недоразумение... Никаких претензий к почтенному гражданину.

– Ну, нет, так нет... – пожал плечами Хост. – А у тебя, – обратился он к Кефе, – есть претензии к этим людям?

– Нет, – процедил сквозь зубы Кефа. – Какие могут быть претензии у солдата к шакалам?

– Хорошо сказано, – одобрил декан. – Ну, раз претензий ни у кого нет... Вы! – ткнул он мечом в сторону сотника. – Забирайте своего арестанта и катитесь к себе в... Катитесь, короче... А вы, – он повернулся к Кефе и его товарищам, – можете быть свободными. И впредь старайтесь избегать подобных... недоразумений.

Довольный собой, он вложил меч в ножны и повернулся к своим людям:

– Уходим!.. В колонну по два!

Кефа тронул его за плечо и для убедительности опять перешёл на романский.

– Хост, может, вы всё-таки сопроводите арестованного? Хотя бы до города?

– Пустое, прим, – отмахнулся от него декан. – Эти бараны так напуганы, что ничего не посмеют с ним сделать. Не переживай.

– Дозволь, тогда я сопровожу его?

– А вот это – пожалуйста, – улыбнулся Хост Ликенс. – Этого я тебе запретить никак не могу...

– Прошу прощения, господин, – раздался над ухом тихий вкрадчивый голос. – Но господин сам просил его разбудить.

Пилат вздрогнул и открыл глаза. О, боги! Что за жизнь?! Отдохнуть ведь по-человечески не дадут! Самый жестокий хозяин и тот после обеда хотя бы полчаса не трогает своих рабов. А тут... Только ведь глаза завёл!..

– Что я там тебя просил?!.. – ворчливо начал он, но тут до него дошло. Пилат рывком сел и опустил ноги с кровати. – Что?! Почта?!

– Да, господин.

Пилат потёр лицо ладонью.

– Какое сегодня число?

– Семнадцатое нисана, господин.

– Дурак! Я тебя спрашиваю, какое у нас число?

– Шесть дней до апрельских календ.

– Получается... на три дня раньше обычного? Нет?

– Северный ветер, господин... Попутный.

Да, северный ветер. За все пять лет, что Пилат провёл в Палестине, это был первый такой холодный март. В огромном дворце Хордоса некуда было спрятаться от пронизывающих ледяных сквозняков. По ночам не спасало даже толстое верблюжье одеяло. Смешно сказать, вчера ночью

пришлось двух рабынь для согрева в постель взять. И всё равно ведь не помогло – Аукелла, толстая дура, к утру стащила всё одеяло на себя...

Пилат нашарил ногами сандалии, и слуга тут же опустился на колени, чтобы их зашнуровать. По ногам ощутимо тянуло холодом, и пальцы у слуги тоже были холодными. Пилат поёжился.

– Почту – в кабинет, – отрывисто приказал он.

– Слушаюсь.

– Туда же – большую жаровню.

– Слушаюсь, – слуга, почтительно склонившись, уже стоял рядом.

– Горячего вина и... – Пилат на мгновение задумался. – И какую-нибудь шкуру – под стол, в ноги.

– Будет сделано, господин.

Слуга исчез.

Пилат, кряхтя, поднялся, прошлёпал в угол комнаты, задрал край тоги, помочился в кувшин... Почта! Долгожданная почта! Четыре месяца без почты! Что там в РOME? Как себя чувствует кесарь Тиберий? Что нового у Сеяна?.. Сеян... Сеян... Пилат почувствовал, как у него от нетерпения засосало под ложечкой. Он одёрнул тогу, потом, подойдя к столу, прополоскал рот лимонной водой и, сплюнув её прямо на пол, торопливо направился в кабинет.

Почты было много: две объёмные плетёные корзины со свитками и большой бронзовый ящик, весь обмазанный воском с многочисленными оттисками круглой сенатской печати.

– Открой, – приказал Пилат слуге, указывая на ящик.

Тот кликнул помощника, и они вдвоём споро очистили ящик от воска. После чего сдвинули запоры и, взяв за углы, с натугой сняли тяжёлую крышку и отложили её в сторону.

– Свободны, – отослал рабов Пилат.

Те, низко кланяясь, вышли.

Пилат подошёл к ящику и принялся изучать его содержимое: керы, керы – диптихи, триптихи, толстые полиптихи, с печатями и без, деревянные, слоновой кости, даже одна серебряная (Интересно, от кого это?.. Геминий Фла́вий – ну, разумеется!); пергаментные свитки, увенчанные красной императорской печатью; кожаные мешочки, туго набитые монетами с привязанной к каждому мешочку деревянной адресной биркой; снова керы. Наконец среди множества разноцветных деревянных обложек мелькнула пара знакомых. Пилат извлёк керу из ящика и внимательно осмотрел её. Самая обыкновенная кера: дубовый диптих, бронзовые кольца, чёрный воск. На витом шёлковом шнуре – личная печать Лукия Элия Сеяна: с изображением корабля, перевозящего солнце. Причём печать поставлена достаточно небрежно – так, чтобы в керу можно было заглянуть. Да и пожалуйста, на здоровье – что может скрывать от императора преданный ему всем сердцем префект претория? Кстати, равно как и преданный ему всем сердцем префект Иудеи? Ничего крамольного! Простая вежливая переписка. Как водится между товарищами по службе, лёгкий дружеский трёп ни о чём.

Пилат прошёл к столу, сел, сломал печать и раскрыл керу. Быстро пробежал глазами по написанным текучим косым почерком строкам. Разумеется. Пустое. Трёп, он и есть трёп.

Пилат поднял голову и прислушался. Тихо. Он взял лежащий на столе нож и принялся аккуратно, дигит за дигитом, счищать с табличек покрывающий их воск. Под воском обнаружились крупные буквы, нанесённые чёрными чернилами прямо на дерево обложки. Вскоре стало возможным прочитать всю тайную записку:

«Друг! Сроки определены. Будь безусловно готов к майским календам. Скорее всего, начну на Лемурии. Хорошая новость: Испания с нами! Дело за тобой. Жду от тебя известий не позднее апрельских ид. Связь по-прежнему держи через О. Р. Удачи! Обнимаю»

Пилат почувствовал, что у него полыхают щёки. Началось! Началось! Наконец-то! Сердце гулко толкалось в рёбра. Неужели, получится?! Неужели, столько лет ожидания не напрасны?!.. Но сроки! Сроки! Времени совсем нет!

Пилат ещё раз перечитал письмо, потом аккуратно сгрёб ножом со стола прямо на раскрытую керу восковую стружку и, поднявшись из-за стола, подошёл к большой, пышущей теплом, жаровне. Мгновение помедлив, он бросил керу на углы. Кера вспыхнула сразу. Проворный синий дымок потянулся к высокому подпотолочному окну.

Сроки... Сроки... Времени совсем мало. И денег тоже мало. Денег – этих маленьких золотых и серебряных кружочков с надменным профилем императора. Твёрдых блестящих кружочков, которым не страшны ни огонь, ни вода. На которые не налипают грязь, и с которых так легко

смывается кровь. Маленьких бездушных кусочков металла, быстро делающих людей очень похожими на себя...

Деньги... Деньги... Где же взять деньги?!..

Пилат взял с подставки маленькую кочергу и принялся шевелить корчащуюся на углях керу.

Ну что ж, пожалуй, придётся резко поменять тактику. Придётся от тактики длительной осады перейти к стремительному штурму. Кстати, Божественный Август очень любил внезапно менять тактику. Может быть, именно поэтому он и преуспел и в своих военных кампаниях, и в жизни...

Кера догорела. Пилат пошевелил пышущие жаром угли, поставил на место кочергу и вернулся за стол.

– Юлий! – негромко позвал он.

В соседней комнате произошло движение, и в кабинет шагнул начальник личной охраны Юлий Репорта.

– Префект?

– Вот что, Юлий... – Пилат побарабанил пальцами по поверхности стола. – Доставь мне сюда Ханана. Сейчас. Немедленно. Но только тихо. Без помпы. Чтоб об этом визите знали только ты, я и Ханан. Понял?

– Будет сделано, префект, – кивнул Юлий Репорта.

Пилат помедлил.

– Проведёшь его на Большую террасу. И проследишь, чтоб поблизости никого не было. Ни охраны, ни рабов, ни... других лишних ушей... И вот ещё что... Хотя нет. Это потом... Ладно. Пока всё... Всё. Ступай.

Начальник охраны выждал ещё несколько мгновений – не последует ли продолжения, – не дождался, ещё раз кивнул и, повернувшись через левое плечо, вышел.

Следующий час Пилат провёл в одиночестве, сидя в кресле возле жаровни и попивая горячее вино. Разбирать почту он не стал – голова была занята другим.

Наконец запыхавшийся Юлий Репорта доложил, что приказание выполнено. Пилат отставил недопитый кубок, поднялся и в сопровождении начальника охраны прошёл на Большую террасу. Здесь было солнечно, но холодный ветер сводил на нет все потуги дневного светила согреть белый мрамор дворца.

Ханан, кутаясь в тёплый плащ, одиноко стоял возле балюстрады и задумчиво смотрел вниз.

Пилат жестом отослал Юлия Репорту и, неслышно подойдя, остановился рядом.

– Красивый город, – сказал он.

Ханан вздрогнул и обернулся.

– Что?!

– Я говорю, красивый город, – повторил Пилат, кивая на раскинувшееся внизу скопление крыш и сплетение узких улиц. – Особенно в солнечную погоду. Я люблю с этой террасы смотреть на Хиеросолим. Отсюда он кажется таким спокойным и... беззащитным.

– Каждый смотрит с высоты своего положения, – учтиво ответил Ханан, он уже взял себя в руки, и лишь беспокойные, суетливые глаза выдавали его волнение.

Пилат одобрительно покивал.

– Хороший ответ... С подтекстом... Однако я пригласил тебя сюда, почтенный Ханан, не для того, чтобы любоваться красотами Хиеросолима.

– Я догадался, префект.

– Тем лучше. Поэтому обойдёмся без дальнейших предисловий и сразу перейдём к делу... Для начала я обрисую тебе ситуацию. Чтобы между нами не было, как говорится, никаких недомолвок. А ситуация, почтенный Ханан, очень для тебя незавидная... Я ведь, кажется, предупреждал тебя, чтобы ты не пытался меня обмануть...

– Я не пытался, префект!..

– Не перебивай меня, Ханан! Разве в юные годы тебя не научили, что перебивать начальника не только невежливо, но и небезопасно? Нет?.. Так вот. Три последних дня ты только и занимался тем, что старался меня обмануть. Для начала ты попытался просто убить Йешу бар-Йосэфа...

– Я...

– Я ведь, кажется, сказал – не перебивай меня!.. – повысил голос Пилат. – Ты ПЫТАЛСЯ его убить!.. Как последний разбойник, что рыщет по ночным дорогам! Как твой горячо любимый Бар-Абба!.. Когда же у тебя не вышло, ты решил убить рабби-галилеянина, так сказать, законным

способом. И что интересно, – моими руками. Кто бы мог подумать, ты даже пытался шантажировать меня! «Если ты отпустишь его – то ты не друг кесарю», – кривляясь, передразнил Пилат. – Ты уже написал на меня донос в Рому, почтенный Ханан? Нет?!.. Молчишь... Так вот, знай, плевать я хотел на твои доносы. И в РOME тоже уже давно все плевать хотели на твои доносы. Там их уже складывать некуда. Их никто уже там не читает. Их только мыши жрут!.. – Пилат перевёл дух. – Это я обрисовал тебе ситуацию. А теперь, почтенный Ханан, я обрисую тебе ближайшую перспективу... Как только кончится праздничная неделя, я распну Бар-Аббу и его подельников. Всех его подельников. Включая твоего зятя. Это будет показательная казнь. Такой казни этот город ещё не видел. Разбойник и первосвященник, висящие на соседних крестах. Чудный вид! Согласись, Ханан... Думаю, у этих двоих будет вдоволь времени, чтобы, вися рядом, обсудить цены на золото... А рабби-галилеянина я заберу с собой в Кесарию, где ты его уже никак не сможешь достать. Заберу и верну в Хиеросолим только тогда, когда ваш бестолковый Санхедрин утвердит его новым первосвященником... Далее... Твоя дочь, Ханан, будет продана в рабство. И я лично позабочусь о том, чтобы для неё нашёлся достойный покупатель. Желательно, какой-нибудь парфянин. Парфяне любят красивых иудеек... А что касается твоих внуков, Ханан, то для них покупатель уже есть. У меня в легионе служит такой кентурион – Тит Радис. По кличке Медведь. Не слыхал? Нет?.. Так вот, этот Медведь очень любит мальчиков. Красивых мальчиков с розовыми упругими попками. Он с радостью купит твоих внуков, Ханан... Правда, у этого Медведя есть свои странности. Уж не знаю, что он там делает со своими юными рабами, но только долго они у него почему-то не живут... Что с тобой, Ханан? Ты вроде как побледнел? Нет?.. И ты вспотел, Ханан! Ну да. У тебя по вискам течёт пот. А вот я мёрзну, почтенный Ханан. Этот северный ветер продувает мою тогу насквозь! А ведь это – настоящая помпейская шерсть! Я заплатил за неё по два денария за пeс!..

– Ты!.. Ты!.. – Ханана шатало, он ухватился тонкими пальцами за каменные перила балюстрады и, кривя рот, пытался выдавить из себя какую-то фразу. – Ты... не посмеешь!

– Ой, – рассмеялся Пилат, – давно мне никто не говорил таких слов. Я уже начал забывать такие слова. Я не посмею! Не смеет, Ханан, тот, кто не чувствует за собой силы. Или правоты. Или смелости... А у меня, хвала богам, и того, и другого, и третьего – в избытке... – Пилат оценивающе оглядел собеседника. – Ну что ж, я вижу, ты вполне созрел для третьей части нашего разговора. У нашего разговора, Ханан, будет ещё и третья часть. Ты не догадывался?.. Ты, наверно, думаешь, что я позвал тебя сюда лишь только для того, чтобы сообщить тебе все те гадости, что я только что тебе наговорил?.. Поверь, для этого я бы не стал отвлекать тебя от твоих важных дел. У тебя ведь, наверняка, масса важных дел, Ханан. Нет? Ну как же! Например, писание доносов на зловещего тирана Понтия Пилата. Очень важное дело! Наиважнейшее!.. Ладно, шучу. В отличие от тебя, Ханан, я могу себе позволить шутить. В этом разница моего и твоего положения... Ну а если без шуток... Ты по уши в дерьме, почтенный Ханан. Надеюсь, теперь ты понимаешь это? И я не стану подавать тебе руку, чтобы вытащить тебя из этого дерьма. Я брезгую, Ханан. Так же, как ты совсем недавно брезговал возлечь со мной за один стол. Помнишь?.. Но я добрый человек, Ханан. Чтобы вы там ни говорили между собой, как бы вы ни кляли меня, какими бы страшными словами ни называли, – я добрый! И я не могу спокойно смотреть, как человек тонет в дерьме... Даже если это дерьмо его собственное... Я брошу тебе верёвку, Ханан. Я брошу тебе верёвку, а ты уже сам решай, ухватиться за неё или... захлебнуться дерьмом... Так вот, Ханан, ты не смог отнять жизнь у рабби-галилеянина ни силой, ни хитростью. У тебя ничего не получилось. Но я предлагаю тебе эту жизнь, Ханан. Я преподношу тебе её на блюде. Я предлагаю тебе эту жизнь... купить... Ну, что скажешь?..

Ханан замер и поднял голову. Его горячечные глаза недоверчиво ощупали лицо префекта.

– Да, Ханан, – кивнул Пилат, – я не шучу. Сейчас я не шучу. Всё очень серьёзно, Ханан. Я предлагаю тебе купить жизнь Йешу бар-Йосэфа... И у тебя нет времени на раздумья. Ты должен всё решить здесь и сейчас.

– Сколько? – просипел Ханан.

– О! – задрал брови Пилат. – Сразу к делу! Вот она – еврейская хватка. Всё-таки, чтобы там ни говорили, а торговля у евреев в крови. Но ты учти, Ханан, торговаться с тобой я не намерен. Я назову тебе сумму, и ты или согласишься с ней, или... упадёшь обратно в свою яму с дерьмом. Ты понял меня?

– Сколько? – повторил Ханан.

– Тридцать талантов, – жёстко сказал Пилат. – Тридцать талантов золота и ни на единую драхму меньше.

– У меня... нет столько, – убито прошептал Ханан.

– У тебя, может быть, и нет, – согласился Пилат. – А в вашем Храме есть. По моим прикидкам только две предпраздничные недели принесли вашему Храму не меньше двадцати талантов золота. И вы ещё не успели, как вы это обычно делаете, переправить их в Италию. Так что золото у тебя есть, Ханан. Не прибедряйся... И не расстраивайся. Ведь храмовая кормушка теперь останется в твоих руках. Уверен, ты быстро восстановишь потерянное... Как там у вас говорят, когда случается какая-нибудь неприятность? Спасибо, Господи, что взял деньгами? Кажется, так? Нет?.. Я не ваш Господь, Ханан, но я тоже возьму деньгами... Итак, твоё последнее слово. Ты согласен?

– Да, – прошептал бывший первосвященник, глядя перед собой остановившимися слезящимися глазами.

– Чуть погромче, Ханан, – наклонил к нему ухо префект. – Я не расслышал. Этот северный ветер, он просто-таки заглушает твои слова. Чуть погромче, Ханан, поуверенней!

– Да! – сказал Ханан. – Да, я согласен! Отчего ты мучаешь меня?! – сказал и, повернувшись спиной к городу, пошёл прочь, сильно сутулясь и по-стариковски шаркая ногами...

От Агриппы Клавдию привет.

Сердечно благодарю тебя, мой друг, за хлопоты о моём имуществе. Уверен, боги воздадут тебе за твою отзывчивость и доброту. Я, разумеется, не в силах в проявлениях щедрости тягаться с бессмертными. А потому свою благодарность я выражу скромнее и проще: первое, что я сделаю, вернувшись в Рому (ведь, клянусь Юпитером, я когда-нибудь в неё вернусь!), так это закачу пирушку, да такую, что все мои друзья – и в первую очередь ты, мой разлюбленный Клавдий! – запомнят её до конца своих дней!

Деньги дошли в целости и сохранности. Обратную посылку рассчитываю отправить где-то на майские иды.

Письмо твоё получил в последние дни марта – первые корабли из Ромы пришли в этом году необычайно рано, что неудивительно: за десять дней до апрельских календ – хвала Аквилону! – вдруг задул сильный северо-западный ветер, и все суда, идущие к нам с севера, летели, как на крыльях. Холод же стоял совсем зимний. На вершинах холмов, что видны отсюда, из Тибериады, на той стороне Кинеретского озера, даже выпадал снег. И это в конце марта! Для здешних мест это случай совершенно небывалый. По крайней мере, никто из местных старожиллов ничего подобного не помнит.

Моя бедняжка Кипра в эти дни простудилась и сильно болела. Я чуть ли не ночевал в храме, выпрашивая у богов милости для моей супруги. Кому я только не молился! И Юпитеру Всеблагому Всемогущему, и Праматери Венере, и Врачевателю Эскулапию, и дочери его Пресветлой Салюс. Какось, но, уступая настойчивым просьбам моей Кипры, отнёс приношения и в храм к прусимам, которых я, как ты знаешь, никогда не жаловал. В конце концов мольбы мои кем-то из бессмертных были услышаны, и жена моя пошла на поправку. Сейчас она уже встаёт и даже выходит на небольшие прогулки, хотя, конечно, всё ещё очень слаба.

А северный ветер тем временем сменился на южный, пустынный, который в здешних краях называют «хамисим», и у нас настала изнуряющая жара, что, с одной стороны, конечно, тоже плохо, поскольку, как ты понимаешь, ничего хорошего в сильной жаре нет, а с другой стороны, жара в апреле – это нормально, здесь в апреле всегда жара: и в этом году жара, и в прошлом году, и в позапрошлом. И тысячу лет назад здесь в апреле стояла жара. И странно бывает, мой любезный Клавдий, сидя во фригидарии на краю бассейна и всё равно обливаясь потом, вспоминать недавние холодные дни или перечитывать твоё письмо, в котором ты жалуешься на опостылевшие тебе дожди. Как-то всё это предрасполагает к невесёлым размышлениям об огромности мира, и о человеческой малости и слабости пред ликом всемогущих богов. А отсюда уже рукой подать и до горестных мыслей о скоротечности жизни и бренности нашего бытия.

Страшно подумать, но ведь нам с тобой, мой добрый Клавдий, уже за сорок. Вспомни, какими старыми казались нам сорокалетние мужи в годы нашей юности. Вспомни, как мы, будучи неоперившимися птенцами, называли «громогласным дедом» несчастного Кассия Севера. Он, и вправду, ведь казался нам в ту пору старым: морщинистый, лысый, беззубый, с вечно сизым носом и тяжёлыми мешками под глазами. А ведь он был тогда чуть ли не моложе нас нынешних! И сейчас, глядя поутру в зеркало, иной раз вдруг отчётливо осознаёшь, что вот этот вот тип, отражённый полированной медью, – некрасивый, обрюзгший, лысоватый, с лицом морщинистым, как жабье брюхо, – это ведь ты и есть! И за завтраком вдруг ловишь себя на мысли, что думаешь вовсе не о том, как бы с пользой провести день или куда бы сходить повеселиться вечером, не о друзьях, не о вине и даже не о бабах, а о том, что вот опять мясо набилось в дырку от

выдранный третьего дня зуба и где бы найти в этой глуши толкового ювелира, чтобы сделал на место отсутствующего зуба нормальный протез? Да, мой друг, большая часть жизни позади, а ничего из того, о чём мы грезили в юности, нам не удалось – ни великих дел, ни великих свершений. И грустно от всего этого необычайно! Помнишь, как у Горатия: «Не те уж годы, да и настроение не то...»

Хотя, с другой стороны, нам с тобой, мой добрый Клавдий, не стоит роптанием гневить богов – ведь мы, по крайней мере, живы. А сколько наших ровесников уже покинули этот мир и отправились в печальное царство Орка! Взять хотя бы нашего незабвенного Друза. Или наших приятелей, вечных спутников всех весёлых пирушек, наших «Кастора и Поллукса» – братьев Корнелиев. Помнишь ли ты их? А ведь у них и могилы-то даже нормальной не осталось – сгнули где-то в море без следа. Я тут совсем недавно осознал: ведь наших «Диоскуров» погубил тот же самый шторм, что чуть не отправил на дно и нас с Кипрой во время нашего путешествия из Александрии в Кесарию. Так что, кто знает, может, будь Нептун тогда чуть посердитей, и мы бы с моей супругой разделили судьбу несчастных братьев Корнелиев. Кому бы ты тогда писал письма в Палестину, мой любезный Клавдий?

Долго ли, коротко, а ведь я, мой друг, вот уже восемь лет безвылазно сижу в этом захолустье. Восемь лет я уже не был в РOME, не гулял вечером по Форуму, не пил вина в маленьких попинах на Велабре, не заглядывал в весёлые дома на Этрусской улице. А ведь там, поди, уже все девочки новые! Вот ты передаёшь привет Гнею от какой-то Козочки Фаусты, а я ведь даже не знаю, о ком идёт речь. Не было восемь лет назад на Этрусской улице никакой Козочки Фаусты! Не было! Уж поверь, я-то всех «козочек» там знал наперечёт!

Ты, может быть, не согласишься, но я, кажется, готов отдать свою правую руку за то, чтобы вновь оказаться в РOME. Услышать рёв Большого Цирка в тот миг, когда на арену выезжают колесницы. Или, стоя на Палатине, снова увидеть, как падает за Гибр огромное багровое солнце. Или окунуться в кипящий водоворот Субуры, пройтись, проталкиваясь в крикливой толчее, вдоль её разнообразных лавчонок, вдохнуть её запахи: невообразимую смесь «ароматов» кожи, окарины, жареного мяса и восточных благовоний. И пусть под ногами хлюпает вечная грязь, и какой-нибудь ротозей непременно норовит налететь на тебя сзади, пребольно поддав коленом, или раб, спешащий с амфорой на плече, умудрится задеть тебя локтем по уху, или грубиян-солдафон, шагая, не разбирая дороги, не преминёт наступить тебе подкованной калигой на ногу, – пусть! Пусть! Вариться в котле Субуры, вдыхать её пьянящие запахи, слышать её, ни днём, ни ночью не смолкающий, гул – вот счастье! Субура, моя Субура, увижу ль я тебя вновь?!

Здесь, в отдалении, все ваши столичные склоки кажутся совсем несерьёзными, вроде мальчишечьих драк у стен Арены перед гладиаторскими боями. У нас ведь здесь тишь да благодать. И скука. Скука смертная. Хотя я, конечно, понимаю: случись что у вас – до нас это тоже

всё равно рано или поздно докатится. Как волна от упавшей в море скалы докатывается до берега и смывает с него рыбацкие лодки и гуляющих по набережной ротозеев. И тут самое главное – не попасть в число этих самых ротозеев.

Что же касается твоих опасений по поводу возможного заговора со стороны известного нам с тобой лица, то спешу тебя огорчить – этот заговор стал ещё на один шаг ближе к своей возможной реализации. Верный человек донёс мне из Хиеросолима, что в конце марта из храмовых хранилищ во дворец Пилата было тайно перевезено, ни много ни мало, а тридцать талантов золота – годовое жалованье двух полных легионов. Ума не приложу, каким образом Пилату удалось выудить эти деньги у Синедриона, о скупости которого здесь ходят легенды. Во всяком случае, взял он их не силой, иначе тут бы уже гудела вся Иудея и Идумея с Самарией к ней в придачу. Тут речь, скорее всего, идёт о какой-то сделке. Большой сделке. Тайной сделке. Между Пилатом и Синедрионом. Или между Пилатом и Первосвященником. Боюсь, мы никогда и ничего об этой сделке не узнаем. Зато мы знаем другое: у Пилата теперь есть деньги. Причём деньги большие. А большие деньги – это всегда большая власть. Пилату теперь есть что предложить легионам. А легионы, как ты верно говоришь, всегда идут за тем, кто может им что-либо предложить.

Пытался я что-нибудь выудить по поводу состоявшейся в Хиеросолиме сделки у своего «четвертьцарственного» зятя. Он как раз ездил на Писху в Хиеросолим и мог что-то знать. Какие-то слухи до него вполне могли дойти. Но Антипа моих намёков не понял – стало быть, ни о чём не догадывается. Или делает вид, что не догадывается. Хотя вряд ли – простоват он для того, чтобы вести какую-то хитрую игру.

Кстати, вернулся он из Хиеросолима радостный и теперь на каждом углу трубит о том, что отныне они с префектом Пилатом друзья и что префект Пилат – «этот умнейший и порядочнейший из мужей» – его, Антипу, безмерно ценит и уважает, что во благовремении сулит ему, Антипе, неисчислимые блага и всяческую пользу.

Запел он эту песню и как-то на одном из обедов, куда я был им опрометчиво приглашён. Я его спросил: что послужило толчком к столь неожиданной и скоропалительной дружбе? Ведь всем известно, что романский префект евреев терпеть не может и местную знать никогда не жаловал; в лучшем случае, терпел. На что Антипа ответил, что он оказал Пилату некую услугу, высоко оценённую префектом. На вопрос, что это за услуга, Антипа отмахнулся, заявив, что это – сущие пустяки, на самом деле не стоящие выведенного яйца. Мелочь, безделица, почему-то высоко оценённая префектом. Зная Пилата, смею предположить, что мой простодушный зять, сам того не ведая, стал игрушкой в руках «романской лисы», звеном в какой-то сложной игре, затеянной Пилатом. Я не сдержался – ты же знаешь мой длинный язык! – и напомнил Антипе, что ещё совсем недавно он называл «умнейшего и порядочнейшего из мужей» «поганым язычником» и «бессовестным вором». А также намекнул на то, что дружба романского префекта так же долговечна и прочна, как

мартовский снег в горах. Антипа воспринял мои слова весьма болезненно, и мы теперь с ним вот уже вторую неделю не разговариваем. Он – потому что обиделся на меня. Я – потому что не знаю, о чём можно говорить с таким болваном.

Самое любопытное, что на меня обиделась и Херодиада. Уж не знаю за что. Моя сестрёнка сама никогда не упускала случая, чтобы посмеяться над своим не шибко умным, но шибко горделивым мужем. А тут надулась, как мышь на крупу. Никогда не понимал я женицин. И теперь, скорее всего, уже никогда не пойму.

Но не будем о грустном, мой добрый Клавдий, не будем о грустном! Есть в этой жизни и светлые пятна. И самое яркое такое пятно – мой ненаглядный Марк Юлий. Хвала богам, сын у меня получился на загляденье: хорош собой, смылён и, как оказалось, смел не по годам. Позавчера он в одиночку разделался с крысой, забежавшей к нему в комнату – врезал по ней своим игрушечным мечом, да так, что тварь издохла на месте. Не поверишь, мой друг, но горжусь я «подвигом» своего сына едва ли не больше, чем своей собственной победой в кулачном бою над тем звероподобным ахейцем (надеюсь, ты не забыл ту памятную схватку на Плебейских играх в год, когда консулом стал отец нашего Прыщавого Ликиния – почтенный Авл Нерва Силиан). Даже не представляю, как я расстанусь с моим «юным кентурионом», ведь рано или поздно, но придётся отправить его к тебе в Италию, подальше от здешних убогих провинциальных нравов. Утешаю себя лишь тем, что произойдёт это ещё нескоро. Во всяком случае, не в нынешнем году. А там, глядишь, и переменится что-либо – а вдруг?! – в моём нынешнем незавидном положении, и я, чего доброго, помчусь в милую моему сердцу Рому вместе с моим сыном.

Мечты, мечты...

P.S. Что же касается всего того, что ты рассказал мне про своего дядю, то я нимало не удивлён – Кесарь Тиберий всегда слыл большим охотником до упругих попок. Тут поражает другое – в свои семьдесят лет он не только не потерял к этим попкам интерес, так ещё и способен проливать на них своё семя. Клянусь, у меня порой складывается такое впечатление, что твой дядя заключил тайный договор с костлявой Морттой и собирается жить вечно.

Скол пятый
Палестина. Хиеросолим
DCCLXXXIII ab U. c., Aprilis-Maius

1

– А я не верю!! Не верю!!.. – размахивая руками и топая босой ногой, орал Томá; глаза его опасно выкатились, заплёванная борода мелко тряслась, потная рубаха прилипла к телу. – Выдумки всё это! Не верю! Понятно вам?!.. Пока своими глазами не увижу, пока руками не потрогаю – не поверю!

– Да и не верь, господи ты боже мой! – вскипел и Кефа. – Тоже мне! Никто тебя не заставляет! Не хочешь возвращаться в Йерушалайм? Не надо! Давай топай обратно в Ха-Галиль, в деревню свою! Никто тебя, понимаешь, не держит!

– Подожди!.. – Андреас придержал Кефу за руку. – А это?! – он вынул из-за пазухи керу и, подняв её за шнурок, показал Томе. – Это тоже, по-твоему, выдумка?!

– Откуда я знаю! – Тома смотрел на висящую перед ним керу искоса, одним глазом, как изготовившийся к бою петух. – Может, это чья-то шутка! Мало ли шутников в Йерушалайме! Написали керу, подбросили её нам, а сами сидят где-нибудь и смеются!

Кефа заиграл желваками.

– Её не подбросили. Её передали... – он запнулся, – от одного очень уважаемого человека. Который точно не будет шутить таким странным образом.

– Что за человек? – спросил из угла Пилип. – Мы его знаем?

Кефа замаялся.

– Я бы не хотел пока называть его имени...

– Тоже мне тайна за семью печатями! – сейчас же встрял в разговор Шимон. – Как будто в Йехудее у кого-то есть другая такая же пара жеребцов. От Йосэфа бар-Гада гонец приезжал, верно?

Кефа недовольно поморщился.

– Ну, приезжал. Не надо только орать об этом на каждом углу.

– Так я и не ору, – пожал плечами Шимон. – Это вы тут крик подняли – на другом конце Бейт-Эньи слышно.

– Да, действительно, – Андреас озабоченно оглянулся, – давайте-ка потише. У хозяина дома и так уши в нашу сторону растут... Да и женщины тут за стеной. Не хватало ещё, чтоб они опять вой подняли. Марьям-младшая до сих пор ещё не отошла.

Все замолчали, прислушиваясь. В доме было тихо. За окном, навевая тоску, мерно свистел жаркий пустынный «хамишим».

– Слушайте, а пожрать у нас ничего нет? – озабоченно спросил Леви, приподнимаясь с пола и просительно заглядывая в лица товарищам. – Может, у кого кусок лепёшки завалился? А?.. А то что-то брюхо совсем свело.

– Да подожди ты, Леви! – сердито отозвался Андреас. – Вечно ты со своим брюхом! Нашёл время!

Бывший сборщик податей поспешно плюхнулся на место, обиженно надулся и засопел. Борода его заходила из стороны в сторону.

– И как ты можешь жрать в такую жару? – лениво спросил Йааков, отирая потное лицо рукавом рубахи. – Я так только пить могу.

– Отстань! – сердито буркнул Леви.

Где-то визгливо скрипнули петли. По коридору мимо шторы, занавешивающей дверной проём, медленно прошаркали чьи-то ноги.

– Двора! – позвал раздражённый голос Шимона Прокажённого. – Куда ты опять задевала фитили для ламп?! Почему они опять не в сундучке?! И почему я их всё время должен искать?!

Женский голос в глубине дома что-то неразборчиво ответил.

– Вечно у тебя!.. – недовольно произнёс горшечник, и неторопливо зашаркал в обратном направлении.

Снова взвизгнули несмазанные петли, и всё затихло.

– Ну, хорошо, – опять подал голос из своего угла Пилип. – Допустим. Кера настоящая, шутников нет, рабби жив и просит нас вернуться в Йерушалайм – пусть будет так... Тогда вопрос. Кого распяли на Гагулте?

Кефа дёрнул плечом.

– Хороший вопрос!.. – он запустил пятерню в бороду и яростно поскрёб подбородок. – Кто был на Гагүлте? Кто видел, как казнили рабби?

В комнате наступила неловкая тишина.

– Женщины были...

– Кроме женщин! – жёстко сказал Кефа. – Женщина не свидетель. Женщина видит только то, что сама хочет видеть.

– Йохи был, – негромко произнёс Йааков-младший, которого, чтоб не возникало путаницы со старшим из «братьев громовых», все просто звали Кóби. – Он, в общем-то, всё нам и рассказал.

– Мальчик... – Кефа покачал головой. – Умный, смелый, но... мальчик. Кстати, где он сам?

– А где ему ещё быть? – вопросом на вопрос ответил Коби. – Дома, конечно. У родителей. У них дом в Новом городе... Что ему теперь здесь делать?

– Понятно... – Кефа вздохнул. – Йохи, он, конечно, сообразительный мальчик, но... Что он может понимать? Я спрашиваю, из здесь присутствующих был кто-нибудь на Гагүлте? Кто-нибудь видел саму казнь?

Ему никто не ответил. Все смотрели в пол. Кефа покачал головой.

– Верные ученики... Обожатели... «Рабби, научи нас! Рабби, скажи нам!.. Рабби, ты – сын Божий!» А как только, понимаешь, «сыну Божьему» заломили руки за спину, все разбежались и попрятались в щели, как тараканы!

– А ты-то! Ты сам! – тут же взвился Шимон. – Где ты был во время казни?! Ты-то сам почему не был на Гагүлте?!

– Я же вам говорил, – повысил голос и Кефа, – я двое суток просидел в подвале дворца Хордоса! Я, между прочим, единственный из всех вас, кто пошёл за рабби после его ареста. Малыш Йохи пошёл, не испугался, и я... И во дворе дома Ханана я был... Мне туда, кстати, Йохи и помог пройти. У него там какой-то родственник в служках... И возле дома Каиафы я был, когда там по поводу рабби Санхедрин собирался. И возле преториума. И возле дворца Антипы на следующий день. И на третий день, опять возле преториума, когда Пилат вдруг решил в демократию поиграть... Вот где рабби пригодились бы его ученики! – Кефа горько усмехнулся. – Мы там с Йохи чуть не порвались, оравши. Да людей Ханана разве перекричишь?! – Кефа замолчал и скрипнул зубами. – Я когда понял, что Бар-Аббу отпускают, а рабби вместо него пойдёт на крест, я, понимаешь, мало что не свихнулся!.. – он помолчал. – Хорошо ещё, я меч не достал, а только кулаками орудовал. А то бы меня там, прямо на площади, и положили... И всё равно я первую линию оцепления прорвал, – не без некоторой гордости сообщил он. – В себя пришёл, когда меня уже кесарийцы, безбородые, ногами топтали. Ну, я тут, понимаешь, и опомнился, и ручки сложил. И меня – сразу же в какую-то дверь и в подвал... Ты видишь, как меня там угощали?! – повернул он к Шимону своё разбитое лицо.

– Мало ли, что ты теперь говоришь! – скривил рот Шимон. – Ты теперь всё, что угодно, можешь говорить. Поди проверь. А может, ты напился до беспамятства в какой-нибудь харчевне, упал и морду себе расквасил. А нам теперь сказки рассказываешь!

Кефа тяжело задышал.

– Я тебе могу показать эту харчевню, Шимон, – прищуривая и без того заплывший глаз, сказал он. – И даже могу тебя познакомить с хозяином этой харчевни. Его зовут советник Паквий. Вот он – настоящий сказочник!.. А ещё у этого Паквия есть помощник. По имени Кальв. Ростом он под потолок и шириной в два охвата. И оба этих охвата – сплошные, понимаешь, мускулы. И он тоже любит рассказывать сказки, Шимон. Просто-таки замечательные сказки! От этих сказок из глаз летят искры, а изо рта выпадают зубы. Видишь?! – он оттянул нижнюю губу и показал Шимону кровавый прогал на месте выбитых зубов. – Хочешь, я тебя познакомлю с этими двумя замечательными сказочниками? А, Шимон?!

– А мне плевать! – Шимон стоял, широко расставив ноги и, низко наклонив голову, буравил Кефу взглядом; борода его раздувалась, как от ветра, по вискам струился пот. – На всех твоих сказочников романских плевать! Мы их скоро всех резать будем! На всех ножей хватит! И на советника твоего! И на его помощника! Будь он хоть десяти охватов в ширину! И до Понтия Пилата твоего мы тоже скоро доберёмся!..

– Да тише вы!! – Андреас, вскочив, встал между Кефой и Шимоном. – Тише!!.. Раздухарились! Будете так орать – не успеете оглянуться, окажетесь в пыточной у Пилата! Оба окажетесь! Да и нас ещё всех за собой потащите!

– Ладно!.. – Кефа последний раз зло взглянул на Шимона, отошёл и, опустившись на пол, прислонился затылком к прохладной стене.

Шимон потоптался немного на месте, потом тоже сел, демонстративно отвернувшись от Кефы. Лицо его всё ещё пылало от гнева.

– Ладно... – повторил Кефа. – Погорячились и хватит... И зря ты, кстати, называешь Пилата моим. Он такой же мой, как и твой.

– Э-э, нет, – скривился, как от зубной боли, Шимон, – он именно твой. Это всё-таки ты, а не я, гражданин Великой Империи.

– Да никакой я теперь не гражданин, – устало сказал Кефа. – Всё. Был гражданин да весь вышел.

– Да ты что, серьёзно?! – повернулся к нему Андреас. – Это тебя там, в подвале? Это этот... советник твой? Как его? Павий?

– Паквий, – поправил Кефа. – Да. Он... – Кефа усмехнулся. – И меч отобрали, и буллу. Не достоин, сказали. Мордой, понимаешь, не вышел. – Кефа оглядел притихших товарищей. – Ладно. Было и было. И прошло. И быльём поросло... Проживу без меча. А без гражданства – тем более. Не об этом сейчас... Давайте всё-таки попробуем спокойно разобраться. Без криков, понимаешь, без истерики... Так что рассказал Йохи о казни рабби? Конкретно.

– Н-ну... – Андреас потёр мочку уха. – Что он рассказал... Ничего особенного. Всё, как обычно: привели, привязали... подняли... – он беспомощно оглянулся на товарищей.

– Какие были кресты? – попытался помочь ему Кефа. – С подножкой или гладкие? Андреас пожал плечами.

– Да кто ж его знает. Йохи только сказал, что дальние от дороги.

– Тогда с подножкой, – пробасил Леви. – Если дальние от дороги, то – с подножкой.

– Ты-то откуда знаешь? – ревниво спросил бывшего мытаря Шимон.

– Знаю... – Леви солидно покивал. – Знаю... На Гагулте всего восемь столбов. Четыре возле самой дороги, и четыре – чуть подальше, на вершине. Те, что возле дороги, те гладкие. А те, что на вершине, те и повыше, и с подножкой... Не веришь – сам сходи посмотри, – добавил он, покосившись на Шимона.

Тот с сомнением хмыкнул.

– Ну вот, – сказал Кефа. – Видите, кое-что проясняется.

– Что проясняется?! – недовольно спросил Шимон. – Какая разница – с подножкой крест или без подножки?! С подножкой – наоборот, дольше мучиться.

– Правильно, – одобрительно кивнул Кефа. – Верно говоришь. На гладком кресте за полдня умирают. А на кресте с подножкой, бывает, и по несколько дней висят.

– И что?

– А то... – Кефа задумчиво потёр переносицу. – Значит, получается, что вешали их на кресты из расчёта, что на несколько дней, а на самом деле...

– А на самом деле, – подхватил Андреас, – они только полдня и провисели. Йохи говорил, что из Антониевой крепости их вывели примерно через час после восхода солнца. Так? Пока дошли, пока привязали, пока подняли...

– Кстати, – прервал Кефа брата, – гвоздями их прибивали?

– Йохи говорил, что руки прибили, – вновь отозвался из своего угла Пилипос. – А ноги только привязали.

– Ну, ноги на крестах с подножкой обычно и не прибивают, – кивнул Кефа. – А руки, стало быть, всё-таки прибили.

– Да. Сначала привязали, а потом ещё и прибили.

Кефа хмыкнул.

– Всё говорит за то, что романцы вешали рабби и этих двоих надолго. А провисели они, говоришь, только полдня? – повернулся он к Андреасу.

– Это Йохи говорит, – поправил его Андреас. – Он говорит, что после того как рабби умер, он сам сначала убежал домой, побыл какое-то время там, совсем недолго, потом прибежал сюда, в Бейт-Энью, потом опять побежал на Гагулту. Он говорит, что не мог вовсе на одном месте сидеть. Говорит, его как будто кто в спину толкал. Ну вот. И когда он вернулся на Гагулту, он говорит, солнце ещё высоко стояло. Он так говорит... Это значит, что рабби умер как минимум часа за три, а то и за четыре до захода солнца...

– Подожди-подожди, – опять прервал Кефа брата. – А откуда Йохи знает, когда именно умер рабби? Как он мог понять, жив рабби на кресте или уже умер. Он же издалека смотрел, из-за оцепления.

– Так он и не знал, – вмешался в разговор старший из «братьев громовых». – Это сотник объявил.

– Какой ещё сотник?

– Ну, сотник, который на казни командовал.

– Кентурион, что ли?

– Ну!

– Так что он объявил? Что рабби умер? Прямо так и сказал?

– Ну... – Йааков в затруднении почесал затылок. – Вроде да.

– Оно это... – пришёл на помощь своему брату Йоханан, – Йохи говорил, что сотник... То есть, этот, кентурион. Ну, который на казни командовал. Он сначала, оно это, приказал перебить им ноги. А когда черёд до рабби дошёл, то он сказал: стойте, этому не ломайте. Сказал: оно это... этот уже и так умер.

– Так рабби ноги не ломали? – быстро спросил Кефа.

– Нет, – замотал головой Йоханан.

– Йохи говорил, что нет, не ломали, – подтвердил и Филипп. – Тем двоим перебили, а рабби – нет.

– Странно... – Кефа покачал головой. – Очень странно.

– А чего ж тут странного? – вновь сердито буркнул Симон. – Зачем перебивать ноги, ежели человек уже умер?

– Ну да, – поддакнул Леви, – правильно. Глупо ведь это – мертвецу ноги ломать.

Кефа усмехнулся.

– Плохо ты, Леви, знаешь легионерские порядки. Глупо не глупо, а если предписано распятым ноги перебить – значит, надо перебить. Приказ положено исполнять. А умер казнимый, или ещё жив – это, понимаешь, дело десятое... – Кефа помолчал. – Опять же, случаи бывают разные. Может, казнимый только сознание потерял, а все думают, что он уже умер. Сними такого с креста, а он через пару часов очухается – и поминай как звали. Поэтому казнимых и бичуют сперва до полусмерти, и голени им ломают, и копьём добивают. И на кресте оставляют висеть до тех пор, пока труп смердеть не начнёт...

– Я смотрю, ты большой знаток по части казней, – едко процедил Симон. – Что, в Легионе приходилось заниматься?

– Заниматься не приходилось, – твёрдо ответил Кефа, глядя на Симона исподлобья. – А вот насмотрелся я на распятых за время службы – не дай Бог никому.

Симон на этот раз не выдержал прямого взгляда Кефы и отвёл глаза. В комнате повисла тяжёлая тишина.

– Сотник ударил рабби копьём, – нарушив общее молчание, негромко сказал Тада́й.

– Что?! – повернулся к нему Кефа. – Что ты сказал?!

– Йохи говорил, что сотник ударил рабби копьём, – повторил Тада́й, ни на кого не глядя. – Когда солдаты перебили ноги тем двоим, они подошли к рабби. И тогда сотник сказал, что этому ломать ноги не надо, что он уже и так мёртв, и ударил рабби копьём... Прямо в грудь ударил... Так рассказывал Йохи, – помолчав, добавил он.

Кефа встал. Он вдруг почувствовал, что задыхается. В комнате действительно было очень душно. Редкие порывы ветра, залетающие в окно, не приносили с собой никакой прохлады.

– Слушайте! – Тада́й поднял голову и с удивлением посмотрел на Кефу. – Я ещё вспомнил! Йохи говорил, что раньше, ещё днём, сотник давал рабби пить.

– Подожди-подожди... – наморщил лоб Кефа. – Ты ничего не путаешь? Кентурион давал казнимому пить?!

– Я ничего не путаю, – замотал головой Тада́й. – Это, может, Йохи путает. Но я точно помню, как он рассказывал: сотник смочил из фляги губку, насадил её на копьё и дал рабби пить... А потом... а потом тем же копьём... – его губы задрожали, он замолчал и закрыл лицо руками.

– Всё! – сказал Кефа. – Теперь я уже точно ничего не понимаю! Одно дело, нарушив предписание, не перебить преступнику ноги. Это я ещё могу допустить. Это ещё как-то в голове укладывается... Тем более что его потом всё равно добивать копьём. И тем более если он и так уже умер... И совсем другое дело – напоить распятого. То есть проявить, понимаешь, сочувствие к

государственному преступнику! Это уже не просто нерадивость. Это... это... даже и не знаю, как назвать. Это – уже, можно сказать, соучастие!

– Да ладно! – удивился Андреас. – Пряма-таки и соучастие? Скажешь тоже!

– А ты как думал?! – Кефа повернулся к брату. – Сначала пожалел – дал попить, потом пожалел – верёвки ослабил, а потом – что?! За сотню-другую денариев дал с креста уйти?! Это ты брось! И за гораздо меньшие прегрешения из кентурионов в простые легионеры скатывались. А за такое можно, понимаешь, и на фустуарий угодить!..

– Куда угодить? – не понял Андреас.

– Ну... под палки. Казнят так в легионе.

– А-а...

– Я смотрю, у вас там, в Легионе, служба не мёд, – опять подал голос Шимон. – Особо не забалуешь.

– Не мёд... – подтвердил Кефа, стирая с лица пот и переводя дух. – Очень даже не мёд... Знал бы в юности – ни за что бы не пошёл. Дурак был... Молодой.

– Да какая теперь разница! – с болью в голосе сказал Тома. – Пожалел – не пожалел! Дал попить – не дал попить! Копьём-то он его потом всё равно ведь ударил!

Все замолчали. Во вновь наступившей тишине отчётливо стало слышно, как трещит масло в светильнике.

– Подумаешь, ткнули копьём, – хмыкнул Йааков и шумно почесался. – Это ещё ничего не значит. Кефа, ты помнишь Авнэра из Хоразина? Его же во время заварушки в Ципори мечом вообще насквозь проткнули. И ничего – выжил. И сейчас живёт. Ему уже шестой десяток пошёл, а он поздоровей иных молодых будет. Он на своей лодчонке на другой конец озера ходит. И сеть один выбирает... Да ты знаешь его! Весь седой и ухо одно оттопырено. Он ещё как-то приплывал в Кфар-Нахум сфину твою смотреть.

– Да, – медленно сказал Кефа. – Знаю... Человек иногда бывает удивительно живучим... Нам как-то в Кирте – мы тогда ещё совсем зелёными новобранцами были – показывали одного ветерана, в которого однажды в бою сразу четыре стрелы попало. Две – в живот, и две – в грудь. Представляете?!.. Иному бы и одной стрелы с лихвой хватило. А тут, понимаешь, четыре!.. Три стрелы достали, а с наконечником четвёртой – вот тут, под сердцем, – показал Кефа, – он так и ходил...

– Бр-р... – Леви передёрнул плечами. – Как представлю себе – мороз по коже.

– Человек, он очень живуч, – задумчиво повторил Кефа. – Я знал многих, выживших после страшных ран. Меня самого под Тубуском мусулами, понимаешь, чуть ли не напололам разрубили. Меня потом лекарь как тряпичную куклу сшивал. Видели ведь моё плечо?.. И безруких я встречал, и безногих – покалеченных в боях. Всяких... Одного я только не встречал... никогда не встречал... человека, выжившего на кресте... Ладно, – Кефа встряхнулся. – Давайте к делу. Что там ещё рассказывал малыш Йохи?.. Н-ну, к примеру... – он потёр переносицу. – К примеру... После того как рабби ударили копьём, сколько он ещё провисел на кресте?

– Да недолго, – Андреас опять оглянулся на товарищей. – Что там Йохи говорил? Там ведь почти сразу Йосэф бар-Гад появился? Так?

– Да, – подтвердил Коби. – Ну, не совсем чтоб так сразу. Но, как говорил Йохи, когда он вернулся на Гагулту, рабби как раз снимали с креста.

– Кто снимал? Йосэф бар-Гад?

– Да. А солдаты ему помогали.

– Чудны дела твои, Господи! – вслух удивился Кефа. – Чтоб солдаты помогали снять казнённого с креста?! Нет, такого я не только никогда не видел, я о таком и не слышал никогда!.. Ну, и дальше что?

– Ну, что дальше? – Андреас потерев мочку уха. – Дальше Йосэф бар-Гад положил рабби на телегу и повёз. А Йохи и женщины следом пошли...

– Там ещё, оно это, другие роптать начали, – подсказал Йоханан. – Когда этот, Йосэф бар-Гад, оно это, рабби забирал, в толпе кричать стали, что и других надо с крестов снять. И похоронить. Поскольку, оно это, суббота скоро.

– Ну-ну, и что? – заинтересованно повернулся к Йоханану Кефа.

– Ну, а сотник, оно это, сказал, что этого забирают с разрешения префекта.

– Да, – подтвердил Тадай. – Сотник сказал, что, мол, если кто тоже хочет забрать тело казнённого, то пусть для начала сходит к префекту за разрешением. Ну, все и заткнулись.

– Ну вот, – дослушав Тадая, продолжил Андреас, – Йосэф бар-Гад отвёз рабби на кладбище. Туда, к Садовым воротам. У него там, оказывается, была пещера откуплена. Большая, хорошая, ну, ты видел... Он и положил туда рабби...

– Про Накдимона скажи, – подсказал Тадай.

– Да... Почти сразу туда пришёл и Накдимон, и два раба с ним. Принесли метритис воды с алоэ... – Андреас вздохнул. – Как же без омовения... Ну вот...

– Йохи, оно это, говорил ещё, – встрял опять Йоханан, – что он хотел тоже пройти в пещеру, помочь. Но этот, Йосэф бар-Гад, оно это, не пустил его. Сказал, что они сами.

– Да, – кивнул Андреас. – Потом они вышли, задвинули камень и сказали всем идти по домам. Ну, Йохи и пошёл... Дальше ты знаешь. И про Мирьям-младшую, и... про всё остальное.

– Да, – сказал Кефа, – дальше я знаю, – он запустил пальцы в бороду и в задумчивости прошёлся по комнате. – Ну что ж... Подытожим. Итак, что мы имеем? – он остановился напротив Андреаса, выставил перед собой ладонь и принялся загибать пальцы. – Первое. Утром перед казнью рабби был... ну, я бы сказал... почти здоров. Во всяком случае, его, в отличие от этих двух разбойников, не бичевали.

– Но его ведь тоже били!

– Били, – согласился Кефа. – Я видел в преториуме, как его били. Солдаты, скорее, развлекались, чем занимались делом. Согласитесь, десяток оплеух и пара ударов палкой по плечам – это не то, что можно назвать смертным боем. Это не те, понимаешь, сорок ударов свинцовым бичом, что достались двоим подельникам Бар-Аббы... – Кефа обвёл взглядом присутствующих, как бы ожидая возражений, не дождался и продолжил: – Второе... Рабби распяли на кресте с подножкой. И ему не прибили ноги. Привязали, но не прибили. Так что кровью он вряд ли мог истечь...

– Но руки-то ему прибили! – напомнил Тадай.

Кефа задрал рукав рубахи и продемонстрировал всем шрам на предплечье.

– Это у меня с Пагиды... Видите? Стрела пробила руку насквозь. В самом начале боя. Я просто обломал у неё наконечник и вытащил из руки. И дрался после этого ещё несколько часов... Так что, поверьте, гвоздь в руке – рана далеко не смертельная... Третье. Кентурион мог принять обморок рабби за его смерть и поэтому приказал солдатам не ломать ему ноги...

– Да, но он ведь пробил ему копьём грудь! – возразил Андреас

– Он его ударил копьём в грудь, – поправил брата Кефа. – Ударил... Удар мог не получиться. Копьё могло скользнуть по рёбрам и только распороть кожу... Или копьё могло войти в грудь, но не глубоко. И не задеть сердце... Я не знаю – я предполагаю. Могло ведь такое случиться?... – ему никто не ответил. – Ну, что вы молчите?! Могло ведь?!

– Ну, могло... наверное, – пожав плечами, сказал Йоханан.

– Могло! – рубанул воздух ладонью Кефа. – Дальше. Четвёртое... После того как рабби ударили копьём, его довольно скоро сняли с креста. Спасибо Йосэфу бар-Гаду. Так что провисел он на кресте, в общей сложности, всего несколько часов. Обращаю внимание – на кресте с подножкой. С не поломанными ногами и с не ободранной, понимаешь, бичом спиной... Ну и, наконец, пятое, – Кефа наглядно продемонстрировал всем свою растопыренную пятерню с загнутым средним пальцем. – Это уже то, что я видел своими собственными глазами. Через день после казни тела рабби на месте не оказалось. Пещера, куда его положили, была пустой... А что это всё вместе означает?..

Он опять выжидательно замолчал, переводя взгляд с одного лица на другое. Йааков под этим взглядом принялся чесаться сразу обеими руками и, не выдержав, в конце концов выпалил:

– Что?!

– Это значит, – подытожил Кефа, – что рабби, по счастливому стечению обстоятельств, вполне мог остаться после казни живым... Избитым, покалеченным, но... живым! Понимаете?!.. Он просто был без сознания. Кентурион принял его за мёртвого. И Йосэф бар-Гад с Накдимоном приняли его за мёртвого. Они обмыли рабби, завернули его в саван и положили в пещеру...

– Подожди-подожди! Это как же?! – перебил Кефу Тома. – Как можно живого принять за мёртвого?! Он же хоть и не это... но он ведь дышит!

– А ты Эльзара вспомни! – Кефа потыкал большим пальцем себе за спину, как будто там стоял упомянутый им Эльзар. – Вспомни Эльзара! Его и сёстры приняли за мёртвого! И соседи все! Включая нашего горшечника! Его ведь, понимаешь, хоронили человек пятьдесят, не меньше! А он был жив! И если бы не рабби, он бы до сих пор в могиле лежал!.. Так что я вполне допускаю,

что рабби могли принять за мёртвого. И похоронить... А он ночью... ну, или уже днём, в субботу, очнулся, выбрался из пещеры и ушёл!..

– Куда? – спросил Тадай.

– К кому-нибудь из друзей, – сказал Андреас. – Он ведь так и пишет в кере: «За меня не волнуйтесь, я в безопасности, у друзей». У рабби в Йерушалайме много врагов, но много и друзей... Да, – Андреас одобрительно посмотрел на своего брата, – всё вполне правдоподобно выходит. Вполне... И сейчас, получается, рабби, скорее всего, находится в доме у этих своих друзей и... и...

– И залечивает там свои раны, – закончил Кефа.

– Да! – обрадовано подхватил Йоханан, глаза его горели. – Он жив! И он у друзей! И он, оно это, пишет, чтоб мы не уходили из Йерушалайма. Это значит, он хочет нас видеть!

– Точно! – пробасил Леви. – И раз керу привёз человек Йосэфа бар-Гада, стало быть, этот Йосэф бар-Гад знает, где находится рабби!

– Андреас, – попросил Йоханан, – а покажи нам её. Оно это, керу. Ещё раз.

Андреас усмехнулся, но снова полез за пазуху и, достав керу, протянул его младшему из «братьев громовых». Тот принял письмо бережно, как некую реликвию, и, осторожно раскрыв диптих, заглянул внутрь.

– Здесь по-гречески? – спросил он, ласково глядя воск пальцами.

– Да, – подтвердил Андреас, – по-гречески. Рабби отчего-то написал по-гречески. Вероятно, посчитал, что так безопасней.

– Господи! Спасибо тебе! – прошептал Йоханан, прижимая керу к груди и смаргивая проступившие слёзы. – Спасибо! Рабби жив! Жив! – и счастливо рассмеялся.

И следом за ним засмеялись все. Гулко захохотал, задрав кустистую бороду, толстяк Леви. Заулыбался недоверчивый Тома. Захихикал, не забывая почёсываться, старший из «братьев громовых». Даже хмурый Шимон в конце концов перестал дуться, распустил морщины на лбу и, откинув голову назад – затылком на стену, облегчённо рассмеялся.

– Жив!.. Жив!.. – повторял Йоханан.

– Живой! – басил Леви. – Молодец, рабби!..

– А?! Живой?!.. – спрашивал Андреас, дёргая Кефу за рукав, и сам же себе отвечал: – Живой!.. Живой!.. Слава Богу!..

Кефа улыбался.

– Можно вз... вопрос?!.. – перебарывая шум, подал голос до этого момента молчавший Натан. – Вз... вопрос у меня!..

– Ну, – всё ещё улыбаясь, откликнулся Кефа, – давай свой вопрос.

– А рабби руки гвоздями пэ... пробили?

– Да, – кивнул Кефа, – пробили. Говорили же об этом. Ты спал, что ли?

– А эту кэ... керу написал рабби? – не обращая внимания на Кефин вопрос, продолжал Натан.

– Рабби её написал, рабби! – рассмеялся Андреас. – Натан, ну, ты, ей богу, как не от мира сего!

Кефа вдруг перестал улыбаться.

– Подожди, Андреас, – положил он руку на плечо брату. – Подожди... Натан, что ты хочешь сказать?

Все постепенно замолчали и уставились на Натана. А тот, покраснев и от всеобщего внимания заикаясь больше обычного, спросил:

– А... а... а разве м-можно н-написать кэ... керу пэ... пробитыми руками?

Тишина, которая наступила после этого вопроса, была оглушительной. Йоханан, отняв керу от груди, смотрел на неё теперь испуганно и недоверчиво, как на вдруг ожившую и заговорившую с ним человеческим голосом жабу.

Светильник вдруг затрещал, мигнул несколько раз подряд, потом пламя его вспыхнуло вновь – ярко и чадно, выхватывая из тьмы растерянные потные лица.

– А я с самого начала чувствовал, что здесь что-то не так, – сказал Шимон, в его голосе проскользнуло даже некое удовлетворение. – Не нравилось мне это всё с самого начала.

– Вот-вот, – отозвался Тома, – и я про то же. А вы мне: давай топай в свой Ха-Галиль... Завтра всё потопаем.

Андреас посмотрел на Кефу. Тот повернулся к Йоханану и, взяв из его влажных пальцев керу, раскрыл и заглянул вовнутрь, как будто пытаясь разглядеть в диптихе что-то ранее

ускользнувшее от его внимания. Ничего нового в кере не обнаружилось – тот же воск, те же немного неровные строки крупной греческой вязи.

Кефа тяжело вздохнул:

– Натан, родной ты мой! Что же ты молчал весь вечер?! Мы тут, понимаешь, загадки решаем, а дело-то, оказывается, выеденного яйца не стоит.

– Так что, – растерянно спросил Андреас, – всё-таки, получается, чья-то шутка?

– Или шутка. Или... провокация, – подумав, сказал Кефа.

– Дерьмо!.. – с какой-то беспомощной интонацией выругался вдруг Йааков; его обычно грозное с виду лицо выглядело сейчас так, как будто старший из «братьев громовых» вот-вот расплачется. – Дерьмо собачье!.. Дерьмо и... дерьмо!

– Я его убью, – неожиданно спокойно и даже как-то буднично сказал Шимон.

– Кого это «его»? – оглянулся на него Андреас.

– Его, – Шимон кивнул на керу в руках Кефы. – Того, кто это написал. Шутника этого.

– Боюсь, что это всё-таки не шутка, – сказал Кефа, закрывая керу, обматывая её шнурком и пряча за пазуху. – Боюсь, это кто-то затевает с нами какую-то хитрую игру.

– Кто?! – злобно спросил Йааков; его лицо вновь приняло своё обычное свирепое выражение, широкие ноздри хищно раздулись. – Я порву эту мразь, как тряпку! Я ему глотку перегрызу!

Андреас махнул на него рукой.

– Кому?! Кому ты собираешься глотку грызть?! Успокойся, Йааков! Чтоб кому-нибудь грызть глотку, надо для начала разобраться – кто написал это письмо? Кто и для чего?

– Йосэфа бар-Гада надо спросить, вот что, – глядя прищуренными глазами на пламя светильника, сказал Шимон. – Он керу передал, вот его и спросить.

– За ноги подвесить этого Йосэфа надо! – сейчас же отреагировал Йааков.

– Правильно, – кивнул Шимон. – Подвесить за ноги и спросить.

– До Йосэфа бар-Гада ещё надо добраться, – возразил ему Кефа. – Отсюда до Ха-Рамы, если пешком, день пути... К тому же, – добавил он, – чтоб что-то разузнать, имеется, я думаю, способ попроще.

– У тебя есть какие-то соображения на этот счёт? – спросил Андреас.

– Я не хотел говорить... – Кефа помедлил, а потом махнул рукой. – Ладно. Чего уж теперь. Человек Йосэфа бар-Гада, кроме керы, передал мне ещё кое-что на словах... Он сказал, что Йешу просил сказать, что будет ждать меня – меня! одного! – завтра через час после рассвета в старом доме Накдимона.

– Вот как? – вскинул брови Андреас.

– Да, – кивнул Кефа. – Я теперь понимаю, что никакой Йешу меня там ждать, конечно, не будет. Но, думаю, надо всё же пойти. Пойти и на месте, понимаешь, разобраться – кто с нами шутит и, главное, для чего?!..

– Я тоже туда завтра пойду! – тут же подскочил Шимон. – И даже не думай возражать!

Кефа недовольно поморщился.

– Ты знаешь, Кефа, а он прав, – неожиданно поддержал порыв Шимона Андреас. – Двое есть двое. Двоим всё-таки сподручней. Ведь, если это не рабби, то... мало ли чего.

– Ладно, – уступил Кефа. – Хорошо. Пойдём вдвоём, – он повернулся к Шимону. – Только не вздумай брать с собой свою железяку! Понял?

– Ещё чего! – сейчас же взвился Шимон, хватаясь правой рукой за левый бок, как будто у него прямо сейчас под прилипшей к телу нижней рубахой висел его страхолюдный нож. – Я туда что, в «тали» иду играть?! Или цветочки нюхать?!

– А если это романцы нам письмо прислали? – стараясь говорить спокойно, спросил Кефа. – И возьмут тебя тёпленьким, с ножом. Который мало чем от меча отличается. И пойдёшь ты оттуда, как миленький, прямоком, понимаешь, на крест.

– Пусть сначала возьмут! – запальчиво заявил Шимон. – Я им живым не дамся!

– Вот именно! – кивнул Кефа. – Об этом и речь! И себя погубишь, и меня заодно. В общем, никакого меча!

– А ты не командуй! – прищурил глаз Шимон. – Чего это ты раскомандовался?! Иди, вон, в свой Легион командуй!.. Или ты боишься? Боишься – так и скажи!

– Короче, – теряя терпение, рубанул ладонью воздух Кефа. – Или ты идёшь без ножа, или я иду без тебя!

– Ну и пожалуйста! – заявил Шимон, отворачиваясь от Кефы. – И топай! Больно надо!.. Только потом, – добавил он, глядя через плечо, – когда романцы тебя опять в подвал потащат, не жалей. И на помощь не зови!

– Не беспокойся, не позову! – заверил его Кефа.

– А зачем мы романцам? – недоумённо спросил Тадай. – Какое им вообще до нас дело?

– Не знаю, – дёрнул плечом Кефа. – Я пока вообще ничего не знаю... и не понимаю! Идиотская какая-то история!

– А нам-то что пока делать? – спросил из своего угла Пилип.

– А вам... Вам пока ждать.

– Долго?

– Думаю, нет. Завтра, думаю, всё прояснится.

– Это я к чему... – Пилип завозился, вставая, и шагнул на свет, его рыжая борода вспыхнула благородной медью. – Прокажённый деньги за постой требует.

– О как! – удивился Кефа. – Чего это он?

– А ты не понимаешь? – усмехнулся Пилип. – Рабби больше нет. А без рабби мы ему – как верблюду пятая нога. Какой ему от нас прок? Это рабби его от проказы вылечил, а не мы. А мы ему кто?.. Спасибо, ещё хоть кормит пока...

– Да уже, можно считать, и не кормит! – тут же откликнулся Леви. – Разве ж это кормёжка?! Сегодня на обед похлёбку дали – одна вода!

– Ну, оно это, кто про что, а Леви – про жрачку! – тут же подначил толстяка Йоханан.

– Нет, правда, еда здесь совсем никудышная стала, – поддержал бывшего мытаря и Тадай. – Он своих рабов лучше кормит, чем нас.

– Так от рабов хоть польза какая-то есть, – возразил Пилип. – Рабы у него в мастерской работают. И по хозяйству. А мы что? Так – лишние рты.

Кефа поиграл желваками.

– Ладно, – сказал он. – С горшечником я поговорю. Пару дней пусть ещё потерпит. А потом мы сами уйдём... – он помолчал. – Про Йехуду так ничего и не слышно?

Андреас покачал головой:

– Нет... Как ушёл тогда со своим ящиком – вроде как за продуктами, – так и всё, с концами. Как в воду канул.

Кефа усмехнулся:

– Может, и канул. С такими-то деньжищами. Прирезали где-нибудь нашего казначея. Какой-нибудь очередной Барух Мститель. Или, к примеру, счастливчик Бар-Абба!.. Да мало ли сейчас на дорогах лихих людей.

– Вряд ли, – недобро щурясь, возразил Йоханан. – Хитрый он слишком, чтоб, оно это, на чей-то нож попасть. Это ж змей! Он сам, скорее, кого-нибудь ужалит... Не-ет. Сидит сейчас наш Йехуда где-нибудь в кесарийской попине. Живой и здоровый. Вино пьёт. Жрёт от пуза. Девочек кесарийских, оно это, за жопы щупает... А может, к себе подался. В свой Кириаф. Обратное... Дело там какое-нибудь на наши денежки откроет. Богатеем станет. Несейских жеребцов, как этот... Йосэф бар-Гад, заведёт... Оно это, коляску лаковую...

– Ну, на те деньги, что он унёс, таких жеребцов, как у Йосэфа бар-Гада, пожалуй, не купишь, – возразил Андреас. – Коляску, может, ещё туда-сюда, а жеребцов – вряд ли. На одного и то не хватит.

– Он мне как-то говорил, что мечтает пекарню купить, – негромко сказал Тома. – Купить пекарню и открыть при ней хлебную лавку. Говорил, что в детстве голодать часто приходилось, поэтому.

– Хлебную лавку, говоришь, – Кефа сжал кулаки. – Ну-ну...

– Найду – кишки выпущу! – пообещал Шимон. – Прямо в этой его хлебной лавке и выпущу!

И по полкам развешу!

– Это для начала его найти надо, – покачал головой Андреас. – Сколько уже времени прошло! Он сейчас где угодно может быть. Вряд ли он в свой Кериаф вернулся. Он ведь понимает, что, если его будут искать, то в первую очередь там. А эту свою хлебную лавку он может где угодно открыть. В той же Кесарии, например. Или, наоборот, – в Ямнии... Или даже, вообще, – в Антиохии. За десять дней он и до Антиохии вполне мог добраться. Пойди найди его теперь... Мир велик.

Все притихли, думая каждый о своём. Светильник перестал моргать и горел теперь ровно – чистым, чуть розоватым пламенем. За окном всё так же тянул свою заунывную песню неутомимый бродяга «хамишим».

– Хлебная лавка, хлебная лавка... – нарушив общее молчание, жалобно пробасил Леви. – Слушайте, может, у кого, и вправду, какой-нибудь кусок лепёшки завалялся?..

Кефа вышел на улицу Роз как раз в тот момент, когда ещё не успевшее раскалиться утреннее солнце красным колесом выкатилось из-за Храмовой горы. Кефа внимательно осмотрел немногочисленную в этот ранний час улицу и двинулся вперёд, наступая на свою длинную тень, легко скользящую по старой бульжной мостовой.

Старый дом Накдимона стоял на пересечении улицы Роз и Песчаного переулка – узкой тропы, действительно песчаной, пролегающей между двумя высокими заборами: сначала ровно, а потом круто взбегающей по склону горы Цийон к параллельной, широкой и шумной, торговой улице Шимшон.

Дойдя до угла, Кефа замедлил шаг и ещё раз огляделся. Переулок был пуст. Улица перед домом тоже была пуста, если не считать одинокого нищего, спящего под забором на противоположной от дома Накдимона стороне: Кефа со своего места видел только босые грязные ноги, торчащие из вороха ещё более грязного тряпья. Кефа, не торопясь, прошёл вдоль высокой каменной кладки забора и, миновав массивные глухие ворота, остановился перед зарешёченной калиткой. В прошлый раз, когда они приходили сюда с Йешу на седе, их встречал привратник – старый одноглазый раб-мёзиец. Сегодня раба не было, калитка была приоткрыта. Это было странно, но Кефа и полагал, что нынешний его визит сюда, в указанный таинственным Йосэфом бар-Гадом дом на улице Роз, не обойдётся без странностей, поэтому заранее дал себе зарок ничему не удивляться. Он посмотрел налево – пусто, направо – шагах в пятидесяти, медленно переставляя ноги, тащил гружёную тележку понурый ослик. Хозяин телеги шёл рядом, так же как и его осёл, глядя себе под ноги. Кефа оглянулся на нищего (тот безмятежно спал, приоткрыв рот), помедлил ещё несколько мгновений и, взявшись за позеленевшую медную скобу, решительно потянул на себя калитку.

Во дворе тоже никого не оказалось, но было заметно, что двор недавно мели. Значит, за порядком в доме по-прежнему присматривали, какая-то жизнь здесь всё ещё продолжалась. Двери одного из сараев в глубине двора были распахнуты настежь (ещё одна странность!), высились там стопки перевёрнутых вверх дном больших плетёных корзин, громоздились какие-то обшитые рогожей, неподъёмные на вид тюки. Кефа медленно, оглядываясь по сторонам, пересёк двор, подошёл к дому и, осторожно приоткрыв входную дверь, просунул в щель голову. Внутри было тихо, но Кефа тут же понял, что в доме находятся солдаты – его прим-декурионовский нос сразу уловил знакомый, сидящий, наверное, в самых печёнках, душок легионерской казармы: ни с чем не сравнимый «букет» запахов дыма, пота и кислой посковой отрыжки. Ещё было не поздно уйти: захлопнуть дверь, рвануть обратно через двор, выскочить на улицу, нырнуть в переулок – и поминай как звали. Уйти было можно. Но это ничего не решало. Не для этого он сюда шёл. Надо было разобраться, распутать, понимаешь, этот узел до конца. Кефа сжал зубы и, резко распахнув дверь, вошёл в дом.

Его взяли сразу. Взяли вполне грамотно – быстро и сразу со всех сторон. Будь при нём меч, Кефа вряд ли успел его даже вытащить. Нападавших было четверо (четвёртый ворвался в дом вслед за Кефой – значит, прятался где-то во дворе). Кефу прижали к стене и быстро, но тщательно обыскали, сорвав с пояса кинжал и вытащив из-за пазухи пресловутую керу. Кефа благоразумно не сопротивлялся. Его подхватили под локти и, чуть ли не волоком протащив по коридору, втолкнули в одну из комнат по правой стороне.

В комнате, в кресле с высокой резной спинкой, сидел советник Паквий, держа в одной руке развёрнутый книжный свиток, а в другой – серебряный кубок, вероятно с вином. Рядом с креслом, на низком трёхногом столике, стояло блюдо с финиками и черносливом. За спиной советника мрачным утёсом возвышалась необъятная фигура опциона Валерия Кальва.

Увидев Кефу, советник поставил кубок на стол и принялся двумя руками сворачивать свиток. Один из притащивших Кефу в комнату легионеров прошёл вперёд и, почтительно поклонившись, положил на краешек стола, рядом с блюдом, отобранные у Кефы керу и кинжал. Советник движением руки отослал солдат.

– Кальв, дружище, – не поворачивая головы, позвал Паквий, – будь добр, проследи, чтобы поблизости не было лишних ушей.

– Да, трибун, – кивнул опцион и, пройдя мимо опасливо посторонившегося Кефы, вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Советник закончил сматывать свиток и, подняв глаза, насмешливо посмотрел на гостя.

– Удивлён?

Кефа повёл плечом.

– Нет. Чего-нибудь в таком роде как раз и ожидал.

– Вот как? – приподнял бровь Паквий. – Отчего же? Ты ведь, кажется, должен был встретиться здесь со своим другом Йешу?

– Трудно по-настоящему надеяться на встречу с мертвецом, – помедлив, ответил Кефа. – Тем более с мертвецом, умеющим писать письма пробитыми руками.

Советник вскинул голову, несколько мгновений пристально смотрел на гостя, потом хмыкнул и кивнул.

– Да. Это мы с Кальвом малость не додумали... Надо же, такая простая вещь, а в голову не пришла!.. Это ты молодец... – он принялся постукивать кончиком книжного свитка по гладко выбритому подбородку. – А чего тогда пришёл? Любопытство?

– Любопытство, – легко согласился Кефа. – Я ведь страсть, какой любопытный. Это у меня с детства. То голову, понимаешь, в улей суну. То в задницу кому-нибудь загляну.

Паквий предостерегающе покачал головой.

– Осторожнее, прим. Не надо зарываться. Ты ведь один раз уже погорячился. Я думаю, не стоит повторять?

Кефа промолчал. Советник ещё какое-то время пристально смотрел на него, потом потянулся к столу, поставил на него свой кубок, положил рядом книжный свиток и взял в руки отобранный солдатами у Кефы кинжал.

– Прекрасная вещь!.. – рассматривая витые ножны и рукоять, сделанную в виде дракона, кусающего собственный хвост, оценил Паквий. – Изумительная работа!.. – он вытянул кинжал из ножен и, взглядевшись в лезвие, задрал брови. – Никак парфянская заточка?.. Да, точно, парфянская, – советник, хитро прищурившись, посмотрел на Кефу. – А ты, часом, не парфянский ли лазутчик, Симон Саксум из Галилеи?

Кефа криво улыбнулся.

– Нет, трибун. Я не парфянский лазутчик. Я – бывший прим Третьего легиона, а ныне – самый обыкновенный еврей. Пусть немного любопытный, но вполне, понимаешь, законопослушный. И нож этот – давний подарок от друга. Память о службе... И, кстати, длина лезвия у этого ножа никак не больше ладони.

Паквий улыбнулся краешками губ.

– Ну, полагаю, бывшему прим-декуриону Третьего легиона, носителю «Крепостного венка» не стоит беспокоиться о длине лезвия его ножа.

Кефа хмыкнул.

– Как же мне не беспокоиться, если ты лишил меня романского гражданства?

– Но-но! – советник останавливающе поднял ладонь. – Не говори глупостей. Романское гражданство даровано тебе кесарем Тиберием, и только кесарь Тиберий волен лишить тебя его.

– Но ты же отобрал у меня буллу! И меч!

– И, между прочим, правильно сделал! А то бы ты натворил делов. Скажи спасибо, префект Пилат не обратил внимания на ту возню во дворе преториума... – Паквий помолчал. – Буллу тебе вернут. После нашего разговора подойдешь к опциону Кальву. Булла у него. Что же касается меча... Полагаю, он тебе пока не нужен. В той работе, которая тебе предстоит, меч тебе не пригодится. Скажу больше, он тебе будет только мешать.

– Это в какой ещё работе?! – удивился Кефа. – Я, кажется, не соглашался ещё ни на какую работу! Ты ничего не...

– Помолчи! – оборвал его Паквий.

Кефа заткнулся. Стало очень тихо. Так тихо, что Кефа услышал, как где-то над головой, в стропилах, робко шуршат мыши. А может, это были ящерицы. Кефе неизвестно отчего вдруг вспомнилась маленькая серая ящерка-геккон, что ловко ловила мух, бегая по потолку и стенам, в тесной комнатке глинобитного дома в далёком и пыльном Туггурте. Господи, как же давно это было!

Советник вернул кинжал в ножны, отложил его на стол и, снова взяв в руки кубок, сделал глоток.

– Йешу жив, – едва слышно, одними губами произнёс Паквий.

Кефа задохнулся. Сто тысяч слов теснились у него на языке, но он никак не мог выбрать нужные. Наконец он совладал с собой.

– Один мой друг, – криво усмехаясь, выдал он из себя, – прочитав керу, сказал, что пока он сам, своими собственными глазами не увидит рабби, пока он сам, понимаешь, своими собственными руками...

– Ты увидишь его, – спокойно сказал Паквий, и именно в этот момент Кефа понял, что советник не врёт.

– Когда? – хрипло спросил Кефа, ему вдруг сильно захотелось пить, у него даже мелькнула шальная мысль: а не попросить ли глоток вина у советника?

– Скоро, – ответил Паквий. – Ему надо немного подлечиться. Всё-таки висение на кресте не особо способствует укреплению здоровья... Да и Гай Лонгин, надо сказать, несколько переусердствовал.

– Гай Лонгин?

– Ну да. Кентурион Гай Кассий Лонгин. Это ему была поручена постановка всей этой комедии с распятием рабби-галилеянина... Кстати, идею с настойкой из корня мандрагоры предложил именно он. Отличная идея, я считаю!..

– Губка на копье! – догадался Кефа.

– Верно, – кивнул советник. – Знаешь, что это такое, настойка из корня мандрагоры?

– Знаю, – Кефа потрогал своё левое плечо. – Меня ею в госпитале угощали. В Ламбессе.

– А, ну тогда тем более... – Паквий снова отпил из кубка. – На мой взгляд, в общем и целом, получилось очень даже неплохо. Как ты считаешь?

Кефа покачал головой:

– Ты же знаешь, меня там не было. Но судя по тому, что мне рассказали... Слишком много накладок... И странностей... Многие не так, как всегда. Не боитесь, что Ханан с Каиафой подлог заподозрят?

– Плевать, – небрежно отмахнулся Паквий. – И на Ханана плевать, и тем более на Каиафу. Не в том они нынче положении, чтобы с нами бодаться. Да и вообще, какие могут быть вопросы? Казнь состоялась? Состоялась. Народ видел смерть рабби-галилеянина? Видел. Это – главное. А на всякие недоверия и подозрения, и возможные слухи – плевать, плевать и ещё раз плевать! Мало ли какие слухи ходят в народе!

– Ну, раз так... тогда конечно... – Кефа помолчал, а потом спросил: – Где он?

Советник понял вопрос. Он поколебался, но потом всё-таки ответил:

– Сейчас он в Ха-Раме, в доме Йосэфа бар-Гада. Но совсем скоро, когда раны заживут, префект заберёт его к себе в Кесарию.

– Префект?!

– Префект, – подтвердил советник. – А ты как думал? Ты думал, что это я всё затеял? Или тот же Гай Лонгин? Нет, дорогой мой. Рабби-галилеянин нужен не мне. И уж тем более не кентуриону Гаю Лонгину. Рабби-галилеянин нужен префекту... А ты и твои друзья нужны рабби-галилеянину. Так что, сам понимаешь, не время вам сейчас отправляться обратно в Галилею.

– Подожди, – потряс головой Кефа. – То есть ты хочешь сказать, что Йешу...

Он не договорил. В соседней комнате вдруг раздался грохот, как будто там уронили шкаф. Потом прозвучал чей-то сдавленный крик, по коридору затопали ноги, и в распахнувшуюся дверь, пригнув голову, шагнул огромный Валерий Кальв. В одной вытянутой руке он за шиворот, как нашкодившего котёнка, держал вяло брыкающегося Шимона. В другой – брезгливо, за кончик лезвия, как дохлую крысу за хвост, – несоразмерный Шимонов нож. Из разбитого носа Шимона – по бороде, по симле, оставляя на полу дорожку из частых капель, – бежала очень яркая красная кровь.

– В окно влез. С крыши. Должно быть, задворками прошёл, – доложил опцион, при каждом слове встряхивая пленника, как будто собираясь вытрясти из него пыль; зубы Шимона лязгали.

– Ваш? – кивнул Кефе на Шимона Паквий.

– Наш... – несколько обалдело подтвердил Кефа. – Это – Шимон... Шимон бар-Йосэф. Родной брат Йешу.

– Ах, вот как!.. – задрал брови Паквий и внимательно оглядел висящего. – Родной брат... А так и не скажешь. Совсем на Йешу не похож.

– У них матери разные.

– Вон оно что... – советник понимающе покивал. – Ну, и что мне теперь с ним делать? – обращаясь к Кефе, спросил он.

Кефа повёл плечом:

– Да ничего не делать... Отпустить.

– Отпусти-ить?! – с сомнением в голосе протянул советник и, слегка склонив голову на бок, вновь принялся внимательно разглядывать Шимона.

А тот, перестав брыкаться, теперь безвольно висел в могучей руке опциона, глядя в пол остановившимися глазами и лишь время от времени шумно втягивал в себя кровавые сопли.

– Ну, отпустить бы, в принципе, было можно, – наконец задумчиво произнёс Паквий. – Учитывая, так сказать, хорошую родословную... Можно было бы отпустить... Если бы не меч. Зачем он пришёл сюда с мечом? – советник вопросительно посмотрел на Кефу.

– Меня защищать, – быстро ответил тот.

– От кого?

Кефа развёл руками.

– Ну, мало ли... Мы ведь не знали, кто керу написал.

Советник побарабанил пальцами по подлокотнику, потом медленно пригубил свой кубок.

– Тебя защищать... – задумчиво повторил он. – Нет, это хорошо. Это даже где-то похвально... Вот если бы не меч...

– Есть вариант, – сказал Кефа. – Если трибун позволит...

Трибун позволил. Кефа решительно шагнул к опциону, выдернул из его пальцев меч и сильным ударом об колено сломал лезвие пополам. После чего, швырнув обломки в угол, повернулся к Паквию.

– Всё! – сказал Кефа. – Нет меча! И никогда не было.

Советник смотрел на Кефу с весёлым изумлением. Валерий Кальв тоже смотрел на Кефу с изумлением. А в глазах висящего Шимона промелькнула какая-то безумная искра – он явно ничего не понимал в происходящем.

– Да, – наконец сказал Паквий, – Симон Саксум, теперь я понимаю, почему тебя так называли в Легионе... И почему ты получил «Крепостной венок» я тоже понимаю... Скажи, прим, а ведь тебя, наверно, любили твои солдаты?

Кефа ответил не сразу.

– У моего самого первого командира было прозвище: Юст, – наконец сообщил он. – Я многому у него научился... Кстати, кинжал, – Кефа кивнул на стол, – это его подарок.

Советник ещё раз взглянул на лежащий на столе нож, потом вновь перевёл взгляд на Кефу.

– Ну что ж, – задумчиво сказал он, – раз никакого меча нет... и, как ты говоришь, никогда и не было, я не вижу причин, чтобы далее задерживать здесь этого... добропорядочного еврея, – советник указал пальцем на Шимона. – Кальв, дружище, выкинь этого любителя лазить по чужим крышам на улицу... Хотя постой... Опустить его.

Опцион послушно поставил пленника на пол. Ноги Шимона подогнулись, и он едва не упал.

– Эй, ты! – советник щёлкнул пальцами. – Ты говоришь по-романски?

– Мой... плёхо... – выдавил из себя Шимон. – Не говорить.

– Ладно, – переходя на арамейский, кивнул Паквий. – Скажи мне... Шимон бар-Йосэф... кого ты видел сегодня в этом доме?

Шимон помедлил, глядя в пол, а потом поднял на советника глаза.

– Никого, – тихо сказал он.

– Что, совсем никого? – переспросил Паквий. – Совсем-совсем? Дом стоял пустой?

– Привратника видел, – уже несколько уверенней ответил Шимон и громко шмыгнул носом. – Привратник у калитки стоял. Старый такой, одноглазый. Он мне сказал, что в доме никого нет. Ну... я и пошёл.

– А кого ты искал в этом доме? – продолжал наседавать Паквий.

– Его, – Шимон указал на Кефу. – Он мне вчера сказал, что пойдёт посмотрит дом, в котором мы делали седер. Ну, я и подумал, что найду его здесь.

– И что?

– Ну... и не нашёл.

Советник, одобрительно улыбаясь, смотрел на Шимона поверх своего кубка.

– Быстро соображает, – опять переходя на романский, обратился он к Кефе, указывая на Шимона.

– Быстро... – подтвердил Кефа. – Йешу говорил, что у него в детстве прозвище было: Рахи – Ветерок. В смысле – лёгкий, быстрый.

– А сейчас? – с любопытством спросил Паквий. – Сейчас прозвище есть? В общине вашей его как-то зовут?

– Кананá, – сказал Кефа. – Он у нас Канана. Я – Шимон Кефа. А он – Шимон Канана.

– Э-э... Ревнивец? – перевёл Паквий.

– Да. Горячий он у нас очень, вспыльчивый.

– Рахи лучше, – оценил советник. – Эй, ты, – он снова пощёлкал пальцами. – Канана – плохо! Рахи – хорошо! Не надо канана. Понимаешь меня?!

Шимон посмотрел на советника, потом на Кефу, потом опять на советника и истово закивал.

– Да, – сказал он по-романски. – Понимать.

– Ну и замечательно, – подытожил Паквий. – Всё, ступай... Иди. Иди! – добавил он на арамейском и сделал выпроваживающий жест рукой.

Шимон снова закивал и, неловко повернувшись, пошёл к двери, ощупывая на ходу свой нос.

– Я провожу, трибун? – негромко спросил Кальв.

– Разумеется, – прикрыл глаза Паквий.

Когда за опционом закрылась дверь, советник двумя большими глотками допил вино, отставил кубок на стол и, кинув в рот финик, сцепил пальцы на животе.

– Итак... – взгляд его опять был направлен на Кефу. – На чём мы остановились?

Кефа собрался с мыслями.

– Ты говорил, что мы нужны рабби... А рабби нужен префекту. Зачем?

Советник ответил не сразу. Он медленно жевал финик, внимательно глядя на Кефу. Наконец он заговорил.

– То, что я скажу дальше, прим, должно остаться в этой комнате. Навсегда... Учти, если ты проболтаешься, если ты хотя бы одним единственным словом... хотя бы с одним единственным человеком... даже которому ты безмерно доверяешь, обмолвишься о том, что ты сейчас здесь услышишь... я узнаю об этом сразу... Потому что об этом сразу начнут шушукаться на рынках и в попинах. А как только об этом начнут шушукаться, как только слухи поползут по рынкам и попинам, мои люди тут же донесут обо всём мне. И мне не надо будет долго гадать о том, кто именно проболтался... ибо эту тайну пока знают только трое: я, мой опцион и твой друг рабби-галилеянин. Ну, и, разумеется, префект Понтий Пилат... А с теми, кто не умеет хранить доверенные им тайны, я разбираюсь очень быстро и очень жёстко. Ты меня понимаешь, прим?

Кефа хмыкнул.

– Я очень хорошо понимаю тебя. Но ты не подумал, трибун, хочу ли я знать эту вашу страшную тайну?

Советник выплюнул финиковую косточку в руку, покрутил её в пальцах, рассматривая, и щелчком отправил на пол.

– А ты знаешь... Кефа... – Паквий пожевал губами, как бы пробуя на вкус звучание арамейского прозвища прима. – А ведь когда третьего дня я разговаривал с Йешу, он был против того, чтобы за главного в общине остался ты. Он считает, что в тебе мало веры. Что ты слишком... приземлённый. Кажется, он так выразился... На твоей кандидатуре настоял я... А Йешу прочил в свои преемники твоего брата. Я же полагаю, что куда спокойнее иметь дело с прагматичным профессионалом, чем с... восторженным идеалистом. Прагматики, они предсказуемы.

Кефа в задумчивости потёр переносицу.

– Интересно, на чём сошлись интересы префекта Пилата и скромного рабби-галилеянина?

– То есть ты всё-таки хочешь это узнать?

– Ладно, – сдался Кефа, – давай, трибун, выкладывай свою тайну... Да-да-да! – отвечая на обозначенный лишь приподнятой бровью невысказанный вопрос советника, закивал он. – Я всё понимаю, все условия принимаю и могу поклясться самыми страшными клятвами: хранить, понимаешь, доверенную мне тайну пуще собственной жизни... Хотя что тебе мои клятвы? Просто слова.

– Главное, чтобы для ТЕБЯ они не были просто словами... Впрочем, ты прав, прим, обойдёмся без наивных детских ритуалов... – Паквий бросил в рот ещё один финик. – Ну что ж, ты

захотел услышать тайну, ты её услышишь... – он сделал паузу. – Твой друг – рабби-галилеянин – скоро станет первосвященником.

Кефа поначалу даже не понял сказанного. Нет, слова все были знакомыми, но они почему-то не хотели складываться во что-то осмысленное. Наконец до него дошло.

– Постой-постой... Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать только то, что я уже сказал. Через несколько месяцев... максимум через полгода Йешу бар-Йосэф станет первосвященником. Первым человеком в Храме.

– Постой-постой... – Кефа в смятении зарылся пальцами в бороду. – Но он же!.. Ах, ну да!.. погоди! А как же его?!.. Хотя конечно... конечно... Постой! – ему в голову наконец пришла простая и здравая мысль. – погоди! Но он же... умер. Вы же сами казнили его!

– Ну и прекрасно! – советник с энтузиазмом взмахнул руками. – Это ведь только к лучшему! Как ты думаешь, прим, а как отнесётся народ... нет, не левиты, не бородатые книжники-прусымы, не храмовая знать, уже не знающая, куда складывать деньги, а простой иудейский народ... как он отнесётся к проповеднику, пророку, который за свои убеждения, за свою веру, был распят на кресте проклятыми романскими оккупантами, принял на глазах этого самого народа страшную мученическую смерть и – вдруг! – назло этим самым проклятым оккупантам... воскрес?

– Воскрес?!

– Воскрес!..

Кефа ошеломлённо потряс головой.

– Но это же... В это же никто не поверит!

Паквий снисходительно улыбнулся.

– Ошибаешься... Ошибаешься, прим. Послушай старую лису, съевшую все свои зубы именно на сплетнях и кривотолках... Чем невероятнее слух, тем скорее в него поверят. Понимаешь?.. Так уж устроен человек. Он скорее не поверит очевидному, но он всегда с радостью уверует в чудесное, в самое невероятное... Но ты не ответил на мой вопрос: так как отнесётся народ к такому вот воскресшему проповеднику?

Кефа всё ещё никак не мог прийти в себя.

– Народ?.. А что народ... Народ, конечно, примет такого проповедника с восторгом... Может, даже посчитает, что он и есть долгожданный Машиах.

– Вот-вот! – вновь оживился Паквий. – Мас... Мас-шиах! Йешу тоже говорил мне о нём. Насколько я его понял, этот Мас-шиах – это ваш долгожданный царь. Ваш спаситель, избавитель и... прочая. Царь, при котором наступит Золотой Век Исраэля. Так?

– Да, примерно так... Об этом говорил пророк Йешайаху.

– Именно! И про пророчества этого вашего Ес-ша... яху – о боги! язык сломаешь! – Йешу мне тоже говорил. Он рассказывал мне про книгу этого вашего пророка, в которой тот как раз предрекал, что этот ваш Мас-шиах воскреснет из мёртвых.

– Может быть... – согласился Кефа, у него уже не осталось сил ни удивляться, ни спорить. – Йешу знает Писание гораздо лучше многих. И уж тем более гораздо лучше меня... Я вот только одного никак не возьму в толк, трибун. Зачем Пилату рабби-галилеянин я примерно понимаю. Ручной первосвященник, спокойствие в Иудее... «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие – Богу»... Это ясно... А вот зачем рабби-галилеянину, бродячему проповеднику и лекарю, нужен романский префект?.. Или Йешу пошёл на сделку с Пилатом под страхом смерти?

– Нет, что ты! Нет-нет! Эта... сделка, как ты её называешь, была предложена Йешу уже после его, так сказать, воскрешения. А умирал он на кресте без дураков, всерьёз.

– Тогда, тем более, зачем ему всё это?!

Советник отправил на пол ещё одну финиковую косточку.

– А ты, оказывается, плохо знаешь своего друга, прим. Ведь, несмотря на всю свою высокую духовность, я бы даже сказал, отрешённость, Йешу, на самом деле, весьма практичный человек. Я бы сформулировал это так: взгляд его устремлён в небо, но ногами он прочно стоит на земле... И он, в отличие от большинства и, как я теперь вижу, и от тебя, понимает, что мир и благоденствие на палестинской земле возможны только под властью кесаря.

– Я думаю, – тихо сказал Кефа, – Йешу тут заблуждается.

– Вот как?! – вскинул брови советник. – А скажи мне, мой дорогой прим, как давно стоит на Храмовой горе ваш Храм? И что стало с предыдущим?.. И сколько раз за свою историю ваш Храм подвергался осквернению и поруганию?.. Молчишь? Не знаешь или не хочешь сказать?.. Знаешь. Вижу, что знаешь... – Паквий распрямился в кресле и подался вперёд. – Запомни, прим, если

Великая Рома приходит куда-нибудь, она приходит туда навсегда! И горе тем народам, которые не поняли этого вовремя... Тем же, кто согласился с владычеством Ромы, она дарует мир и процветание... Не веришь? Взгляни на Египет и Галлию! Взгляни на Иллирикум! На Битинию! Памфилию! Киликию!.. Да что далеко ходить! Скажи мне, прим, а разве ваш священный город не утопал в собственном дерьме, пока всячески хулимый вами Понтий Пилат не построил Большой Акведук и не провёл в Хиеросолим воду?!.. Да, мир и процветание стоят денег. И потому профессию мытаря ещё никто не отменял. Но разве до нашего прихода сюда по вашим домам не ходили сборщики податей?!.. Да вы и сейчас несёте в свой Храм денег больше, чем платите кесарю!.. А левиты жируют за ваш счёт! Как ты думаешь, на чьи деньги Каиафа отгрохал себе такой дом? Это ведь дворец, а не дом!.. А как ты считаешь, на какие деньги старший сын Ханана купил себе в Роме почти целую улицу?!.. Или вы собираетесь и дальше кормить этих дармоедов?!.. Молчишь, прим?.. Ну, молчи, молчи...

Советник откинулся на спинку кресла, взял со стола свой кубок, с разочарованием заглянул в него и сунул обратно на стол.

– Ну, хорошо, – сказал Кефа. – Ладно. Допустим, я поверил... Нам-то что надо будет делать? Я имею в виду – нашей общине.

– Вам?.. – Паквий опустил руки на подлокотники и вновь сцепил пальцы на животе. – Вам надо... готовить почву. Зёрна должны упасть на хорошо удобренную почву. Приход Мас-шиаха надо подготовить.

– Каким образом?

– Слухи, мой дорогой прим, всё те же слухи!.. Э-э... что там кричала ваша девочка, когда обнаружила, что тела рабби нет в могиле?

– Мирьям, – сказал Кефа. – Её зовут Мирьям. Она больна. Безумна...

– Неважно! – отмахнулся Паквий. – Это совершенно неважно! А кричала она, кажется, об ангелах, что унесли рабби прямо на небо? Так?

– Да, – нехотя согласился Кефа. – Что-то в этом роде.

– Вот и прекрасно! – советник вновь преисполнился энтузиазмом. – Вот вам и первый слух! Рабби, приняв мученическую смерть, был вознесён на небо. Совсем как этот ваш... – он пощёлкал пальцами. – Всё время забываю эти ваши имена!..

– Элийяху, – подсказал Кефа.

– Да! Именно! – Паквий ткнул в сторону Кефы пальцем. – Элий-яху!.. А что, красиво! Взят на небо, воскрешён и отправлен обратно на землю нести слово Божие и наставлять народ свой на праведный путь. А? Как ты считаешь?

– Д-да... наверно... не знаю, – Кефа в затруднении потёр переносицу. – Может, и получится.

– Обязательно получится! С вашим старанием и с нашей помощью получится непременно!.. – советник выкопал в вазочке черносливины и отправил её в рот. – Так... Теперь конкретно... Жить будете здесь. Завтра же перебирайтесь из Бейт-Эньи в Хиеросолим. Места здесь много, дом большой, так что поместитесь. Дом этот мы у хозяина выкупили, теперь он в вашем полном распоряжении. Хозяин говорил, что в прежние годы он здесь принимал до сотни паломников. В доме и в шатрах во дворе. Вас пока не так много, но скоро будет больше. Скажи мне, Йешу говорил, что у него в Галилее ещё много учеников.

– Да, – подтвердил Кефа. – Есть. И в Кáне, и в Сепфорисе, и в Магдале. И даже в Тибериаде.

– Отлично! Срочно отправляйте гонцов в Галилею. Зовите всех учеников рабби-галилеянина в Хиеросолим. Рассказывайте о чудесном вознесении рабби. Не жалейте красок! Народ любит сочные подробности. Обещайте всем скорое пришествие... этого... Мас-шиаха! Золотой Век обещайте. Пусть распродают всё – дом, землю, скотину, рабов – и идут в Хиеросолим...

– Подожди-подожди! – протестующе поднял руку Кефа. – Это ещё зачем?

– Что «зачем»?

– Ну... продавать дома, скот, зачем это?

– Ну как же! – советник даже умилился такой несообразительности прим-декуриона. – Да потому что в царствие небесном, которое скоро наступит на земле, ничего из этого им не понадобится!

– Ну, это, так сказать, официальная версия, – продолжал настаивать Кефа. – Это всё мы им можем говорить и очень красиво, понимаешь, расписывать. Но на самом-то деле зачем?

Паквий отправил на пол вслед за финиковыми и косточку чернослива.

– Не понимаешь?.. Да чтобы привязать человека к общине! Накрепко привязать. Вот ты мне, как бывший командир турмы, скажи: кого бы ты скорее взял к себе в отряд – одинокого холостяка, у которого ни кола, ни двора, и которого на всём белом свете не ждёт ни одна живая душа? или семьянина, которого где-то ждут жена и сопливые дети, и дом, который надо чинить, и старики-родители, которых бы успеть повидать, пока они живы?

– Да, – сказал Кефа, – я понял. То есть это всё затевается всерьёз и надолго.

– А ты как думал! Конечно, всерьёз! И конечно, надолго! Так что привлекайте к себе как можно больше людей. Вам понадобятся сотни, тысячи верных сторонников, безоговорочно верящих рабби...

– Так уж и тысячи, – усомнился Кефа.

– Тысячи! – кивнул советник. – Никак не меньше.

– Да если рабби станет первосвященником, а тем более, если он станет Машиахом, его здесь и так на руках все носить будут!..

– Ну, во-первых, не все, – охладил Кефин пыл Паквий. – Не забывай, пожалуйста, о Ханане и его людях... А во-вторых, быть Мас-шиахом, это ведь означает не только сидеть на троне и произносить красивые речи. Это ведь ещё и масса совершенно практических дел. Для которых потребуется много верных и умелых помощников. Управлять целым народом – это ведь не бигой править!

– Ну, хорошо, – согласился Кефа, – люди понадобятся. Но ведь всё равно не тысячи. Здесь, в Хиеросолиме, для помощи и поддержки рабби, думаю, пары сотен человек будет более чем достаточно.

Взгляд советника стал снисходительным.

– Учись мыслить широко, прим. И учись заглядывать в будущее. Хотя бы чуть дальше завтрашнего утра. Хиеросолим это ведь ещё не вся Иудея. Да и Иудея это ведь ещё не вся Палестина. Понимаешь?.. Учти, со временем вам понадобятся свои люди даже в Антиохии.

– Ого! – Кефа покрутил головой, как будто ему жал воротник. – Это что же, Понтий Пилат прочит себя в проконсулы Сирии?

Паквий в это время как раз нёс ко рту очередной финик. Рука его замерла на полпути.

– Это был лишний вопрос, прим. Совсем лишний... Давай так, я этого вопроса не слышал, потому что ты его не задавал.

Он положил финик в рот и, продолжая неотрывно смотреть на Кефу, принялся сосредоточенно жевать.

– Ну хорошо... – принимая правила игры, кивнул Кефа. – Хорошо... Я всё понял... Но тогда ещё одно... Раз это всё всерьёз и надолго, раз мы затеваем такое большое и серьёзное дело, мы же должны думать о последствиях. Как ты говоришь, заглядывать в будущее. Так вот, в этом самом будущем... Что мы скажем людям? Что мы им скажем, когда они поймут, что там, – Кефа ткнул пальцем себе за спину, – у себя, они распродали всё: дома, скотину, рабов, а здесь, – он ткнул пальцем вниз, – не получили взамен ничего, кроме, понимаешь, красивых обещаний?! Они же... взбунтуются!

– Брось! – отмахнулся советник. – Какое там «взбунтуются»! Вот ты мне скажи, у вас в легионе задержки с выплатами жалованья случались?

– Да сплошь и рядом! По семь-восемь месяцев обычно получку ждали. А один раз, в Тубуске, мы без денег, понимаешь, почти год просидели! Без десяти дней...

– Ну вот, видишь! – Паквий развёл ладони. – И ничего ведь, не взбунтовались!

– Некогда нам было бунтовать, – нехотя признался Кефа. – Мусулами нас тогда донимали... что слепни мула. Не до бунтов нам тогда было.

– И здесь, поверь мне, причины не бунтовать найдутся, – заверил Кефу советник. – Человек, если у него есть цель, может многое претерпеть. А если цель его – Царство Божие, – Паквий задрал палец, – то он сможет вытерпеть практически всё!.. Ну, и опять же, всегда можно будет объяснить ропщущим, слабым духом, что в затянувшемся ожидании виноваты только они сами: несправедно себя вели или... ну, что-нибудь всегда можно придумать! Да и вообще, о каких бунтах ты говоришь?! Бунтуют голодные. Бунтуют обделённые. Бунтуют обиженные. Будут здесь такие? Нет! Поскольку, наоборот, они все будут считать себя избранными. Они ведь все – ученики и последователи рабби-галилеянина! А значит, – что? А значит, в час прихода Маш-шиаха места в первом ряду им обеспечены! Какие уж тут обиды, и какая тут обделённость?! Наоборот!.. Ну, а что касается голода, могу тебя заверить – что-что, а голодать вам не придётся...

– Кстати, о голоде, – встрял Кефа в монолог советника. – Сейчас у нас в общине очень плохо с деньгами. Да что там плохо – денег совсем нет!

Взгляд Паквия стал настороженным.

– Когда я разговаривал с Йешу, он мне ничего по поводу ваших трудностей не говорил... Более того, он сказал, что как раз накануне своего ареста он получил от Йосэфа бар-Гада значительную сумму денег, которую тот пожертвовал на нужды общины.

– Так оно и было, – согласился Кефа. – Просто Йешу ничего не знает о том, что было после его ареста. А тем более, – он усмехнулся, – после его смерти. – А всё дело в том, что его, понимаешь, любимый ученик и по совместительству общинный казначей сразу же после ареста своего обожаемого учителя... сбежал. Прихватив с собой свой денежный ящик... Впрочем, конечно, может, он и не сбежал. Может, его где-нибудь... того-этого... Но, во всяком случае, он исчез. Со всеми деньгами общины... Так что мы сейчас бедствуем, трибун. И нам бы совсем не помешала определённая денежная поддержка.

Советник какое-то время размышлял, постукивая пальцами по подлокотнику. Потом отвязал от пояса кошель и кинул Кефе глухо звякнувший кожаный мешочек.

– Возьми. Там не так много, но на первое время вполне хватит... Но учти, прим, это был первый и последний раз, когда я снабжаю вашу общину деньгами. Впредь добывайте себе деньги сами. Один из способов я тебе достаточно подробно описал... Так... Что-то я ещё хотел тебе сказать... Да! Ты сам никуда из Хиеросолима не уходишь! Ты нужен Йешу здесь. Во-первых, ты в его отсутствие руководишь общиной. Во-вторых, ты, пока он не вернётся, должен заменить его на диспутах в Храме.

– Ого! – возмутился Кефа. – Да вы с ума сошли! Куда мне! Я ведь Закона почти и не знаю. Да меня любой ученик, понимаешь, за пояс заткнёт. Не говоря уже об опытных книжниках...

– Ничего-ничего! – успокоил его Паквий. – Йешу говорит, что ты справишься. И я считаю, что ты справишься. Тем более что твоя задача это ведь вовсе не споры с прусимами по поводу толкования того или иного положения вашего Закона. Нет! Пусть они сами копаются в своих закорючках! Твоё дело – нести людям правду о великом человеке. О рабби-галилеянине. О том, кто был предан храмовой знатью на казнь, кто принял смерть мученическую и был за праведность вознесён ангелами к престолу Божьему. И главное! То, что рабби-галилеянин есть ни кто-нибудь, а сам Маш-шиах! И что снизойдёт он с небес в час означенный, и в час этот праведные возрадуются, а неправедные низринутся в... э-э... куда они у вас там должны низринуться?

– Никуда, – покачал головой Кефа. – У нас нет, как, к примеру, у греков, понятия Тартароса. В Писании пророк Даниэль говорит о грешниках только то, что в день Суда Божьего восстанут они из земли на вечное поругание и посрамление.

Советник поджал губы и пошкрябал пальцем подбородок.

– Ну, что ж... в общем и целом, тоже мало приятного... Ну вот, а говоришь, что Закона не знаешь... Значит, задачу свою ты понял: готовить почву к пришествию Маш-шиаха. Слухи, рассказы очевидцев, проповеди... Что там ещё?.. Хорошо бы было, конечно, пару-тройку чудес каких-нибудь совершить. Именем рабби-галилеянина. Исцеления там чудесные от чего-нибудь. Или даже воскрешение из мёртвых... Ну, или, наоборот, божья кара какого-нибудь отступника... Но это уже, конечно, – так... – Паквий пошевелил в воздухе пальцами, – из области нереализуемых фантазий. Сказки. Мечты.

– Ну, почему же, – медленно сказал Кефа. – Вот это вот как раз и не сложно. Чудесные исцеления – это запросто. С воскрешением из мёртвых, конечно, посложнее. Хотя, в принципе, тоже возможно. А исцеления – это, понимаешь, раз плюнуть. Это хоть завтра.

– Вот как?! – во взгляде советника вновь промелькнуло весёлое изумление. – А ты меня всё больше удивляешь, прим! Причём приятно удивляешь... Нет, правильно я настоял на твоей кандидатуре, правильно!.. Ну что ж, будем считать, что мы поняли друг друга. Или у тебя есть ещё какие-нибудь вопросы?.. Нет?.. Ну всё, тогда забирай свой кинжал и ступай... Кальв!.. – произнесено это было негромко, но дверь мгновенно распахнулась и в проёме возникла могучая фигура опциона. – Кальв, проводи гостя. Объясни ему систему связи и не забудь вернуть буллу... Да, прим, ещё одно... – Кефа остановился в дверях и обернулся. – Скажи-ка мне, как зовут этого вашего пропавшего казначея?

– Йехуда, – сказал Кефа. – Йехуда бар-Шимон из Кериафа...

На следующий день община перебралась из Бейт-Эньи в дом на улице Роз – старый, но ещё вполне крепкий и, главное, просторный.

А ещё через три дня в попине Адина Горбатого, за час до заката, за стол Кефы подсел неприметный молодой человек в простой некрашеной симле, подпоясанной узким кожаным пояском.

– Мир вам.

– Мир вам.

– Это ты Шимон по прозвищу Кефа?

Кефа кивнул.

– Я. А тебя как звать?

– Это совершенно неважно... Я принёс тебе привет от твоего друга. Он просил передать, что уже почти поправился и вскоре придёт навестить тебя.

– Ты его видел?

Незнакомец покачал головой.

– Нет. Мне передали – я передал... И ещё... Ты, кажется, интересовался неким Йехудой из Кериафа?

– Да... – сказал Кефа, отставляя в сторону недопитую пиалу и чувствуя, как начинают неметь щёки. – Да, я интересовался.

– Так вот, некий Йехуда бар-Шимон недавно купил себе дом и добрый бейт-сеатаим земли в Хкел-Дме.

– Где это? – спросил Кефа непослушными губами.

– Это по Хевронской дороге. Недалеко. С полмиля от Южных ворот.

– Хорошо... Я понял... С полмиля. Недалеко... – он опомнился. – Прости. Заказать тебе что-нибудь?

– Нет, – незнакомец легко поднялся. – Спасибо. Я бы с удовольствием, но... спешу... В другой раз, – он двинулся к выходу.

– Спасибо! – запоздало поблагодарил Кефа.

Незнакомец обернулся и, бегло улыбнувшись, взмахнул рукой.

Кефа сидел и смотрел, как его, облитая лучами закатного солнца, фигура быстро удаляется между почти пустыми в этот вечерний час рядами Верхнего рынка.

– Ах, Йехуда, Йехуда, – покачав головой, пробормотал себе под нос Кефа, – ведь даже никуда далеко не сбежал... Надо же.

Он, не торопясь, допил вино, расплатился с хозяином и неспешно двинулся к тому выходу с рынка, что выводил на Дровяной взвоз – узкую пыльную улочку, круто ниспадающую вдоль Старой стены в долину Сыроделов. Это был кратчайший путь от Верхнего рынка к Южным воротам и дороге на Хеврон.

Кефа добрался до Хкел-Дмы уже в густых вязких сумерках. И сразу же постучался в первый попавшийся дом.

Во дворе зашлась лаем собака, и хриплый грубый голос крикнул через забор:

– Кого там носит?! А ну, проваливай, не то собаку спущу!

– Мир вам! – откликнулся Кефа. – Я ищу своего друга. Его зовут Йехуда. Йехуда бар-Шимон. Он недавно купил здесь дом.

– Не знаю я никакого Йехуду! Ходят здесь!.. погоди. Это не дом ли Гийоры Шорника, мир его праху?

– Не знаю. Возможно. Мой друг купил его на прошлой неделе.

– Ну да, так и есть, – голос заметно потеплел. – А другого здесь в последнее время и не продавали... Дом-то у Гийоры хоть и небогатый, и старый, но ещё крепкий. Гийора за ним смотрел. Хорошо смотрел. Дом ведь, если за ним смотреть, он ведь и сто лет простоять может. Верно?... Земля там, конечно, никудышная, паршивая, глина одна. Но Гийоре-то земля и ни к чему была. Он всю жизнь шорником проработал. Хороший шорник был, ничего не скажу. Сбруи делал хорошо, и до денег нежадный был. А сбруям его сносу не было. Хорошо делал сбруи. Это ведь главное, чтобы человек дело своё хорошо знал. Верно?..

– А где дом-то? – прервал своего невидимого словоохотливого собеседника Кефа. – Как пройти туда?

– Так это на том конце деревни, – откликнулся голос. – Возле оврага. По левую сторону от дороги. Прямо по дороге и иди. Как пойдёшь, так по левую сторону сперва дом Ахарона бар-Ариэля будет. Так? За ним дом Зэ́эва Колесника. Это тот, где пальма большая у ворот. Дальше – дом Йицха́ка Маленького. Мы его в деревне Йициком кличем. За рост его. Он низенький совсем – мне по грудь будет. Но человек хороший. Закон чтит. И ума ему не занимать. Рост – это ведь не главное в человеке. Верно?..

Кефа, не дослушав, поблагодарил и пошёл дальше, поднимая ногами с дороги взбитую до состояния мелкой пудры чёрную пыль. Быстро темнело. На безлунном небе уже вовсю светились колкие лучистые звёзды. Кое-где за заборами, заслышав шаги, вяло взбредивали собаки, отрабатывая свой бессонный сторожевой хлеб. По-прежнему дул южный ветер, и со стороны Гинно́мской долины тошнотворно тянуло падалью.

Дом покойного шорника стоял чуть на отшибе.

Кефа подошёл к запертым воротам и провёл рукой по шершавым занозистым доскам. И ещё раз. За воротами никто не отозвался – похоже, собаки во дворе не было. Кефа пошёл вправо вдоль забора и, завернув за угол, оказался на узкой, поросшей колючим кустарником, полоске земли, отделяющей домовладение от неглубокого оврага, сбегаящего от дороги в сторону невидимого за деревьями Кидрона. На дне оврага уже лежала ночная непроглядная тьма.

Кефа, прижимаясь к забору, осторожно двинулся вдоль оврага. Как он и рассчитывал, вскоре забор, имевший со стороны улицы добрых пять локтей в высоту, стал понижаться и уже шагов через двадцать едва доставал Кефе до подбородка.

Кефа легко перемахнул через ограду, сложенную из скреплённых глиной, плоских камней и, присев под стеной, настороженно прислушался. Ни звука. В доме, до которого отсюда было рукой подать, светилось одно единственное окно – второе от ближнего угла. Поколебавшись, Кефа двинулся к тыльной стороне дома – к задней двери.

Узкая дощатая дверь чёрного хода была заперта изнутри на крючок. Кефа просунул в щель лезвие ножа, поддел запор и осторожно потянул дверь на себя. Петли на двери оказались кожаными, дверная створка раскрылась бесшумно, и Кефа проскользнул внутрь, оставив дверь незапертой, чтобы хоть как-то ориентироваться в царящей в доме темноте.

Впрочем, долго искать ему не пришлось – пройдя через первое помещение и повернув за угол, он оказался в узком коридоре и тут же увидел желтоватый свет, падающий на пол через неплотно задёрнутый одеялом дверной проём. Кефа бесшумно подкрался ближе и осторожно заглянул в щель.

Йехуда в одной нижней рубаше сидел на узкой, застеленной пёстрым покрывалом, кровати. Рядом с кроватью стоял низкий столик, на котором горел открытый масляный светильник и были разложены какие-то бумаги. Один из папирусов Йехуда держал в руке и, наклонив документ к свету, близоруко вглядывался в написанное.

Кефа резко отдернул одеяло и вошёл в комнату.

Йехуда вскинул голову и, загораживаясь рукой от света, попытался разглядеть вошедшего.

– Кто?! КТО ЗДЕСЬ?! ТЫ КТО?!

Даже в тусклом свете масляной лампы было отчётливо видно, что он смертельно побледнел. От возникшего в комнате движения воздуха пламя светильника заколебалось, и уродливая тень Йехуды на стене пришла в движение, как будто корчась от ужаса.

– Это я, Йехуда, – спокойно сказал Кефа. – Ты что, не узнаёшь меня?

– Кефа?!.. – бывший казначей уронил папирус на пол и, откинувшись спиной на стену, двумя руками ухватил себя за вырез рубахи, то ли намереваясь стащить её через голову, то ли загораживаясь локтями от посетителя. – Ты... Ты... Зачем ты здесь?!

– Зачем я здесь?.. – повторил вопрос Кефа, вглядываясь во враз осунувшееся бледное лицо. – А и вправду, зачем?.. Наверно, затем, чтобы напомнить тебе одну старую пословицу. Помнишь? Верблюд пошёл просить рога, а ему отрезали уши.

Йехуда заёрзал на кровати.

– К чему ты это говоришь? Зачем ты здесь?!.. Ты... Тебе что, деньги нужны?! Дать тебе денег? У меня ещё остались деньги!

– Ты не понял меня, Йехуда, – всё так же спокойно сказал Кефа. – Совсем не понял. Я пришёл сюда вовсе не за деньгами. Я пришёл отрезать верблюду уши.

– Не подходи! – борода Йехуды мелко затряслась, губы его ломались и вздрагивали. – Не смей подходить ко мне! Слышишь?!.. – его рука вдруг метнулась под подушку. – Стой! Не подходи ко мне! У меня есть нож!

– Вот как? – удивлённо покачал головой Кефа. – Надо же, какое совпадение – у меня тоже. И шагнул вперёд...

2

Кефа нашёл Йохи на заднем дворе, где тот, укрывшись в тени раскидистого сикомора, сосредоточенно давил прыщи.

– Вот ты где! – обрадовался Кефа. – А я тебя по всему дому ищу. Иди-ка сюда! Хватит красоту наводить.

Йохи, на ходу вытирая руки о симлу, подбежал к своему старшему товарищу.

– Чего, дод Кефа?

– Скажи, Йохи, – Кефа взял юношу за плечо, – ты когда-нибудь тарантулов ловил?

– Ловил.

– А где ловил? Где они тут у вас водятся?

– Да везде. А что?

– А где их больше всего? – продолжал выпытывать Кефа. – Где тут самое паучье место?

– Да там, – Йохи мотнул головой, – за речкой. Мы с мальчишками-то туда обычно ходили.

По тому берегу Кидрона-то их полным-полно. Особенно напротив Мусорных ворот. А зачем тебе, дод Кефа?

– Надо, – Кефа серьёзно нахмурил брови. – В лечебных, понимаешь, целях.

– Это как?! – опешил Йохи. – Ты их – что?!.. Ты их... есть, что ли, будешь?!

– Дурень! – Кефа ласково растрепал юнцу вихры. – Кто ж их ест?! От них яд берут. И ядом больные места натирают... К примеру, при ломоте в ногах. Или, когда поясница... Не знал?

Йохи отрицательно замотал головой.

– Ну да... – Кефа покивал. – Тебе-то, пожалуй, пока рановато.

– А у тебя что-то болит, дод Кефа? – поинтересовался Йохи. – Никак опять плечо?

– Да это не мне, – отмахнулся Кефа. – Это одному... моему приятелю... Так ты говоришь, напротив Мусорных ворот?

– Да, – Йохи схватил прутик и принялся чертить на земле. – Вот так – Мусорные ворота... Вот Кидрон... А вот здесь-то, по берегу, их норы... Но особенно их полно вот тут... – он потыкал прутиком. – Вот. Здесь-то ещё сваи от старой мельницы торчат.

– Ага, – сказал Кефа. – Ясно.

– Может, тебе помочь, дод Кефа? Вдвоём-то сподручней. Я в детстве-то этих тарантулов по пять штук за раз ловил!

– В детстве... Ну да, – Кефа улыбнулся. – А сейчас, стало быть... Ладно, спасибо, Йохи, не надо, я сам. А ты, знаешь что, ты сбегай-ка лучше к Накдимону. Знаешь ведь, где его дом в Новом городе?

– Знаю, – кивнул Йохи. – Он недалеко от нас живёт.

– Ну вот. Попроси почтенного Накдимона прийти после полудня в Храм. Скажи: у меня к нему есть очень важное дело.

– Хорошо, дод Кефа, сделаю.

– И сам тоже приходи. Сегодня в Храме будет интересно.

– Да? – глаза юноши загорелись. – А что там будет, дод Кефа? Скажи!

– Сказать? – Кефа улыбнулся. – Ну, хорошо, скажу... Ты видел когда-нибудь чудо, Йохи?

– Чудо?

– Да, чудо.

– Какое чудо?

– Да любое.

– Н-нет... – юноша озадаченно покрутил головой. – Не видел. Никогда.

– А хочешь увидеть?

– Я?!.. Конечно хочу! Конечно! А какое чудо-то, дод Кефа?!

– А вот приходи сегодня в Храм – и увидишь.

– Хорошо. Приду. Обязательно приду!.. А куда приходиться-то? В Портик Шломо? Да?

– В Портик Шломо?... – Кефа задумчиво прищурил глаз. – Нет, ты, знаешь что... ты жди меня лучше на Мосту Давида... Да. Вот сразу после полудня и жди.

– Ой, дод Кефа, – глаза Йохи округлились, – а можно... не на Мосту Давида? Можно... где-нибудь ещё?

– А что так?

– Да я... это... – юноша потупился. – Я... высоты-то страсть как боюсь. У меня на Мосту Давида голова кружится. И... и ноги слабеют.

– Вона как! – удивился Кефа. – Надо же... Ну, хорошо, давай тогда не на мосту. Давай... сразу за мостом, перед Вратами Милосердия. Там, где нищие толкуются. Договорились?

– Договорились! – обрадовался Йохи. – Договорились, дод Кефа!.. Ну, я тогда к Накдимону побежал?

– Давай, – кивнул Кефа. – Беги. Кланяйся ему от меня.

Юноша улыбнулся, кивнул и, крутанувшись на пятке, быстро зашагал по тропинке, что вела от дома к задней калитке, выходящей в Песчаный переулок.

Кефа оглядел двор. Всё было готово к приёму гостей: под сенью старых гранатовых деревьев полоскали белыми полотняными крыльями шесть больших шатров; в тени под навесом сушились новые тростниковые циновки, а на открытой площадке, недалеко от задней двери дома, краснел свежей глиной большой, недавно сооружённый, очаг-временка. Гости ожидалось много, и, по прикидкам Кефы, начать прибывать они должны были со дня на день. Кефа рассчитывал как минимум на полсотни человек – гонцы были посланы во многие города Йехудеи и Ха-Галилия, и даже в Шомрон, где в Шиломе и в Бейт-Эле у рабби также оставались многочисленные ученики. По сути, в качестве гонцов из общины были отправлены все, включая женщин. В большом доме Накдимона на улице Роз сейчас, кроме Кефы и Йохи, оставались только две Мирьям: Мирьям-старшая – мать Йешу и Мирьям-младшая, которую посылать куда-либо было невозможно – к девушке, пережившей новое потрясение, связанное с «казнью» рабби, только-только начал возвращаться разум. Она жила сейчас в доме под присмотром Мирьям-старшей и практически не выходила из комнаты, панически боясь людей, особенно незнакомых.

Кефа вздохнул. Вся эта затея была ему не по душе. С самого начала. Но отступить уже было некуда – обещание было дано, люди сорваны с насиженных мест, всё завертелось и пришло в движение, то есть шлюзы были подняты, и вода, грохоча, устремилась в долину, и теперь оставалось только плыть по течению и наблюдать за развитием событий, стараясь, по возможности, держаться в основном русле и избегать непредсказуемых стремнин и опасных подводных камней.

«Ах, Йешу, Йешу! – думал Кефа, шагая по уже начавшей желтеть траве вглубь старого гранатового сада. – Зря ты всё это затеял. Ой, зря!.. Пропадёшь. Пропадёшь сам и людей погубишь!..»

Впрочем, он понимал, что затеял всё это как раз не Йешу. Что Йешу и сам оказался заложником непредсказуемых событий, свалившихся на их маленькую общину, как перезревший плод на голову задремавшего в саду бродяги. Но всё же упрекать друга в недальновидности было как-то проще, чем признаваться себе в своём собственном бессилии пред Фатумом в лице хитроумного и беспощадного Понтия Пилата.

Кефа прошёл в дальний конец сада, где в углу, возле высокого каменного забора, доживала свой век забытая всеми, узловатая и корявая низкорослая вишня. В глубоких трещинах её морщинистой коры светились тёмным янтарём многочисленные застывшие смоляные потёки – древесные слёзы. Кефа достал нож, аккуратно соскрёб несколько самых крупных капель и, поплевав на пальцы, снял их с лезвия. После чего принялся мять смолу в ладонях, постепенно скатывая её в небольшой шарик. Выдернув из края симлы нитку, он вкатал один её конец в шарик и, подняв за другой конец получившееся орудие лова, критически оглядел его. «Как в детстве, – подумалось Кефе. – Бейт-Цайда. Родительский дом. И мы с Андреасом отправляемся за Кфар-Нахум, к старой дамбе – в поход за пауками...» Он завернул смоляной шарик в сорванный с той же вишни лист, сунул его за пазуху и двинулся к дому – за кувшином и дорожной сумой, – обещанное малышу Йохи чудо требовало тщательной подготовки...

На Мосту Давида было многолюдно. Здесь всегда было многолюдно – открывающийся отсюда вид заставлял людей останавливаться на виадуке и подолгу, порой часами, стоять, любуясь живописными окрестностями: то распахнувшейся в обе стороны глубокой Кидронской долиной с

белеющей далеко внизу рекой, похожей отсюда, с высоты пятидесяти локтей, на размочаленную, брошенную на камни, льняную верёвку; то зеленеющим густыми маслянистыми кронами, пологим горбом Тура-Ейты с притаившимися у её подошвы древними гробницами. Но в первую очередь, конечно, взгляд идущего в Йерушалаим путника приковывал к себе великолепный белокаменный, раскинувшийся по всему правобережью и по мере приближения к нему закрывающий собой полнеба, величественный храмовый комплекс. Он действительно был велик и прекрасен. Он удивлял и пленял. Он восхищал и поражал воображение. И сердце каждого еврея, ступившего на Мост Давида и увидавшего перед собой всё это могучее великолепие, всю эту великолепную мощь, сначала замирало, а потом начинало трепетать и биться – горячо и быстро.

Кефе, однако, было не до любования видами – он опаздывал: солнце давно уже перевалило за полдень и – белёсое и мутное – висело сейчас над утопающим в густой дымке Нижним городом. Ловля тарантулов заняла гораздо больше времени, чем он рассчитывал – в детстве всё это получалось как-то ловчее: то ли руки были проворней, то ли глаз наметливей. А скорее, для всего, понимаешь, есть своё время: есть время ловить пауков и (Кефа улыбнулся) есть время их разбрасывать.

Йохи был на месте. Он стоял недалеко от выхода на лестницу, ниспадавшую от виадука влево, к Нижней дороге, что вела вдоль восточной стены города к Мусорным воротам, и, облокотясь на широкие каменные перила, задумчиво смотрел вдаль. Кефа подошёл и тронул юношу за плечо.

– Дод Кефа! – обрадовался, оглянувшись, Йохи. – Наконец-то! А я жду-жду! А тебя всё нет и нет! Хотел уже бежать тебя искать да, думаю, куда бежать-то, разминёмся ещё!

– И правильно сделал, что никуда не побежал, – одобрил Кефа. – Обязательно бы разминулись... Ну что, был у Накдимона?

– Был, – закивал юноша. – Всё передал. Он сказал, что будет ждать тебя в Портике Шломо, где обычно.

– Хорошо, – улыбнулся Кефа. – Молодец.

– Дод, Кефа, – Йохи смущённо затоптался на месте, – а чудо-то, оно, как... будет?

– Чудо? – Кефа хитро прищурился. – А как же! Конечно, будет! Сейчас только гляну, на месте ли мой... приятель.

Он внимательно оглядел просящих подавание калек, расположившихся в две тесные шеренги в самом конце Моста Давида, у Врат Милосердия. Взгляд его зацепился за облачённого в неопишное рваньё немолодого круглолицего попрошайку, сидящего на предусмотрительно постеленной на камни мостовой толстой циновке и требовательно протягивающего навстречу прохожим ладонь.

Кефа толкнул Йохи локтем:

– Видишь того... мордатого? В левом ряду... Раз... два... три... шестой от ворот.

– Вижу, – подтвердил юноша. – Я его знаю. Он всегда тут сидит. Это – Шимшон Безногий.

– Какой же он безногий, – удивился Кефа, – если – вон, у него ноги, на месте?!

– Ноги-то у него есть, – пояснил юноша. – Но он не ходит. Совсем. Он от рождения такой. Его сюда на руках приносят и сажают. Я сам как-то раз видел.

– Ага, – сказал Кефа. – Понятно. Я его тоже знаю. Ещё в прошлом году заметил. Вот только не знал, что его Шимшоном зовут. Ну, Шимшон так Шимшон. Хорошее имя. Светлое. Для человека с таким именем и порадеть, понимаешь, не зазорно... Значит, слушай меня, Йохи. Стой здесь и смотри. Смотри внимательно. Сейчас дод Кефа будет чудо творить.

С этими словами он отошёл от оставшегося в нетерпеливом ожидании юноши и, на ходу вынимая из висящей через плечо сумы небольшой узелок из плотной холщовой ткани, направился напрямик к сидящему на земле Шимшону. Остановившись над нищим, Кефа с любопытством взглянул на толстощёкое лицо с уже хорошо обозначившимся вторым подбородком, плоским носом и далеко разнесёнными чёрными нагловатыми глазками.

– Добрый человек, подай денежку! – заметив Кефино внимание, залезбил попрошайка, выставляя перед собой свою широкую, как поднос, нечистую ладонь. – Господь отблагодарит тебя за милость к убогим! Отданное вернётся к тебе сторицей! Подай денежку, окажи милость!

– Нет у меня денежки, – сокрушился Кефа. – Была бы, не пожалел бы для тебя ни серебряного денария, ни даже, понимаешь, золотого аурея. Вот – всё, что есть, – он протянул нищему узелок. – Прими и не обессудь.

– Да пошлёт Господь здоровья тебе и твоим близким! – затряс щеками Шимшон, принимая из Кефиных рук и жадно обшупывая подаяние. – Да коснётся тебя длань Господня! Да будет твой дом полной чашей!.. А что там?

– Открой и посмотри, – повёл плечом Кефа. – Я полагаю, там находится то, что сейчас тебе больше всего нужно.

– Да?!.. – удивился Шимшон, толстыми, похожими на кровавые колбаски, пальцами развязывая непослушный узелок. – Любопытно... Любопытно...

Наконец узелок поддался, нищий развернул ткань, и тут же с десятков крупных, мохноногих, ошалевших от внезапного яркого света, пауков кинулись врассыпную – по развёрнутой холщовой ткани, по одежде, по ногам и рукам попрошайки. Шимшон совершенно по-бабьи взвизгнул и, резво вскочив, принялся топтать ногами и яростно трясти на себе одежду.

– Чудо!! – тут же завопил Кефа, простирая к Шимшону руки. – Смотрите!! Смотрите, евреи!! Чудо свершилось!! Великое чудо!!..

Шимшон замер, втянув голову в плечи и затравленно озираясь. На его широком мясистом лице проступило отчаянье. Было понятно, что до него дошла совершенно простая и убийственная в своей простоте мысль: только что он вдруг, в одночасье, раз и навсегда лишился своей выгодной и такой несложной профессии.

А Кефа продолжал надрывать:

– Братья евреи!! Мужички израильские!! Многие из вас знают Шимшона Безногого, увечного от чрева матери его! Прозрите, братья!! Свершилось чудо великое!! Господь наложил длань свою на калеку и исцелил его!..

Лицо «исцелённого» налилось кровью. Его исполненный бешеной ярости взгляд остановился на Кефе, губы заплескали и задёрнулись, толстые пальцы сжались в кулаки. Кефа упреждал готовые сорваться с уст Шимшона гневные слова, он шагнул к нищему, резко сжал ему плечо и зашептал прямо в оттопыренное пухлое ухо:

– Молчи, дурак! Молчи! Молчи, если не хочешь быть побитым камнями!..

Плечо под пальцами обмякло. Кефа отступил от ошеломлённого, тупо глядящего перед собой Шимшона, и вновь закружил вокруг него, размахивая руками и выкрикивая на все лады как можно громче:

– Чудо!!.. Чудо, евреи!!.. Спешите узреть чудо!!..

Народ сбегался отовсюду: с дальнего конца Моста Давида, из-под Врат Милосердия и даже, прыгая вверх через две-три ступеньки, с лестницы, ведущей к Нижней дороге. Через несколько мгновений вокруг Кефы и «исцелённого» им нищего толпились уже не менее двух сотен страждущих увидеть чудо, прикоснуться к нему. Кефа подивился: он никогда бы не подумал, что волшебный призыв: «Чудо!» может собирать людей гораздо быстрее, чем по тревоге собирает легионеров рожок манипула. «Надо будет Паквию подсказать... – мелькнула в голове у Кефы озорная мысль. – Пусть, понимаешь, возьмут на вооружение. Хотя... Где ты каждый раз чудес наберёшься?..» А народ всё продолжал прибывать. Кефа испугался, что ошалелая толпа оттеснит, затрёт, затопчет Йохи, но тут же заметил совсем недалеко от себя широко распахнутые, круглые от удивления, глаза мальчишки.

– Чудо, евреи!! Спешите узреть чудо!!..

– Где чудо?! Где?!..

– Господи, воля твоя!!..

– Пропустите!! Пропустите меня!! Ребёнок у меня больной!! Бога ради, пропустите!!..

– Я видел!!.. Я своими глазами!!.. Вот так сидел! И вдруг встал и пошёл!..

– Слава тебе, Господи!! Слава тебе, Всесильный!!..

– Пусти, сволочь! Дай взглянуть!..

– Да не напирайте вы! Калеку затопчите!..

– Где исцелённый-то?! Где?!.. Покажите исцелённого!..

– Господи, яви милость! Снизойди на нас, грешных!..

Кефа, которого толпа уже плотно прижала к Шимшону, понял: чтобы не натворить делов, чтобы, и вправду, не появились затоптанные и раздавленные, нужно срочно выбираться с узкого виадука.

– Евреи!! – заорал он, выбрасывая вверх руку. – В Храм!! К старейшинам!! Явим мудрейшим чудо исцеления!! В Храм, евреи!! В Храм!!..

– В Храм!.. – многоголосо подхватили вокруг. – К старейшинам!.. В Храм!..

Толпа заколыхалась и пришла в движение. Кефу и «исцелённого» им Шимшона подхватила людская волна и медленно, но неотвратимо потащила к Вратам Милосердия. Вид у бывшего инвалида был совершенно потерянный. Взгляд бесцельно блуждал по сторонам. Кефа нежно приобнял нищего за обширную талию.

– Не говори ничего... – шепнул он ему на ухо. – Молчи и слушай. Если хочешь выпутаться из этой истории, только молчи и слушай... И со всем соглашайся. Что бы я ни сказал – соглашайся. Понял меня?!..

Побирушка испуганно взглянул сбоку на Кефу и мелко закивал, затряс своим вторым подбородком.

– Ну и хорошо! – Кефа ободряюще похлопал Шимшона по мягкому плечу.

Толпа тем временем, миновав Врата Милосердия и пройдя насквозь колоннаду Портика Шломо, высыпала на Мирскую площадь, заняв чуть ли не всю её восточную часть. Вокруг замелькали остроконечные шлемы опомнившейся наконец храмовой стражи. Кефа, вертя головой, оглядывался вокруг, ища в водовороте лиц седую бороду Накдимона. Наконец он заметил в толчее знакомое удивлённое лицо и с заговорщицким видом ему подмигнул. Кто-то подёргал Кефу сзади за симлу. Он оглянулся. Рядом стоял Йохи. Вид у юноши был перепуганный.

– Дод Кефа, а... как это?!

– Всё нормально, Йохи, – шепнул ему Кефа. – Всё нормально. Стой рядом. Всё будет хорошо.

К эпицентру событий в сопровождении стражников протиснулись двое облачённых в светлые льняные эфёды коэнов: один – пожилой, худой, козлобородый, с кривым и тонким, как серп, хрящеватым носом; другой – чуть помоложе, приземистый, плотный, с окладистой чёрной бородой и удивительно красными мясистыми губами.

– Чего?!.. Чего это?!.. – раздвигая, как лодка волны, толпу плечом, громогласно допытывался красногубый. – Вы чего здесь?!.. Кто позволил?!..

Козлобородый пробирался следом, недовольно поводя по сторонам своим серповидным носом.

– Ну, чего собрались?!.. Чего тут?!.. – взгляд красногубого наткнулся на понуро стоящего Шимшона. – Шимшон?! – округлил он глаза. – Ты... ты... О Господи! Ты как на ногах?!

Бывший калека, плаксиво кривя рот, пожал покатыми плечами и ткнул пальцем в сторону своего «целителя». Взгляд красногубого переместился на Кефу.

– Ты кто?!.. Ты его, что?! Ты его... вылечил?!.. Ты... лекарь?!

Гомон стих. Все взоры были устремлены на Кефу и «исцелённого» им Шимшона. Кефа понял, что настал его час.

– Братья еврей!! – вскинул он руку. – Мужи израэльские!! Вы все свидетели чуда, что свершилось на ваших глазах! Калека, увечный от дня рождения своего, встал и пошёл!.. Да! Это я исцелил его!!.. – повысил голос Кефа; толпа загудела. – Но не смотрите на меня как на великого лекаря!! Или как на чародея! Или как на облечённого, понимаешь, великим благочестием!.. Я – самый обыкновенный еврей! И даже поговору моему вы можете слышать, что я из Ха-Галилия!.. Так какой силою, спросите вы, я сотворил это чудо исцеления?! И я скажу вам, братья!.. – Кефа сделал паузу; тишина, которая навалилась на него, была такой, что её, казалось, можно было резать ломтями. – Помните ли вы, мужи израэльские, рабби-галилеянина?! Помните ли вы Йешу бар-Йосэфа из Нацрата, великого лекаря и достойнейшего мужа?! Этого благочестивейшего из благочестивых, которого вы́ заклеямили как вероотступника и отправили на крест?! От которого вы́ отреклись пред лицом Пилата, когда тот полагал отпустить его, и просили даровать жизнь разбойнику Бар-Аббе?! Вы́ просили за разбойника и убийцу, а от святого и праведного отреклись!.. – по рядам слушающих потёк ропот.

– Ты... это! – попытался встрять красногубый. – Ты чего тут?! Ты давай... не того!..

Но Кефа не дал ему говорить.

– Братья еврей!! – напрягая голос, продолжил он. – Мужи израэльские!! Помните, о чём говорил великий Мошэ отцам нашим! Мошэ говорил: Господь воздвигнет вам из рядов ваших пророка, который приведёт народ Израэля к Царству Божьему! Слушайте этого пророка, как меня! Слушайте его во всём, что он будет говорить вам! И будет всякая душа, что послушает его, возвышена пред ликом Господа нашего! А всякая душа, что будет непослушна ему, истреблена будет из народа! Так говорил великий Мошэ, да осенит его мир!.. И пророк Шмуэль, и все пророки после него, все говорили об этом, все предвещали приход Помазанника Божьего, сына

колена Давидова... Братья!! Вы – сыны пророков и святого завета, который дал Господь отцам нашим, говоря прародителю нашему Аврахаму: в семени твоём благословятся все племена земные! Знайте, братья! Приход Помазанника близок, ибо мы уже знаем имя его! И имя это... – Кефа сделал паузу. – Йешу бар-Йосэф из Нацрата!!

Толпа взревела.

– Братья!! Евреи!! – надрывался Кефа. – Рабби Йешу, пророк от колена Давидова, и есть Помазанник Божий!! Вы послали его на крест, но, Господь тому свидетель, вы сделали это по неведению!! Вы послали его на крест, но Господь не гневается на вас!! Ибо Господь предвозвестил устами всех пророков Помазаннику Своему грядущему страдания земные! И так и исполнил!! Рабби Йешу испил чашу страдания и погиб на кресте! Но Господь милосерден! Братья! Знайте! Господь воскресил рабби Йешу!!.. – Кефа переждал рванувшийся в небо рёв толпы. – Да! Господь воскресил рабби Йешу! Воскресил и взял к себе на небо, как в своё время взял на небо пророка Элийяху! Да, братья! Рабби Йешу воскрес и взят на небо, чему мы, его ученики, все свидетели! И значит, близок час, братья, когда сбудется великое пророчество! И святой Элийяху сведёт с небес за руку рабби Йешу! И помажет его на царство!.. Братья евреи! Муже израэльские! Знайте! Именем Помазанника Божьего Йешу исцелил я сего увечного! Именем Помазанника Божьего Йешу укрепились его ноги! Взгляните, братья евреи! Шимшон Безногий, которого вы уже сорок лет знаете как калеку убогого, уверовал в Помазанника Йешу! И вера эта в одночасье исцелила его! Вера эта даровала ему исцеление пред всеми вами! И вы все свидетели этого чуда!..

– Чудо!! Я видел чудо!! – завопил вдруг стоящий недалеко от Кефы калека с иссохшей рукой. – Исцелимся, братья!! Уверуем!! Уверуем в Помазанника Йешу!!

Толпа ответила ему громким хором нестройных голосов. Как бы очнувшись от этого крика, козлородый коэн отстранил своего красногубого подельника, стоящего с приоткрытым ртом, и придвинулся к Кефе.

– Эй! – крикнул он. – А ну, прекращай! Ступай вон из Храма! Нечего здесь народ смущать!

– Братья!! – закричал тогда Кефа. – Евреи!! Раскройте глаза свои и отверзьте уши!! Узрите и услышьте, братья!! Гнавшие рабби Йешу из Храма и пославшие его на крест вновь творят бесчинство! Убившие Помазанника Йешу хотят убить и слово о нём!.. Йехудеи!! На вас кровь Помазанника Божьего!! На вас и начальниках ваших!! Покайтесь, йехудеи!! Покайтесь и уверуйте, дабы искупить грехи ваши!

– Эй!! – заорал козлородый, хватая Кефу за рукав. – А ну, заткнись!!

Кефа оттолкнул его от себя.

– Покайтесь, йехудеи!! – громче прежнего завопил он. – Ибо грядут времена отрады от лица Господа! И да пошлёт он вам Помазанника Своего Йешу, которого, воскресив, взял до времён на небо и усадил одесную! И которого пошлёт к вам благословить вас, отвращая каждого от злых дел ваших!! Сбудется великое пророчество!! Грядёт Век Золотой! Сотвориться то, о чём вещал Господь устами всех святых пророков от века!..

Козлородый сделал знак стражникам. Один из них, угрюмый и квадратноплечий, опустив древко от копья, сильно ткнул им Кефе под дых. Кефа задохнулся.

– А ну, тихо!!.. – козлородый поднял унизанную перстнями ладонь. – Тихо, я сказал!!.. – тишина разбежалась от него, как круги от брошенного в воду камня. – Тихо!!.. – коэн указал длинным пальцем на Кефу. – Кто знает этого человека по имени и по делам его?!

– Я знаю! – тут же раздался рядом звонкий мальчишечий голос и, как из-под земли, сбоку от Кефы возник малыш Йохи; щёки у юноши горели, уши светились двумя рубинами. – Я знаю его и по делам, и по имени! Это – Кефа! А меня зовут Йохи! Йоханан! Мы из общины рабби Йешу! Мы у него учились!

Козлородый поморщился.

– Кто ещё, кроме пацана, знает этого человека?!

– Я знаю! – прозвучал за спинами спокойный уверенный голос.

Толпа раздвинулась.

– Почтенный Накдимон?! – вытаращил глаза красногубый.

– Я знаю этого человека по имени и по делам его! – повторил, подходя, Накдимон. – Это – Шимон бар-Йона из Ха-Галиля. Шимон бар-Йона по прозвищу Кефа. А это, – он указал на Йохи, – Йоханан, сын почтенного Бээри бар-Гидьона. Из Нового города. Они оба действительно ученики рабби Йешу, да примет Господь его в царстве своём.

Козлобородый коэн, скривившись, как от зубной боли, задумчиво подёргал свой серпообразный нос.

– Хорошо!.. – наконец сказал он. – Этот человек... Шимон бар-Йона... Он утверждает, что исцелил калеку. Вот этого увечного от чрева матери его...

– Шимшона, – подсказал красногубый. – Шимшона Безногого.

– Что он исцелил Шимшона Безногого, – кивнул козлобородый. – Есть свидетели этому?! Или всё, что говорил здесь этот Кефа из Ха-Галилия, есть ложь и лукавый вымысел?!

– Я свидетель! – снова заволновался Йешу. – Я! Я всё видел! Всё! Я рядом стоял и всё видел!..

– Помолчи, мальчик! – осадил его коэн. – Не лезь! Здесь дело серьёзное!.. Так видел кто-нибудь само исцеление?!

– Не будь дураком! – сказал ему Кефа, он уже восстановил дыхание. – Вот стоит Шимшон. Ещё полчаса назад его все звали безногим. А теперь он стоит, понимаешь, на своих двоих, как будто стоял так всю жизнь. И ты ещё не веришь в чудесное исцеление?!

Козлобородый взглянул на Кефу с такой ненавистью, что тому даже на миг померещилось змеиное шипение.

– Заткнись! – зло бросил коэн Кефе. – Тебя пока не спрашивают! Ты уже всё своё сказал! Так что теперь стой и молчи! Разберёмся!.. – он снова, подняв голову, обратился к толпе: – Ну так что, есть свидетели?! Есть те, кто готов пред судом Санхедрина подтвердить сказанное этим человеком?!

Над толпой повисла тишина. Кто-то несмело откашлялся.

– Ты! – Кефа ткнул пальцем в калеку с иссохшей рукой. – Ты же сидел рядом! Ты видел! Чего язык проглотил?!

Взгляд коэна упёрся в нищего. Тот заметно побледнел.

– Ты?! Ты видел что-нибудь?! – строгим голосом спросил калеку козлобородый. – Трижды подумай, прежде чем отвечать! Знай – лжесвидетельство карается очень строго!

– А ты не запугивай! – повысил на коэна голос Кефа. – Не запугивай! И так уже всех запугали!.. Скажи, – ласково обратился он к инвалиду, – ты ведь видел? Видел всё своими глазами? Правда?

Тот, баюкая свою сухую руку, попятился.

– Я... я...

– Я полагаю, почтенный Мордехай... – вмешался Накдимон, поворачиваясь к козлобородому. – Я полагаю, что разумней будет представить на Санхедрин всех, кто видел хоть что-то. А там мы уже разберёмся. Так сказать, отсеем зёрна от плевел... Дело необычное. Я поговорю с Каиафой, чтобы завтра же, без промедления, собрать по этому делу Великий Санхедрин... Так что забирайте этих двоих... – он кивнул на Кефу с Йохи. – И этого... – он показал пальцем на сухорукого. – И надо найти тех, кто ещё был там, кто сидел рядом с ним у Врат Милосердия. Я полагаю, это будет несложно – они там все друг друга знают.

Мордехай согласно наклонил голову:

– Да, почтенный Накдимон.

Красногубый махнул рукой стражникам:

– Берите этих... И вон того, сухорукого... Всё! Остальные расходимся!.. Расходимся, я сказал!.. Или чего?!..

– Ну, а ты... – Накдимон строго посмотрел на «исцелённого». – Как там тебя? Шимшон?.. А ты, Шимшон, пойдёшь со мной, – он усмехнулся. – Не бойся. Я тебя не съем. Я всего лишь хочу задать тебе пару вопросов...

– Так что ты ему такого сказал-то, дод Кефа? – спросил Йохи, стаскивая с ног сандалии и пристраивая их в изголовье.

– Кому ему? – не открывая глаз, лениво отозвался Кефа.

Разговаривать было лень. И шевелиться было лень. Кефа чувствовал себя совершенно измотанным. День получился длинным. Очень длинным. Как оказалось, творить чудеса было совсем непросто. Привычку, оказывается, к этому делу надо иметь. А откуда, скажите на милость, взяться такой привычке у отставного прим-декуриона? Отставным прим-декурионам такая привычка не свойственна, не полагается она им. А полагается им, понимаешь, привычка мечом махать да на коне скакать. И сейчас отставному прим-декуриону хотелось только одного:

повернуться на правый бок (Кефа повернулся на правый бок), положить что-нибудь более-менее мягкое под голову (Кефа, по-прежнему не открывая глаз, пошарил вокруг себя рукой и подтащил под ухо какую-то пахнущую пылью рогожину), и чтобы никто больше не беспокоил до самого утра.

– Ну, этому... Шимшону. Безногому, – Йохи сидел на своей циновке, шевеля босыми пальцами, и напряжённо вглядывался в царящий в сарае густой полумрак. – Что ты ему такого сказал, что он вдруг встал и пошёл?

– Ну, так и сказал: «Встань и иди», – с трудом разлепил губы Кефа.

– И всё?!

– И всё... Именем Помазанника Божьего Йешу, сказал я ему, встань, понимаешь, и иди!

– С ума сойти! – покачал головой Йохи. – Я-то, конечно, слышал о таком, но чтобы вот так, своими глазами... Это ведь чудо, дод Кефа! Самое настоящее чудо! Правда?!

– М-м?.. А, ну да, конечно... Я ведь тебе так и говорил: будет чудо.

В глинобитном сарае, куда их определили на ночь, было, на удивление, прохладно. Не то что на улице, где знойный «хамишим» беспощадно вылизывал своим горячим языком каждый закоулок. Сарай этот, что стоял среди хозяйственных построек дома первосвященника Каиафы, как раз и был предназначен для таких вот случаев – для содержания провинившихся, ждущих решения Санхедрина, и потому отличался от других строений толстыми – в добрый локоть – стенами и потолком, сложенным из тесно пригнанных друг к другу массивных кедровых балок. Это помещение было выстроено на задворках Каиафиного дома совсем недавно – с полгода назад, и потому всё ещё хранило в своих стенах влагу, а вместе с ней и накопленную за зиму прохладу. Свет и воздух проникали в него через единственное узкое, в ладонь, оконце под потолком. По своему прямому назначению сарай использовался нечасто, а потому здесь можно было обнаружить самые необычные вещи, попавшие сюда за своей ненадобностью в хозяйство. Валялись здесь какие-то старые грязные мешки, поломанные корзины, целый угол занимала коллекция разновеликих амфор и гидрий с отбитыми горлышками и ручками. Пахло здесь, конечно, не очень: пылью, плесенью и мочой, и ещё какой-то сладковатой дрянью, но было прохладно, восхитительно прохладно. «Хоть выплюсь, – подумалось Кефе. – А то что это за дело – каждый час просыпаться, понимаешь, в луже собственного пота...» Предстоящий назавтра суд Санхедрина его почему-то совсем не волновал. Нет, шевелился, конечно, в груди некий маленький червячок, но шевелился, прямо скажем, совсем вяло, нехотя, как будто отрабатывая своим шевелением обязательный да, к тому же ещё, и нелюбимый урок.

– Дод Кефа, – снова подал голос Йохи, – а ты тарантулов-то наловил?

– А?!.. – вздрогнул Кефа. – Что?

– Тарантулов, спрашиваю, наловил?

– А, тарантулов... Наловил, Йохи. Наловил, конечно.

– А куда дел?

– В смысле? – распахнул глаза Кефа.

– Ну, тарантулов! Тех, что ты наловил. Ты их куда дел-то? Приятелю своему отнёс?

Какое-то время Кефа продолжал лежать, невидяще глядя перед собой, а потом перевернулся на спину и сел.

– А ты что же... ничего не заметил? – спросил он.

– Чего я не заметил?.. – переспросил Йохи, он тоже сидел на своей циновке в нескольких шагах от Кефы – сквозь полумрак неотчётливо проступал его размытый силуэт. – Чего я не заметил, дод Кефа?

Кефа молчал.

– Послушай, Йохи, – наконец сказал он, – скажи мне, а ты веришь, что наш рабби и есть Помазанник Божий?

– А как же, дод Кефа! – в голосе Йохи зазвенела не то обида, не то торжество. – Конечно, верю! Ну, ты же сам говорил, что его Господь к себе на небо живым взял! И что пророк Элийяху скоро сведёт его на землю и помажет на царство!

– Ну, это я говорил. Я много чего говорил. Но ты же сам, своими глазами не видел, как рабби воскрес? Нет? Или как Господь забирает его на небо? Откуда ж тебе, понимаешь, знать, что он там?

– А где же ему ещё быть-то, дод Кефа?! – искренне удивился Йохи. – Я ведь видел своими глазами пустую могилу! И ты её видел! Не было ведь в могиле нашего рабби-то! Ты же видел – не

было! Саван лежал, в который его заворачивали, платок его лежал, а его самого не было! Куда же он, по-твоему, мог деться-то, если не на небо?!.. И Мирьям-младшая в тот же день видела рабби – живого! – который ей так и сказал: мол, не горюй, Мирьям, не плачь, ты же видишь – живой я, но отхожу на небо к небесному отцу своему! Ты же слышал, дод Кефа, как Мирьям это рассказывала?! Ведь слышал же?!

– Мирьям?.. – Кефа потёр лицо рукой. – Ну да, Мирьям... Да, слышал, конечно.

– А что ты тогда так спрашиваешь, дод Кефа? Ты, что... ты мне не веришь?!

– Нет, нет, что ты! – улыбнулся в темноту Кефа. – Верю! Конечно, верю!.. Это я просто... проверяю тебя, Йохи. Завтра на Санхедрине тебя ведь будут спрашивать. Строго спрашивать. Надо, чтоб ты не забоялся. Чтоб отвечал, понимаешь, без запинки. Уверенно отвечал. Как мне сейчас отвечаешь.

– Не волнуйся, дод Кефа, – твёрдо сказал Йохи. – Я-то ведь уже не маленький. Я не боюсь Санхедрина. Пусть спрашивают! Ты во мне не сомневайся – я смогу ответить!

У Кефы почему-то зашекетало в горле. Он переглотнул, откашлялся и снова улыбнулся почти невидимому в темноте юноше.

– А я и не сомневаюсь в тебе, Йохи. Ни капельки не сомневаюсь...

За дверью послышались шаги. Стукнул замок, дверь, скрипнув, приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулась голова в остроконечном шлеме.

– Эй! Где вы тут? – спросила голова, таращась в темноту.

– Чего надо? – строго отозвался Кефа.

– Ты Кефа?

– Ну.

– Выходи. Тут, стало быть, поговорить с тобой хотят.

Голова исчезла. Кефа, кряхтя, поднялся с циновки, не надевая сандалий, прошлёпал к приоткрытой двери и, выйдя из сарая, остановился, щурясь на предзакатный, но всё ещё яркий дневной свет.

– Вона, – указал рукой стражник. – Туда, стало быть, иди.

Кефа взглянул в указанном направлении. Шагах в двадцати, возле живой изгороди, сплошь заросшей неухоженной виноградной лозой, стоял Накдимон.

Кефа подошёл:

– Ну что?

Накдимон отбросил прутик, который бесцельно гнул в пальцах, и кивнул:

– Всё нормально. Всё-таки решили завтра собрать Санхедрин. Сначала не хотели, потому что Ханан был в отъезде, в Кесарии. Но час назад он как раз вернулся. Так что Санхедрин будет... Но каких-то особых разборок не предвидится. Я тут поговорил с некоторыми коэнами, членами Санхедрина, никто особо не озабочен. Один даже сказал, что дело вовсе пустое – мало ли кто где кричит о разных чудесах и волшебных исцелениях. На поверку всё обычно оказывается пустой болтовнёй. Так что ты особо не волнуйся.

Кефа повёл плечом.

– Да я и не волнуюсь.

– И правильно! – одобрительно кивнул Накдимон. – Будут спрашивать, так и отвечай, как говорил: мол, именем рабби Йешу, посланного вами на крест, но воскрешённого Господом, излечил я Шимшона Безногого. И всё... Шимшон будет там же. Я с ним провёл разъяснительную беседу – он всё подтвердит... И родственники его подтвердят, если понадобится... – он улыбнулся. – Да-а, наделал ты шума. В Храме, да и в городе, все только об этом и говорят.

– Ничего, – усмехнулся Кефа, – пусть говорят. Пусть, понимаешь, привыкают. Думаю, это не последнее чудо. Я, конечно, не Йешу – в Египте не был, лекарству не обучался, но парочку-другую горемык калечных, думаю, ещё смогу исцелить.

– Ты только не переусердствуй... – хмыкнул Накдимон. – И, знаешь... вот ещё что, – он взял Кефу за локоть. – Ты пока не напирай в Санхедрине на то, что рабби Йешу и есть Помазанник Божий.

– Почему?

– Не надо. ПОКА не надо. На площади – это одно, а в Санхедрине – совсем другое. Там народ тёртый – рабины да книжники. Ты с ними в диспут не лезь – не потянешь. Так что пока про приход Спасителя не заикайся... И вообще, будь попроще. Давай им только голые факты:

подошёл, увидел, пожалел. Сам не ожидал, что так получится. Давай только факты. А выводы, при желании, они и сами сделают. Поверь, пока так будет лучше.

– Ладно, – почесал в бороде Кефа. – Факты так факты. Как скажешь.

– Ну и хорошо!.. – Накдимон ободряюще потрепал его по плечу. – Как тут вас устроили? – он кивнул на сарай. – Ничего?

– Терпимо, – Кефа поморщился. – Жить, понимаешь, можно... Вот только жрать не дают. С самого завтрака во рту ни крошки не было.

– Ну, тут я тебе ничем помочь не могу, – развёл руками Накдимон. – Потерпите до утра. Может, утром покормят... Как там Йохи? Держится?

– Нормально Йохи, – одобрительно покивал Кефа. – Он молодец. Хороший малый. Стойкий. А за своего рабби, вообще, готов, понимаешь, на смерть пойти.

– Ну-ну, – нахмурился Накдимон, – на смерть не надо. Ни к чему это. Лишнее... Да и не придётся.

– Да это я так, – махнул рукой Кефа. – К слову пришлось.

Они помолчали.

– Ну что, тогда до утра?

– До утра, – согласился Кефа. – Утром, как известно, и больной встаёт здоровым.

– Давай. До завтра.

Накдимон крепко пожал ему руку и быстро пошёл по тропинке в сторону виднеющегося за деревьями роскошного, как дворец, дома первосвященника. Кефа дождался, пока его, обтянутая дорогой сине-белой симлой, спина скроется за живой изгородью, после чего, развернулся и побрёл к своему арестантскому сараю.

– Открывай, – кивнул он стражнику, беззаботно сидящему на лавочке под стеной...

– Что там, дод Кефа? – встретил его настороженным вопросом Йохи.

– Ничего, Йохи, всё нормально, – успокоил его Кефа. – Накдимон приходил. Сказал, что завтра на Санхедрине всё будет хорошо. Нас с тобой немножко пожурят и отпустят.

– Да? Точно?

– Точно... – Кефа нащупал свою циновку и, кряхтя, с наслаждением растянулся на ней. – А за что нас наказывать? Мы ведь ничего, понимаешь, плохого не делали. Верно?

– Верно-то верно, – с сомнением в голосе сказал юноша. – Но только... всё равно как-то боязно.

– Не бойся, – успокоил его Кефа. – Вот увидишь – всё будет хорошо.

– Да я не за себя боюсь-то, – шмыгнул носом Йохи. – Я за родителей волнуюсь... Испереживались они там, наверно.

– Ничего... – пристраивая под ухо свёрнутый мешок, отозвался Кефа. – Увидишь завтра своих родителей... Ничего. Всё будет хорошо.

Он закрыл глаза и тут же стал уплывать по мягким покачивающим волнам. Йохи что-то ещё спросил, но Кефа уже не ответил.

Загремел засов.

– Уважаемый!.. Эй, уважаемый!.. Как там тебя?.. Кефа!

Кефа сел и выругался.

– Меня, наконец, оставят сегодня в покое или как?! – зло поинтересовался он.

– Извини, уважаемый!.. – голос стражника был другой, и голова под остроконечным шлемом была другая. – Извини! Я только хотел предложить вам с другом поесть.

– Поесть?! – сейчас же окончательно проснулся Кефа. – Чего ж ты молчишь?! Сразу надо было сказать, что поесть принёс, а то молчит он, понимаешь!..

Кефа резво поднялся и, подойдя к двери, принял из рук стражника довольно объёмный узелок.

– Здесь лепёшки и сыр, – почему-то оглядываясь, шёпотом сказал стражник. – И вино. И финики.

– Ого! – удивился Кефа. – Это что, у Каиафы наконец совесть проснулась?

– Тс-с! – стражник приложил палец к губам и опять оглянулся. – Тише! Это не Каиафа. Это – я. Прими, не побрезгуй.

– Вот как? – Кефа с удивлением взглянул в простоватое, немного смущённое лицо. – Тогда спасибо... Как звать-то тебя, благодетель?

– Нахум, – с готовностью ответил стражник. – Нахум бар-Эйзер с Кожевенной улицы.

– Ну, спасибо тебе, Нахум! – с чувством поблагодарил Кефа. – Спасибо!

Он кивнул стражнику и повернулся, чтобы уйти, но Нахум придержал его за локоть.

– Подожди, уважаемый, – заметно волнуясь, сказал он. – Вопрос у меня... Скажи... а правду народ говорит, что ты калеку сегодня в Храме исцелил?

– Ну да, – улыбнулся Кефа. – Правду говорит народ. Шимшона Безногого я исцелил. Знаешь такого? Он сорок лет, от рождения, не ходил, а я его, понимаешь, взял и вылечил.

И он снова хотел было отойти от двери.

– Подожди-подожди! – пуце прежнего заволновался стражник, отчаянно, как утопающий за соломинку, хватаясь за Кефин локоть. – А скажи, уважаемый... – он смущённо потупился, но тут же вновь вскинул глаза и, вплотную приблизив своё лицо к Кефиному, прошептал: – Скажи, а ты... чесотку, случайно, не лечишь?..

3

За десять дней до Шавуота в Йерушалаим вернулись почти все посланные в провинции гонцы, шутливо прозванные Андреасом на греческий лад: «апóстолос». Они привели за собой в общей сложности около двух сотен учеников и почитателей рабби Йешу. В ещё совсем недавно таком просторном и, можно даже сказать, пустынном дворе дома на пересечении улицы Роз и Песчаного переулка стало тесно и шумно, как на городском рынке в канун субботы: в каждом шатре и чуть ли не под каждым деревом, собравшись в кружок, сидели, степенно беседуя или горячо споря, мужчины; женщины, обступив новую печь-временку и целиком оккупировав большой навес рядом с ней, почти непрерывно занимались готовкой; дети, шумными писклявыми ватагами носились по двору и прилегающему к нему саду; возле единственного нужника, расположенного в дальнем углу участка, почти постоянно стояла очередь.

А народ всё продолжал прибывать. Не проходило и дня, чтобы возле ворот не останавливалась новая группа утомлённых, покрытых пылью паломников, проделавших непростой многодневный путь откуда-нибудь из-под Ципори, Магдалы или даже от самой Кесарии Пилиповой. Кефа сбился с ног, стараясь всех встретить, приветить, напоить-накормить, устроить на ночлег. Постоянно чего-нибудь не хватало. Не хватало муки, не хватало шатров, не хватало циновок. И постоянно не хватало воды. И если на питье и готовке воду ещё худо-бедно удавалось как-то экономить, то с наполнением мйквы – бассейна для омовений – и вовсе была беда. Трижды в день Кефа отправлял к Черпальному фонтану у Большого Акведука специальную повозку, но уже буквально через пару часов после её возвращения все привезённые амфоры с водой самым таинственным образом оказывались пустыми.

Надо было что-то решать. Посоветавшись с Андреасом, Кефа принял решение отселить часть разрастающейся не по дням, а по часам общины в Бейт-Энью: частично – обратно в дом Шимона Прокажённого, а частично – в дом некогда «воскрешённого» Эльзара и его незамужних сестёр, Марты и Мирьям. Но для реализации этого плана надо было предварительно переговорить с хозяевами обоих домов. И если исход разговора с Эльзаром у Кефы не вызывал сомнений – старый друг Йешу всегда был готов принять в своём скромном доме почитателей имени рабби, то беседа с прижимистым горшечником обещала быть непростой – Шимон Прокажённый гостям был не рад, слухам о чудесном воскрешении Йешу не верил, хотя почти божественную суть своего целителя по-прежнему не отрицал, а на тему скорого пришествия Спасителя и вовсе говорил много и охотно.

По обыкновению, вместе с Кефой в Бейт-Энью решил отправиться и малыш Йохи. После истории с «исцелением» Шимшона Безногого юноша ходил за главой общины буквально по пятам, как хвостик, вызывая у того порой раздражение, но чаще – добрую усмешку, – Кефу умиляла детская непосредственность Йохи, его восторженность и готовность безоговорочно верить в любое чудо, если это чудо было связано с именем его горячо любимого рабби.

В путь отправились сразу после восхода солнца – по утренней прохладе. Идти решено было через Храм – Кефа рассчитывал встретиться в Портике Шломо с Накдимомом и перекинуться с ним парой слов. Однако Накдимона в Храме не оказалось, и, обойдя практически всю Мирскую площадь по периметру, Кефа и Йохи направились к выводящим на Мост Давида Вратам Милосердия...

– Вот он!! – раздался истошный вопль, едва они вступили под каменные своды ворот, и десятки калек – хромых, кривых, увечных – кинулись к Кефе со всех сторон, десятки рук

вцепились в края его одежды, ухватили за ноги, повисли на локтях, десятки ртов в стремлении облобызывать потянулись к его ладоням.

- Исцели, благодетель!!.. – неслось со всех сторон. – Не оставь милостью своей убогих!!..
- Добрый человек, взгляни на меня!!..
- Пожалей слепого, благосердный!!..
- Ноги!! Ноги мои!!..
- Исцели-и-и!!..

Кефа даже поначалу растерялся. А про Йохи, и вообще, говорить было нечего – юношу сразу же оттеснили от Кефы, чуть не сбили с ног, и теперь его бледное перепуганное лицо маячило где-то на самой периферии шумного толковища.

– Тихо!!.. – гаркнул, опомнившись, Кефа, вспоминая свои забытые прим-декурионовские командные навыки. – А ну, тихо!!.. Стоять!! Смирно!!

Его голос, отразившись от высокого каменного свода, вернулся назад и, немного пометавшись в тесных стенах, затих. Вопли калек смолкли.

– Исцели-и!!.. Исцели-и!!.. – тихо проскулил кто-то за спинами убогих; на него дружно зашикали.

– Братья! – с чувством сказал Кефа. – Евреи! Калеки по несчастью или от чрева матери своей! Зря вы несёте мне свои увечья! Зря, понимаешь, потрясаете гноищами и язвами! Поскольку я не целитель! И я не смогу излечить вас! Но услышьте меня, братья! Каждый из вас себе лекарь! Ибо каждый из вас способен уверовать! Помазанник Божий Йешу, – он повысил голос, – грядёт в скором времени от лика Господа нашего! Помазанник Божий Йешу – вот в кого вы должны уверовать! И вера эта спасёт вас, братья! Только от веры сей прозреют слепцы и встанут безногие. Только от веры сей распрямятся горбы и затянутся язвы! Уверуйте, евреи!! Уверуйте и исцелитесь!! Как исцелился Шимшон Безногий, которого вы все знаете, увечный от рождения, а теперь попирающий твердь своими ногами! Как исцелились Эльзар и Шимон Прокажённый из Бейт-Эньи! Как исцелились десятки и десятки уверовавших по всему Израэлю! Уверуйте, братья!! Уверуйте и исцелитесь!! Уверуйте в спасителя вашего Помазанника Йешу!!..

– А-а-а!!.. – раздался протяжный многоголосый крик, и воодушевлённые калеки с удвоенной страстью кинулись к Кефе.

- Исцели!!.. – восторженно кричали они. – Именем Помазанника Йешу!! Исцели!!..
- Верую!!.. Верую!!..
- На милость твою уповаю!!..
- Исцели, благодетель!!.. Исцели, святой человек!!..
- Исцели именем Йешу!!..
- Ноги!!.. Ноги мои!!..

Ошеломлённый Кефа, с трудом отдирая от себя цепкие пальцы, сделал несколько шагов вперёд.

– Братья!!.. – попытался он образумить несчастных. – Евреи!!.. Помазанника Божьего Йешу просите, не меня!!..

Всё было тщетно.

– Йохи! Уходим!!.. – махнул он рукой вжавшемуся в стену, испуганно шарящему по сторонам полными слёз глазами, юноше. – Уходим, Йохи! Туда! На мост!!..

Но взглянув вперёд, Кефа понял, что пройти к виадуку уже не получится – с Моста Давида к Вратам Милосердия бежали, шли, ковыляли и даже ползли всё новые и новые калеки. Некоторые из них лежали, распластавшись ниц, прямо на пути, на камнях мостовой, вероятно надеясь, что на них – случайно ли, намеренно ли – ступит исцеляющая нога «святого человека».

– Назад!!.. – разворачиваясь, как на стремнине против течения, крикнул он Йохи. – Эй!!.. Назад!!.. Выбираемся на площадь!!..

Постепенно освобождаясь от цепляющихся за ноги и за одежду рук, Кефа с огромным трудом выбрался под своды Портика Шломо и, нырнув за ближайшую колонну, резвой рысью рванул наискосок через Мирскую площадь к тоннелю, ведущему к Вратам Хульды. Кто-то попытался ухватиться за его пояс. Кефа с ожесточением отодрал от себя влажные слабые пальцы.

– Дод Кефа! – прозвучал за спиной тонкий плаксивый голос. – Это же я!

Кефа оглянулся. Рядом, размазывая по заплаканному лицу сопли и слёзы, мелко семенил Йохи.

– Не отставай! – крикнул ему Кефа. – Догонят – на клочки порвут!

Малец наподдал. Теперь уже Кефа видел перед собой его худую спину с быстро елозящими под вытертой тканью острыми лопатками.

Они вбежали под каменный свод и быстро застучали сандалиями по гулким ступеням длинной пологой лестницы. В поглотившем их мраке огненными цветами замелькали по сторонам роняющие тяжёлые жёлтые капли факелы. Дохнуло в лицо тоннельной, напитанной чадным масляным дымом, затхлостью. Редкие спускающиеся паломники оборачивались на звуки шагов и испуганно прижимались к стенам, давая им дорогу. Наконец лестница кончилась, и, завернув за угол, Кефа и Йохи выскочили на свет.

– Туда! – указал Кефа вправо.

Они нырнули под арку, быстро пересекли узкую улицу Хордиасы, пробежали по короткому пыльному переулку и, выскочив на ещё немногочисленную в этот ранний час улицу Сыроделов, быстро зашагали по ней на север, мимо западной стороны Храмовой горы, в сторону Антониевой крепости.

Йохи подавленно молчал. Кефа, время от времени искоса поглядывая на его бледное лицо, на котором быстро высыхали слёзы, тоже.

Наконец юноша немного пришёл в себя.

– Что это было, дод Кефа?

Кефа вздохнул.

– Это была обратная сторона славы, Йохи... Теперь всегда будет так. Такая у нас, понимаешь, теперь будет жизнь... Отныне.

– Но ведь это же... глупо! – юноша поднял на Кефу блестящие глаза. – Глупо!.. И страшно!

Кефа повёл плечом.

– А вера, Йохи, всегда немножко глуповата... И страшновата. Поскольку идёт не от разума. А отсюда, – он похлопал себя по груди. – От сердца... В этом её слабость. Но в этом же и её сила... Сердцу нельзя приказать. Сердце нельзя убедить... Вера – это любовь. Сердце, наполненное любовью – как амфора, наполненная вином: что бы ты ни лил в неё, воду или уксус, она всё отторгает от себя, сливает через край... Зато пустое сердце, сердце, в котором нет любви, оно подобно пустой амфоре. А в пустую амфору, сам понимаешь, можно при желании налить что угодно – и вино, и уксус, и воду. И желчь.

Он замолчал. Йохи тоже молчал, между его бровями обозначилась пока ещё неглубокая вертикальная складка – верный спутник всех философов и мыслителей.

Тем временем улица Сыроделов, упёршись в площадь Антониевой крепости, кончилась. Дальше шёл лабиринт кривых узких улочек, сбегających по склону долины к Овечьим воротам и раскинувшемуся за ними, уже раскалившемуся от криков продавцов и животных, Скотному рынку.

– Я не хочу так, – нарушив затянувшееся молчание, сказал Йохи.

– Что?.. – оглянулся Кефа. – Чего ты не хочешь, малыш?

Тот покусал губу, а потом вскинул на своего старшего товарища чёрные горячие глаза.

– Дод Кефа, а можно, чтобы... не глуповато? Ну, чтобы верить... и умом, и сердцем? Можно так?

Кефа внимательно, без тени улыбки посмотрел на юношу.

– Не знаю, Йохи, – сказал он. – Честное слово, не знаю... Попробуй. Может, получится...

Вопреки Кефиным опасениям, Шимон Прокажённый в вопросе размещения в его доме части общины проявил неожиданную и несвойственную для него сговорчивость. Видимо, слухи о чудесном исцелении Шимшона Безногого и последовавшим за ним победным для Кефы судом Санхедрина дошли, в том числе, и до Бейт-Эньи. Горшечник смотрел теперь на Кефу не настороженно-опасливо, как раньше, а почтительно, где-то даже подобострастно, иначе как «многоуважаемый Кефа» дорогого гостя не называл и на все Кефины просьбы и предложения отвечал неизменным: «Конечно, конечно! С моим почтением!»

Окрылённый успехом, Кефа тут же поведал Шимону замечательную, уже обросшую к этому дню многочисленными красочными подробностями, историю о чудесном воскрешении и божественном вознесении любимого рабби и сходу предложил горшечнику вступить в общину – для совместного ожидания триумфального прихода Помазанника Божьего Йешу, каковое, без сомнения, должно было состояться в самое ближайшее время. Гончар над столь лестным предложением обещал подумать, а чтобы думать ему было сподручней, чтобы меркантильные

вопросы его, понимаешь, от высоких дум не отвлекали, Кефа, не давая супу остыть, попросил горшечника для начала помочь общине любой необременительной для «почтеннейшего» суммой денег. Почтеннейший, слегка дрогнув лицом, тем не менее безоговорочно принёс и с поклоном вручил Кефе увесистый кожаный мешочек. На том и расстались.

Этот мешочек, в котором, кстати, оказалось ровно полсотни новеньких блестящих денариев, с ликом кесаря Тиберия на аверсе, Кефа отдал Эльазару, попросив того прикупить пять-шесть больших шатров и соответствующее количество циновок, а также амфор, горшков и прочей посуды – по необходимости.

У Эльазара задержались до вечера. Старый друг Йешу, даже не стараясь скрыть слёз радости, снова и снова заставлял Кефу и Йохи рассказывать историю чудесного спасения рабби. «Господи, спасибо!.. Спасибо тебе, Господи!», – счастливо улыбаясь и одновременно промакивая рукавом мокрые глаза, восторженно шептал он. Ещё раз пришлось повторить рассказ и для вернувшихся после полудня с базара, похожих друг на друга, как два цветка с одной поляны, пышнотелых Мάρты и Мирьям. Пока обедали, пока отдыхали после обеда в тени невысоких, но густых фисташковых деревьев, росших возле дома Эльазара, пока размечали во дворе места под будущие шатры, солнце ушло за Тура-Ейту. Гостеприимные хозяева предлагали остаться переночевать, но Кефа, сославшись на множество неотложных дел, откланялся и поспешил обратно в Йерушалаим.

Пока – в обход: опять через Овечьи ворота и далее через Новый город – дошли до улицы Роз, почти совсем стемнело.

Община готовилась ко сну. За время отсутствия Кефы и Йохи в Йерушалаим, приведя с собой три больших многодетных семьи (без малого два десятка человек), вернулся из Кфар-Каны последний из гонцов – Натан.

Кефа нашёл «апостолосов» по весёлому шуму. Собравшись в самой большой комнате дома, они, вольно расположившись на полу на расстеленных одеялах, слушали Натана, который заикаясь и то и дело путаясь, пытался рассказать о какой-то истории, приключившейся с ним в пути.

Приход Кефы и Йохи был встречен радостным гулом и шумными приветствиями. Кефа, обнявшись с Натаном, тут же влился в общий разговор, поведав присутствующим об утреннем происшествии в Храме. Сейчас, по истечении времени, происшествие это казалось уже не столько нелепым и страшным, сколько забавным, а в Кефином изложении и вовсе выглядело смешным. Кефа, сам посмеиваясь в бороду, в цветах и красках живописал присутствующим внезапное «нападение» калек под сводами Врат Милосердия и последовавшее за этим своё с Йохи паническое бегство. Хохотали все. Даже малыш Йохи, в начале рассказа недовольно хмуривший лоб, к концу повествования «оттаял», и его звонкий заливистый смех, влившись в общий хор, серебряным колокольцем рассыпался по отходящему ко сну дому.

В самый разгар веселья Натан, который только что самозабвенно хохотал, задирая к потолку свою дремучую спутанную бороду, вдруг поперхнулся смехом и, далеко выкатив глаза, принялся хватать себя за грудь, пытаясь что-то сказать, напряжённо борясь со своей непослушной гортанью и ходящей ходуном нижней челюстью:

– Г... Г... Г-господи!.. Р... Р-рабби!..

Кефа оглянулся. В дверях, выхваченный из темноты неверным желтоватым светом лампы, стоял Йешу...

– Я не понимаю, чем ты недоволен?! – раздражённым шёпотом спросил Кефа. – Всё же идёт нормально. В Йерушалайме все только о тебе и говорят...

– Да не обо мне они говорят, а о тебе, – с горечью в голосе поправил его Йешу. – Это ведь ты у нас теперь безногих на ноги ставишь. Это ведь ты – «великий чародей и целитель» Шимон бар-Йона по прозвищу Кефа.

– Ты что, ревнуешь, что ли? – удивился Кефа. – Брось! Это ведь всё ерунда! Пена! Пена сойдёт, а бульон, понимаешь, останется. Это они меня восхваляют, пока не разобрались. Ты не волнуйся, скоро все во всём разберутся. Я ведь не от своего имени Шимшона этого исцелил. Я его твоим именем исцелил. А точнее, – именем грядущего Помазанника Божьего Йешу.

– Вот-вот, – сказал Йешу. – Ещё и это! Наворотили вы тут с Паквием делов. Даже не знаю, как потом из всего этого выпутываться. А выпутываться придётся...

Они уже давно сидели на крыше старого дома Накдимона и беседовали, стараясь особо не шуметь, чтобы никому не мешать, да и вообще, не привлекать к себе внимания. Если быть точным, сидел только Кефа, а рабби лежал рядом с ним на спине, заложив руки за голову и уставив бороду в небо. Внизу, в доме и в шатрах, тесно расставленных в саду и во дворе, спала община. Со всех сторон доносился разнообразный храп, вздохи, полусонное детское хныканье; в шатре, стоящем недалеко от ворот, кто-то громко, но неразборчиво разговаривал во сне.

Ночь была тёмная, безлунная. Звёзды в небе не сияли, а тускло мерцали, как будто присыпанные угольной пылью. Злобный «хамишим», словно устав за сорок дней от собственной злости, дул нехотя, вяло, едва вороша чёрные верхушки деревьев.

В неверном свете звёзд Кефа мог разглядеть лишь смутный силуэт Йешу. Выражения его лица не было видно вовсе, и судить о настроении рабби можно было лишь по интонациям его голоса. Интонации были печальные.

– Ты пойми, – помолчав, продолжал Йешу, – если построить дом не на твёрдой почве, а на песке, то он долго не простоит – рухнет, развалится. Так и новое учение. Если в его основе будет лежать ложь, пусть даже и состряпанная из самых лучших побуждений, это учение никого за собой поведи не сумеет... А если даже и поведёт, то недалеко и недолго... Поскольку всё тайное когда-нибудь становится явным. Поскольку ни одну тайну нельзя сохранить навечно. Поскольку чем больше людей ты обманешь, тем скорее раскроется обман.

Кефа запустил пальцы в бороду и задумчиво пошкрябал подбородок.

– Ну... пусть! – поразмыслив, заявил он. – Пусть ты прав. Но ведь это же всё – временно! Ну, допустим, сейчас мы что-то делаем не так. Пусть есть какие-то перегибы. Но это же, понимаешь, не насовсем. Это ведь только до того момента, когда ты станешь первосвященником. А ты станешь первосвященником! Я теперь в этом совершенно уверен. И ты не просто станешь первосвященником. Ты станешь таким первосвященником, которого никогда ещё не было в Израэле. Никогда! Поскольку ты придёшь к этому не как все. Ты придёшь к этому как сошедший с небес Помазанник Божий! Представляешь? – Кефа воодушевился. – Тебя будут встречать как пророка! Как Божьего посланника! Ты войдёшь в Храм не как простой смертный. Ты въедешь в него на белом верблюде! Прямо через Врата Милосердия!..

– Не говори глупости! – сердито оборвал его Йешу. – И тише, прошу тебя, тише, людей разбудишь!

– И никакие это не глупости! – вновь переходя на шёпот, пылко возразил Кефа. – Именно так всё и будет! С Моста Давида через Врата Милосердия на белом верблюде! И сотни... Нет! Тысячи людей будут стоять вдоль всего твоего пути и бросать тебе под ноги цветы и пальмовые ветви!..

– Господи! – пробормотал Йешу. – Воля твоя!..

– И ты станешь во главе Храма! – не унимался Кефа. – И будешь учить. Ты будешь учить тому, чему ты учил нас. Но теперь у тебя будет не десяток учеников, а сотни и тысячи! Десятки тысяч! Да ты посмотри! – он ткнул рукой в темноту. – Их и сейчас уже больше двух сотен! А потом твои ученики потекут из Йерушалайма во все города Палестины. И у них там тоже будут свои ученики. А у тех учеников – свои. И народ израэльский поверит тебе и пойдёт за тобой. И научится правильно чтить Закон. И жить праведно научится. И пресекутся ложь и обман. И зло пресечётся. И вражда. И междоусобицы. И вот тогда-то, понимаешь, и наступит на земле израэльской Золотой Век!

Он запыхался и замолчал.

– Ты всё очень хорошо описал, – задумчиво сказал Йешу. – Очень... Но ты не учёл одного. Ты, как многие, слушаешь, но не слышишь. Я ведь в самом начале сказал тебе, что нельзя создать истинное учение, если в его основе лежит ложь.

– Да какая ложь?! – возмутился Кефа. – Подумаешь! Так, небольшой обман. Военная, понимаешь, хитрость. Станешь первосвященником, никто и не вспомнит об этом... И даже если мы тут что-то без тебя неправильно сделаем, переделаешь потом, как сочтёшь нужным. Чтоб всё, понимаешь, было правильно... Ты ведь будешь первым человеком в Храме. Да что там в Храме! В Йерушалайме! Во всём Израэле! Как повернёшь – так всё и будет!

– Да ничего уже потом не переделаешь, – вздохнул Йешу. – Потом уже поздно будет.

– Да почему же поздно?! – Кефа даже вскочил.

– Тише! Не шуми... Сядь... Вот скажи мне, ты когда-нибудь плавал на лодке с шестом?

– Обижает! – усаживаясь обратно, хмыкнул Кефа. – Это у меня СЕЙЧАС сфина. А всё детство я, понимаешь, проплавал как раз на таких вот лодчонках. Да какой там лодчонка –

название одно! Корзина плетёная! И ты в ней. И шест. Плывёшь и не знаешь – то ли за шест держаться, чтоб не упасть, то ли, понимаешь, этим самым шестом от дна отталкиваться. Так ведь ещё и сеть надо ставить или выбирать!.. Да-а... Страху я с ними натерпелся! Пару раз, вообще, чуть не утонул. Они ведь неустойчивые. И вертлявые, что твой угорь.

– Ну вот, – сказал Йешу, – тем более. Тогда тебе совсем легко понять будет... Ведь на этих лодчонках плавать можно только по мелководью. Так?

– Ну, как по мелководью... Ну, в общем, да, пока шест до дна достаёт.

– А если тебе надо глубокий участок преодолеть, тогда что?..

Кефа хотел было уже ответить, но Йешу опередил его:

– Правильно! Надо посильнее оттолкнуться шестом и дальше ждать, когда тебя вынесет туда, где опять помельче и где можно будет снова использовать шест...

– Вот-вот, – мрачно подтвердил Кефа. – Я как раз таким вот образом однажды самую малость не утоп. Не рассчитал, понимаешь, направление, и меня вынесло на глубину. Представляешь? Шест до дна не достаёт, а тут ещё и течение какое-то. Я еложу, верчусь, а берег всё дальше! Ну, я и испугался, и запаниковал. С лодки прыгнул, а плавать-то ещё толком и не умел... Чуть выбрался.

– Ну вот, – сказал Йешу, – всё верно. А теперь представь, что новое учение – это такая же лодка с шестом. Пока у этого учения мало сторонников, оно – как лодка на мелководье: плыви себе, куда хочешь, меняй направления. Хоть каждый день меняй. Главное, чтоб ты эту смену направлений мог объяснить своим ученикам... А когда за учением идут уже тысячи, десятки тысяч – их переубедить, объяснить им что-то новое уже очень сложно, почти невозможно. То есть это значит, что лодка вышла туда, где большая глубина, где шестом уже никак до дна не достанешь. Где можно плыть уже только по прямой. И вот тут всё зависит от твоего первоначального толчка: если выдержал направление правильно – приплывёшь туда, куда тебе нужно; ошибся – вынесет куда-нибудь, где, как ты говоришь, течение, а там – на стремнину и к водопаду. И всё! Сам погиб и людей погубил. Тех, что поверили, тех, что пошли за тобой. Понимаешь?

– Вот в чём я тебе всегда завидовал, – признался Кефа, – так это в твоём красноречии. Умеешь ты всё-таки объяснять. Да не просто объяснять, а доходчиво, образно, так, что только круглый дурак не поймёт. Да и тот, если не поймёт, то почувствует.

– Толку-то от этого, – горько произнёс Йешу и, кряхтя, сел.

– Что, до сих пор болит? – посочувствовал Кефа.

– До сих пор... – Йешу повозился, устраиваясь поудобнее. – Гай Лонгин постарался. Он ведь мне, злодей косорукий, два ребра сломал! Веришь, я первые пару недель и вздохнуть-то толком не мог! Потом ничего, малость полегче стало. Но всё равно, стоять ещё туда-сюда, а вот сидеть или лежать – больно... А особенно больно, если, не дай бог, чихнёшь. Прямо до самых пяток отдаётся! Как иголкой!

– Да, – подтвердил Кефа, – рёбра – это серьёзно. У нас в Гиппо-Регии командир турмы был. Гай Аспренас. Он ещё в юности рёбра себе поломал – с коня упал. Так всю жизнь, бедняга, мучился. Я знал его уже сорокалетним, а он всё разные мази лечебные искал, чтоб, понимаешь, боль снимать. Целую сумку мазей с собой всегда таскал. И корсет специальный под кольчугой носил.

– Спасибо, – сказал Йешу. – Умеешь ты утешать.

– Это да, – улыбнулся Кефа. – Это моё. На это, понимаешь, ещё никто не жаловался.

Какое-то время они сидели молча, слушая шелест неразличимых во тьме листьев и далёкий ленивый лай собак.

– Послушай, – сказал Йешу, – а что ты за поборы устроил в общине?

– Какие ещё поборы?

– Ну, ты же деньги собираешь с вновь прибывших?

– Собираю, – подтвердил Кефа. – А как же не собирать? Жить тогда на что? Муку покупать, масло. Это когда мы с тобой вдвоём ходили, нам пяти прут на день хватало. А здесь сейчас только взрослых, почитай, больше ста человек. Да дети! Как же не собирать деньги?! Кормить же всех надо? Надо! И поить надо. И дрова всё время нужны. Как же, скажи, деньги не собирать?.. – он помолчал. – Паквий денег совсем немного дал. На месяц и то не хватило. Сказал: сами добывайте. А как ты их раздобудешь? Где?.. Ну, Накдимон немного дал. Йосэф бар-Гад сто денариев прислал. Вот и всё... Да! Ты не поверишь! Шимон Прокажённый сегодня полсотни от щедрот своих отделил. Представляешь?!

– Ого! – удивился Йешу. – Чего это он? На солнышке перегрелся?

– Нет. Тут другое. – Кефа задрал палец. – Уважает. Как я Шимшона Безногого у Врат Милосердия исцелил, так он меня сразу и зауважал. А ты говоришь: «наворотили делов»! Да если б я этих делов не наворотил, на какие, понимаешь, шиши Эльзар бы завтра шатры и посуду для общины пошёл покупать? Да и горшечник вряд ли бы нас опять к себе на постой пустил.

– Может быть... – задумчиво произнёс Йешу. – Может быть... А что там за бред насчёт продажи своих домов и земель? Мне Паквий что-то говорил, но я как-то не особо вникал – я тогда пластом лежал, лихорадило меня.

– Ну, не такой уж это и бред, – повёл плечом Кефа. – Если трезво рассуждать. Без эмоций. Мы хотим ввести такое правило: если хочешь в общину, если хочешь, понимаешь, встречать Спасителя в первых рядах, изволь продать всё своё имущество – дом, землю, рабов – короче, всё, что у тебя есть, а вырученные деньги отдать в общий котёл...

– О Господи! – возмущился Йешу. – Это ещё зачем?!

– Ну как... – Кефа опять полез пальцами в бороду. – Это позволит оторвать человека от его корней, а значит, крепче привяжет его к общине.

– Бред!.. Бред!.. – Йешу, обхватив голову руками, принялся покачиваться из стороны в сторону. – Я ведь с кумранитами на эту тему всё время спорил. Это у них в общине такие порядки. Но ты-то, ты откуда всего этого набрался?!.. Это что, Паквия идея?

– Да, – подтвердил Кефа. – Его... Но я считаю, что он во многом прав. Ну вот, скажи, зачем человеку деньги в общине? А тем более, зачем ему его дом и земля, особенно если этот дом и эта земля остались, понимаешь, где-то там, в другом городе, а может, даже в другой стране? И если он больше не собирается туда возвращаться?.. Так что определённый резон в этом правиле есть... Да и ты ведь всегда говорил нечто похожее.

– Я?! – изумился рабби. – Я такое говорил?!

– Тише ты! – испугался Кефа. – Не шуми! – и сам зашептал: – Конечно, говорил. Разве не твои слова про то, что богатому не место в Царстве Господнем? Что легче продеть канат в иглу, нежели провести богатея в рай?

– Да господи ты боже мой! – простонал Йешу. – Ну разве я это имел в виду?! Что ж вы всё время!.. Послушай. Речь ведь шла не о том, что человек имеет, а о том, что он думает! Понимаешь? О помыслах его! Я ведь хотел, чтоб вы осознали, чтоб вы поняли: не грех иметь много золота, не грех быть богатым; грех – думать о золоте больше, нежели о Боге! Грех – делать из золота идола и поклоняться ему. Разве не это записано в Заповедях, данных Господом нашим пророку Мошэ на горе Хорив?!.. Поймите! Золото само по себе не делает человека ни лучше, ни хуже. Ведь был же богат прародитель наш Аврахам, что не помешало ему стать великим праведником!.. И воитель Йешу бар-Нун владел богатствами неисчислимыми, но ведь и сам скромненький был, и народу своему завещал служить Господу в чистоте и искренности, отвергая соблазны... Вот что я имел в виду!.. Да что далеко ходить! А Накдимон – друг наш любезный? Не от щедрот ли его жили мы всё последнее время? Не в его ли доме живёте вы сейчас?!.. А Йосэф бар-Гад, да продлит Господь его дни?! Он ли не пример для подражания многим и многим?! Ты же сам только что называл их мне как своих благодетелей! Разве не так?!.. Так что богатый богатому рознь! И одним, благим, – сидеть в Царствие Господнем среди пророков и праведников. А другим, ради блеска злата, ради власти и роскоши от лика Господа отвернувшимся, – вечно скитаться в безвременье, слушая свой скрежет зубовой... Все люди разные – и бедные, и богатые, – и каждому воздастся по делам его!.. А вас послушай – так всякого богатея надо или мордой в грязь, или – сразу на нож. А лучше – сначала в грязь, а потом на нож!..

– Ну, – пробормотал Кефа. – это, прям, твоего братца слова. Твой Шимон примерно так всё это себе и представляет... Единственно, ножа у него сейчас, понимаешь, нет. Отобрали у него нож. Но, думаю, это как раз ненадолго.

– Мой брат!.. – дёрнулся Йешу и тут же, зашипев от боли, схватился за бок.

– Тише ты, тише! – испугался Кефа. – Рёбра же! Не делай резких движений.

– Что ты всё время цепляешься к моему брату?! – сквозь зубы проговорил Йешу. – Шимон – дитя.

– Ну да, дитя, – подтвердил Кефа. – Конечно, дитя. Маленький мальчик с большим, понимаешь, хером. Да он старше тебя на сколько!

– Да причём тут это? – голос Йешу сделался усталым. – Я ведь совсем не о том!.. Он умом дитя. Злое дитя. Обиженное. Отсюда и все его шуточки. И тяга к опасным игрушкам... Но это всё –

внешний налёт. Шелуха. Это пройдёт. Осыплется... А душа у него чистая. Как у ребёнка... Попомни моё слово, он ещё станет самым праведным из вас! Из раскаявшихся грешников как раз самые праведные и получают.

– Ну-ну, – с сомнением в голосе сказал Кефа. – Нашему бы ослу да подняться по лестнице.

– Дурак ты, Кефа! – в сердцах сказал Йешу. – Ей богу, злой дурак!

– Ну, извини! – Кефа развёл руками. – Уж каков есть.

Они замолчали и на этот раз надолго.

Тихо шелестели в ночи кроны деревьев. Летучие мыши бесшумными чёрными молниями пронзали Млечный Путь...

– Про Йехуду... – тихо спросил из темноты Йешу. – Это... правда?

– Да... – сказал Кефа и, помолчав, спросил: – Осуждаешь?

Йешу ответил не сразу.

– Бог тебе судья... – наконец произнёс он. – Тебе с этим жить... Нет, я ни в коей мере не оправдываю Йехуду, но... Но даже романцы не карают за воровство смертью.

– Это было не воровство, – жёстко сказал Кефа. – Это было предательство! Йехуда предал нас! И, кстати, в первую очередь он предал тебя! А за предательство расплата всегда одна – смерть! Так было и так будет!

– Бог тебе судья, – повторил Йешу, и разговор снова прервался.

Город спал. Лишь бессонный «хамишим» устало бродил по тёмным улицам, слабо трогая верхушки деревьев.

В одном из ближних шатров, проснувшись, тоненько заплакал ребёнок, слышался тихий ласковый женский голос, ребёнок сейчас же замолчал, зачмокал...

Протопали за забором подкованные калиги ночного патруля. Кто-то громко и смачно отрыгнул. Раздались смешки, какой-то металлический стук, раскатистая романская брань. Звуки отдалились, затихли, замерли...

Наконец Йешу зашевелился и встал.

– Ладно. Пойду. Мы с Паквием условились, что я вернусь до третьей стражи.

Кефа тоже поднялся.

– Пойдём. Я провожу.

Йешу усмехнулся.

– Не сто́ит. Ты думаешь, Паквий бы меня одного отпустил? Как же! Меня в переулке целый отряд дожидается. Во главе с твоим ненаглядным Кальвом. Меня сейчас охраняют чуть ли не как самого префекта.

– Вон оно что... Ну, тогда привет Кальву. Тогда я тебя даже до калитки не пойду провожать – не хочу с этим костоломом лишний раз встречаться... – Кефа помолчал. – Ну что, когда теперь свидимся?

– Даже не знаю. Завтра Паквий едет в Кесарию. Меня, разумеется, берёт с собой. Понятия не имею, когда теперь вернёмся. Может, на Суккб́т. А может... Не знаю, в общем.

– Ты... Ты поосторожнее там. В Кесарии. У Ханана свои люди везде есть.

– Я ж тебе говорю, меня теперь охраняют. Я теперь даже в нужник с двумя провожатыми хожу. Представляешь?

– Представляю, – сказал Кефа. – Нужен ты префекту. Шибко нужен... Но всё равно. Охрана охраной, а сам тоже не зевай. Никакая охрана не спасёт, если у охраняемого в голове, понимаешь, ветер. Подкрасться на сто шагов и пустить стрелу – большого ума не требуется, только ловкость и точность. Это я тебе как старый разведчик говорю.

– Ладно, разведчик. Тебе бы только пугать... Хотя, ты знаешь... – Йешу помедлил. – Знаешь, я тут как-то поймал себя на мысли, что... Что после того как я умер на кресте, я перестал бояться смерти. То есть совсем. Раньше ведь, помню, боялся. До дрожи боялся. А теперь... Представляешь?

– Так бывает, – кивнул Кефа. – Опасный признак. С таким долго не живут... На войне, – сейчас же поправился он. – На войне с таким долго не живут. Начинают, понимаешь, под стрелы лезть, смерть дразнить. Ну и... Смерть ведь она не любит, когда её дразнят. Запомни это.

– Хорошо, – сказал Йешу. – Запомню.

Они стояли друг против друга на крыше спящего дома. Вокруг мерно шелестела чёрной листвою ночь.

– Ну что, обнимемся? – сказал Йешу.

Они обнялись.

– Всё, – сказал Кефа. – Иди... Иди уже!

– Да.

Йешу напоследок прикоснулся к его руке и, повернувшись, тут же растворился в ночи.

Скрипнули лестничные ступени. Тихо прошуршал гравий во дворе. Кефа, напряжённо прислушиваясь, ждал, когда стукнет выходящая в переулок калитка, но, кроме несмолкаемого бессонного шелеста листьев, так больше ничего и не расслышал. Тогда он, задрав голову, принялся смотреть в равнодушное ночное небо. И как раз вовремя – рассыпая жёлтые искры, по небосклону беззвучной каплей скатилась яркая падучая звезда...

Через две недели после Шавуота Кефа перебрался в Бейт-Эню к Эльазару. Спокойно жить на старом месте стало невозможно. Страждущие исцеления в конце концов проведали, где обитает «великий чародей и целитель», и теперь дом по улице Роз напоминал осаждённую крепость: всю улицу на сто шагов в обе стороны и весь прилегающий к дому переулок оккупировали больные и калеки. Они приходили сами, их приносили на руках, на одеялах, их привозили на повозках. Они проводили дни и ночи под стенами дома. Они молились. Они стонали, кричали и плакали. Они ругались и даже дрались за место в тени или поближе к воротам и к калитке, откуда, как они надеялись, мог выйти «святой человек». Они испражнялись за ближайшим углом, а зачастую – никуда не отходя, тут же под забором. Они неизведанными путями регулярно проникали во двор и даже в дом, и выдворять их оттуда требовало отдельных значительных усилий. Они, наконец, умирали, так и не дождавшись своего исцеления. Во всяком случае, из того, что точно знал Кефа, за последнюю неделю под стенами дома на пересечении улицы Роз и Песчаного переулка умерли трое или даже четверо несчастных. Сами обитатели дома выбирались теперь на улицу исключительно через соседний двор, хозяин которого, некий Зэрах бар-Адин, любезно вошёл в положение «осаждённых» и даже позволил проделать в заборе, разделяющем два домовладения, специальную калитку.

Кефа жил у Эльазара вместе с Андреасом, Пилипом и Натаном. Остальные «апостолосы» вернулись по старой памяти в гораздо более просторный дом Шимона-горшечника. Тем не менее виделись каждый день. Каждый день встречались в Храме: иногда в Портике Шломо, но чаще – в Западной галерее, наиболее удалённой от Врат Милосердия. Туда же ежедневно приходил и Накдимон, который очень помогал Кефе в непростых словесных сражениях с коэнами и книжниками-прушимами. Кефа этих сражений уже не избегал, смело бросаясь в бой всякий раз, когда кем-либо ставилось под сомнение чудесное воскрешение и божественное вознесение рабби или его грядущее сошествие в мир в качестве Божьего избранника, Спасителя. Когда же коэны и книжники начинали совсем уж наседать и изводить Кефу цитатами из Закона или из откровений кого-либо из пророков, он благоразумно отступал на второй план, уступая место на ристалище авторитетному и многомудрому Накдимону.

День 22 сивана прошёл схожим образом. Домой вернулись ближе к вечеру, а поскольку назавтра была суббота, ужинать сели пораньше, чтобы пораньше стать на вечернюю молитву.

За ужином Кефа говорил мало – за день наговорился, набил язык, хотелось помолчать, а ещё лучше – лечь, закрыть глаза и... проснуться на рассвете.

Натан по своему обыкновению тоже молчал. Был немногословен и Эльазар. Зато Пилип и Андреас говорили за пятерых.

Беседа, в основном, велась о делах общинных. Кефа слушал невнимательно, вполуха. Он вынырнул из своей сытой дрёмы, когда разговор за столом зашёл на тему приёма в общину новообращённых.

– Ритуал нужен! – поблескивая своей рыжей бородой, горячился Пилип. – А то что это такое: пришёл, шатёр занял, лёг на циновку и всё – жди Спасителя! Надоело ждать – встал и ушёл. Нельзя же так! Правда? Надо, чтоб всё это как-то торжественно было. Чтоб на всю жизнь запомнилось. Верно?

– Верно! – поддержал его Андреас. – И знак какой-нибудь при этом вручать. Отличительный... Пояс особый, например. Представляете? Все в одинаковых поясах. И сразу видно...

– Клятву бы какую-нибудь, – несмело предложил Эльазар. – Чтоб вся община... Выходишь, говоришь...

– Наколку, – сказал Кефа. – На лоб. И торжественно, и на всю жизнь память.

– Да ну тебя! – отмахнулся Пилип. – Тебе всё шуточки. Мы ж серьёзно!

– И я серьёзно, – не сдавался Кефа. – Что может быть памятной наколки? Не снимешь, понимаешь, как тот же пояс. И не сотрёшь. У нас, в Легионе, всем наколку делали. Текст только надо подходящий придумать. Что-нибудь, например, типа... м-м... «Жду прихода Помазанника Божьего Йешу». Хотя нет, слишком длинно, на лбу не поместится...

Эльазар рассмеялся.

– Кефа! – тоже улыбаясь, но всё-таки укоризненно сказал Андреас. – Перестань!

– А да... давай мы тебе такую на... наколку сделаем, – ткнул в Кефу пальцем Натан.

– А давай! – легко согласился Кефа. – Но тогда сразу ещё одну. На заднице: «Привет Ханану!». Я ею все споры в Храме буду заканчивать.

– Клеймо тебе надо на заднице выжечь: «Богохульник», – ворчливо сказал Андреас.

– О! – обрадовался Кефа. – Точно! Не наколку, а клеймо! И быстро, и... и, опять же, не сотрёшь.

– Нет, ну а если всё-таки серьёзно, – Пилип поочерёдно обвёл всех глазами. – Если без шуток. Как вам идея насчёт ритуала?

– Мы с Йешу однажды ходили в Бейт-Авару, – задумчиво сказал Андреас. – Там проповедовал Йоханан бар-Зхарья. Йоханан Пустынник. Тот самый. Которого потом царь Антипа казнил. Йешу его, между прочим, своим учителем считал. Они ещё родственники там какие-то между собой были – то ли двоюродные братья, то ли троюродные, точно не знаю... Так вот, у этого Йоханана Пустынника был своеобразный ритуал посвящения. Он своих учеников посвящал через омовение в Ха-Йардене. Надо было трижды окунуться в воду с головой, а Йоханан при этом стоял рядом и приговаривал: «Омывшись, да очистишься от скверны. Омывшись, да очистишься от грехов. Омывшись, да чист будешь пред Богом».

– А что, неплохо, – одобрил Пилип. – Несложно и... символично... Только где окунать? В Кидрон с головой не окунёшься – мелко. Да и вода холодная. В общественной купели – как-то тоже... не очень. Обстановка не та.

– В ми... в микве можно, – предложил Натан. – У... у Накдимона в доме.

– И у Шимона Прокажённого миква в доме есть, – вспомнил Андреас. – А что – вполне.

– Точно! – широко раскрыв глаза, подался вперёд Кефа. – Берём новообращённого. Окунаем его, понимаешь, в микву. А когда выныривает – клеймом в лоб – пш-ш-ш! Вот она, память! На всю жизнь!..

В комнату заглянула чернобровая Марта.

– Чего это у вас тут так весело? Над чем хохочете?

– Да Кефа... – вытирая проступившие слёзы, пожаловался сестре Эльазар. – Кефа нас тут веселит.

– Там, кстати, человек к тебе пришёл, – обращаясь к Кефе, сказала Марта. – Возле ворот ждёт.

– Ни-ни-ни! – замахал на неё руками Кефа. – Никаких человек! Скажи – в город ушёл и ночевать в городе будет. Нам ещё здесь нашествия калек не хватало!

– Так он, вроде, и не калека вовсе, – пожал плечами Марта. – И одет прилично, сразу видно – не из бедных.

– Я посмотрю, – вставая, сказал Кефе Андреас. – Сиди.

Он вышел в сопровождении Марты и довольно скоро вернулся, неся перед собой явно тяжёлый деревянный сундучок. Вид у Андреаса был малость ошеломлённый.

– Вот! – сказал он, ставя на пол перед Кефой сундучок и откидывая крышку. – Полюбуйся!

В сундучке – ровными длиненькими колбасками – лежали аккуратные кожаные мешочки. Много мешочков. По крайней мере, несколько десятков.

– Что это? – вытаскивая один из мешочков и взвешивая его на руке, спросил Кефа.

– Это – деньги! – сказал Андреас.

– Я понимаю, – кивнул Кефа. – Я спрашиваю, откуда это? И... и для чего?

– Он сказал, что его зовут Йосэф бар-Нэхэмья, – ответил Андреас. – Что родом он левит из Пафоса, с Кипра. Он сказал, что как только услышал про скорый приход Спасителя, сразу же продал свой дом в Пафосе и свою землю, и скот, и всех своих рабов и первым же кораблём приплыл в Палестину. Он хочет в общину. Здесь, – Андреас кивнул на сундучок, – все его деньги. Без малого пять тысяч денариев.

– Ого! – присвистнул Эльазар.

Кефа всё ещё покачивал на ладони мешочек с деньгами. Вид у «великого чародея и целителя» теперь был такой же ошеломлённый, как и у Андреаса.

– Это что же?.. – Кефа поднял на Андреаса глаза. – Это получается, о нас уже на Кипре знают?!

– Получается, – согласился Андреас.

– Это п... п... п... – выставив вперёд указательный палец, затряс бородой Натан.

– Что? – повернулся к нему Кефа.

– Это п-первый, – наконец совладал со своей непослушной челюстью заика. – Скоро бу... будут д-другие.

Кефа опять посмотрел на брата.

– Похоже на то, – кивнул Андреас.

Кефа бережно положил кожаную колбаску обратно в сундучок.

– Нет, я ожидал, конечно, что-нибудь похуже. Но чтоб так!.. – он покачал головой. – А Йешу ещё сомневался!

– Я не понял, – озадаченно глядя на них, сказал Эльзар. – Вы что, недовольны? Это ведь здорово! Радоваться надо! Мы же на эти деньги дома для общины купить сможем! Дóма три, а то и четыре! И ещё и останется!

– Нет, – сказал Кефа, – мы рады. Это мы так... от общего, понимаешь, обалдения.

– Это надо как-то отметить, – предложил Андреас. – Нельзя же, чтоб вот так просто... Это ж он не полсикля каких-нибудь обыкновенных принёс! Это... это...

– Это надо записать! – опомнился Кефа. – Увековечить! Летопись нам нужна! Слышите?! Ле-то-пись! Летопись общины!.. Эльзар! У тебя в доме найдётся папирус и перо?! И чернила!.. Неси!

– Марта!.. – вскакивая, закричал Эльзар. – Марта!..

Вскоре всё необходимое было принесено и разложено прямо на крышке заветного сундучка. Андреас взял в руки перо.

– На греческом писать? – обернулся он к Кефе.

– Чего вдруг на греческом?! – возмутился тот. – На нашем. Чай не судебный протокол пишешь – летопись!

– Что писать-то?

– Пиши... – Кефа задумчиво прищурил глаз. – Пиши так. В семнадцатый год правления Кесаря Тиберия, месяца сивана, двадцать второго числа...

От Клавдия Агриппе привет.

Наконец-то! Гром грянул! Рад сообщить тебе, мой добрый друг, что тот гнусный нарыв, который все последние годы зрел в самом сердце Империи, в Великой и Вечной РOME, лопнул, забрызгав кровью и гноем всех, кому не повезло оказаться рядом. Ты как-то по весне писал мне о скале, падение которой в море вызывает опасную волну. Так вот, эта скала упала. Огромная скала по имени Элий Лукий Сеян рухнула в одночасье, и волна от её падения смыла уже многих и многих. А скольких смоем ещё! Ты, скорее всего, уже знаешь о случившемся – слухи о подобных событиях распространяются удивительно быстро. Уж не птицы ли разносят их на своих крыльях? Однако, думаю, подробности тебе вряд ли известны, их и в РOME-то знают немногие, так что расскажу тебе сейчас всё, что знаю сам.

Как становится очевидным теперь, свой смертельный удар Тиберий готовил уже давно. Именно этим объясняется ряд поступков Кесаря, которые прежде многим (да что там говорить, и мне самому!) казались нелогичными, а порой и смешными. Ведь кто только не потешался над высочайшим эдиктом, предписывающим ношение мечей и регулярные упражнения с оружием вигилам – этим доблестным пожарным и бессонным хранителям нашего ночного покоя. Никто не принимал вигилов всерьёз. Во всяком случае, как реальную военную силу. А ведь именно они в решающий момент стали той гирей, которая склонила чашу весов в пользу Кесаря. Теперь-то, конечно, всем стала понятна та хитрая игра, которую исподволь вёл старый лис Тиберий. Теперь все одобрительно цокают языками и многозначительно трясут головой. Мол, мы изначально всё понимали и видели. Да никто ничего не понимал! Смею тебя в этом заверить, мой дорогой Агриппа. Никто и ничего! А Тиберий всё рассчитал верно. Девяти преторианским когортам Сеяна – почившим на лаврах, распустившимся и разленившимся от праздной столичной жизни, он противопоставил семь когорт вигилов – преданных ему всем сердцем и готовых биться за своего благодетеля насмерть. И случись им сойтись в реальном бою, то я бы, пожалуй, сделал ставку именно на вигилов. А ведь ещё не следует забывать и о трёх Городских когортах под командованием старого друга Тиберия, хорошо тебе известного Лукия Пизона. Да-да, старик ещё жив, хотя и пьёт так же беспробудно, как и раньше, в пору твоего пребывания в РOME. Так что: девять против десяти – даже чисто арифметически в столице перевес был на стороне Кесаря.

В свете последних событий становятся понятны и многие другие, казавшиеся ранее труднообъяснимыми, поступки и решения Тиберия. Получается, что и Лукия Аррунтия, и Лукия Ламия Кесарь держал подле себя в РOME и не отпускал их в свои провинции вполне сознательно, а не исходя из своей стариковской блажи. Он просто не был уверен в их лояльности. Тиберий, скорее всего, рассуждал так: уж лучше пусть легионы в Испании и в Сирии остаются вовсе без командования, чем под командованием человека, способного в критический момент перевернуться в стан врага.

Понятно, чего всё это время ждал Тиберий. Он копил силы и готовился.

Понятно, чего всё это время ждал Сеян. Он ждал обещанного ему Кесарем трибунства. Он ждал обещанного ему Кесарем родства. То есть он не хотел рисковать и ждал, когда власть сама упадёт ему в руки. А Тиберий умело подыгрывал ему, осыпая своего «любимца» всё новыми и новыми почестями, не скупясь на обещания и даже поспешно (ещё и месяца не прошло со дня смерти её мужа, несчастного Нерона Германика!) обручив с ним свою внучку Юлию.

Оба соперника ждали и готовились. Оба плели интриги и тайно собирали сторонников. Но старый лис обхитрил молодого. Тиберий нанёс удар первым, и этот удар оказался смертельным!

Если бы Сеян не был столь самонадеян, он бы, скорее всего, смог предугадать несчастливое для себя развитие событий. Ведь знаки были и знаки отчётливые.

Первым отголоском грома, первым предвестником бури был, пожалуй, майский отказ Кесаря от своего консульства, мотивированный якобы трогательной заботой об ожидающих своей очереди консулах-суффектах. Я писал тебе об этом. Все тоже тогда сочли этот поступок Тиберия его очередной старческой блажью. А старик, на самом деле, этим, наверняка заранее тщательно продуманным, шагом, во-первых, лишил консульской власти Сеяна, вынужденного повторить поступок Кесаря, а во-вторых, вывел в консулы своего бывшего квестора Публия Меммия Регула (да-да, того самого – Регула Везунчика! наверняка, ты помнишь этого лопухого шалопая!), преданного своему царственному покровителю до мозга костей и в итоге ставшего, по сути, судьёй и палачом Сеяна.

Второй раз гром прогремел для Сеяна в сентябре, когда из Германии, якобы на Великие игры, приехали Лукий Апроний со своим зятем Гетуликом. Оба германских проконсула покрутившись для виду пару дней в Риме и – что характерно! – не найдя времени встретиться с префектом претория, отправились к Тиберию на Капрею, откуда буквально через день спешно отбыли обратно к своим легионам. Это был знак! Верный знак. Знак того, что на главную ударную мощь всей имперской армии, на восемь германских легионов, Сеяну надеяться отныне нечего.

Был и ещё один знак. Последний. Собственно, это уже был не знак. Это уже было начало самого действия. На следующий день после октябрьских Эквиррий пилус-приорам преторианских когорт поступило высочайшее распоряжение о подготовке всего тяжёлого вооружения и походного снаряжения к Армилустрию. Что означало изъятие его из казарм и сосредоточение на складах вблизи Марсова Поля. Сеяна должно было насторожить хотя бы то, что никогда ранее, в прежние годы, ничего подобного не делалось – в день Армилустрий когорты выходили на Марсово Поле со всеми своими значками и вооружением. Но наш префект претория, похоже, и этот приказ Кесаря счёл очередной его прихотью.

В течение двух последующих дней высочайшее распоряжение было безусловно исполнено, преторианцы остались лишь при своих мечях (а когорты с IV по IX – даже без щитов!). И день накануне Армилустрий стал для Сеяна последним.

Ночью от Тиберия в Рому прибыл Макрон, имевший при себе секретное письмо Кесаря. В этом письме излагались подробные инструкции по устранению Сеяна и приказ Тиберия о назначении Макрона вместо Сеяна префектом претория. Тогда же, ночью, Макрон посетил Меммия Регула и префекта вигилов Грекиния Лакона и ознакомил их с содержанием письма.

Утром Макрон навестил Сеяна и сообщил ему, что он привёз от Тиберия послание Сенату, в котором Кесарь оповещает сенаторов о даровании Сеяну трибунских полномочий. Обрадованный Сеян поспешил на Палатин, где в Храме Аполлона его уже ожидали экстренно созванные Меммием Регулом сенаторы.

Едва Сеян вошёл в здание, Макрон предъявил преторианской охране свои полномочия и приказал им сняться с постов и следовать в казармы. Те, недоумевая, повиновались. После чего Макрон приказал Лакону оцепить Храм вигилами, а сам, передав письмо Тиберия Регулу, спешно отправился на Ивовый холм, в лагерь преторианцев, с целью предотвратить возможный бунт. Там, собрав преторианских трибунов, он известил их о своём назначении, потребовал строгого соблюдения дисциплины и пообещал всем гвардейцам щедрый донатив – по тысяче денариев каждому.

Тем временем в Сенате Меммий Регул огласил послание Тиберия сенаторам. В письме Кесарь, ссылаясь на якобы полученные от моей матери сведения, уведомлял сенаторов о заговоре. Что любопытно, Тиберий напрямую обвинил в подготовке заговора только Лукия Сея Туберона и Косса Корнелия Лентула. Сеяна же Кесарь упрекнул лишь в «опасном попустительстве», тем не менее попросив сенаторов заключить низложенного префекта претория под стражу. То есть Тиберий осторожничал даже тут. Не выдвигая против Сеяна прямых обвинений, он оставлял себе путь для отступления на случай возникновения непредвиденных обстоятельств. Однако всё прошло как по маслу. Регул спросил у сенаторов – заслуживает ли Сеян заключения в тюрьму? Кто-то из Помпеев, кажется Марк Приск, ответил утвердительно, и Грекиний Лакон тут же взял ошеломлённого Сеяна под стражу и в сопровождении Регула и других магистратов сопроводил его в Туллианум.

Весть об аресте Сеяна разлетелась по городу с быстротой молнии. Вопреки опасениям Тиберия, народ возликовал. Всё-таки Сеян и его приспешники перегнули палку с вознесением величия, а ты сам знаешь, жители Румы этого очень не любят. Что же касается преторианцев, то они, наоборот, встретили новость довольно равнодушно. Гвардейцев гораздо сильнее задело то, что их заподозрили в нелояльности Кесарю и в решительный час отдали предпочтение вигилам.

К вечеру стало ясно, что никакого бунта в городе не будет, и Регул повторно собрал сенаторов. На этот раз в Храме Согласия – поближе к Туллиянуму. Регул поставил на голосование предание Сеяна смерти, вменив ему государственную измену и покушение на убийство Кесаря. Сенаторы проголосовали единогласно. Причём, как это всегда и бывает, те, кто ещё вчера всячески превозносил и восславлял Сеяна, сегодня хулил и оплёвывал его с наибольшим жаром и рвением.

Спустя час растерзанное тело Сеяна было выброшено на Гемонии.

Ночью город не спал. Добрые горожане праздновали свержение Сеяна и с воодушевлением крушили статуи бывшего префекта претория. Статуй было много, и работы им хватило на всю ночь. Не обошлось без стычек между преторианцами и вигилами. Впрочем, ничего серьёзного.

На следующий день были казнены Туберон и Лентул. В Сенате началась склока. Бывшие лизоблюды Сеяна поливали друг друга грязью и обвиняли в самых страшных преступлениях. Причём каждый, стараясь выгородить себя, беспощадно топил других. Сходились они только в одном: во всех их прошлых и нынешних бедах повинен бывший префект претория и его сын.

Кстати, о сыне Сеяна. В ночь, когда был казнён его отец, Страбон самым таинственным образом исчез. Посланные к нему домой магистраты обнаружили только его сенаторскую тогу и до икоты перепуганную челядь. И теперь по городу ползут злоеущие слухи о том, что Страбон бежал в Диррахий к Юнию Нэву, чтобы вместе с ним поднять иллирические и мёзийские легионы и двинуть их на обидчиков своего отца. По-моему, чистейший бред. Но тем не менее по всем дорогам разосланы гонцы с приказом отловить беглого понтифика и доставить его в Рому.

А сенаторы тем временем продолжают сводить старые счёты и перемывать друг другу кости. Речь в Сенате сейчас идёт о том, чтобы выявить и покарать всех возможных участников «злодейского заговора». В том числе и за пределами РOME. Уже прозвучали имена Юния Нэва и Авла Плавтия. Как это ни странно, прозвучало имя Марка Юния Силана, хотя, насколько я знаю, у нашего африканского проконсула с Сеяном вообще не было никаких дел. Прозвучало, кстати, и имя Понтия Пилата. Так что ждите – волна от упавшей в море скалы скоро докатится и до вас.

Продолжаю через пять дней. За эти дни, мой дорогой Агриппа, у нас здесь опять происходило такого! Пожалуй, придётся снова брать чистую керу, поскольку на оставшемся месте подробно всего не изложить.

Итак. Третьего дня был пойман Страбон. Разумеется, ни в какую Иллирику он не сбежал, а прятался тут же в РOME, в доме у Публия Помпония Секунда, а точнее – у него в саду. Полумёртвого от страха юнца притащили в Туллиянуму, наскоро допросили и тут же прикончили, не известив об этом даже его мать. Апиката нашла изуродованное тело своего сына уже на ступенях Гемоний. Той же

ночью обезумевшая от горя женщина покончила с собой. Но перед смертью Апиката написала письмо Тиберию, в котором сообщила, что его сын Друз был отравлен Сеяном и его женой, то есть моей дорогой сестрицей Ливиллой. В письме приводились такие подробности, что никаких сомнений в правдивости изложенного уже быть не могло. Известие это для многих прозвучало как гром среди ясного неба. Для многих, но не для меня. Я давно подозревал, что в безвременной смерти нашего с тобой друга не всё чисто. И что, скорее всего, к этой смерти приложила руку и моя дражайшая сестрица. Да я, кажется, писал тебе об этом. Увы, мои самые дурные подозрения подтвердились. Правду говорят: нет ничего тайного, чтобы когда-нибудь не стало явным. Так и тут. Потребовалось восемь лет и смерть сына Апикаты, чтобы она наконец сообщила то, что ей было известно с самого начала и что она столько лет скрывала, уж не знаю – от страха ли перед своим мужем или в тайной надежде на вознесение к имперской власти своего сына.

Допрошенные с пристрастием по горячим следам рабы Ливиллы подтвердили её причастность к смерти сына Кесаря. В частности, один из её рабов сознался в том, что это именно он изготовил тот яд, которым был отравлен наш добрый Друз. После этого ни у кого никаких сомнений уже не осталось.

Ещё два дня ждали с Капрей решение Кесаря. Как многие и предполагали, Тиберий щадить свою бывшую невестку не стал. Нынче ночью Ливиллу казнили.

Думаю, ты догадываешься, что никаких горьких чувств по поводу смерти моей сестры я не испытываю. Мы с Ливиллой уже давно чужие люди. После смерти Друза мы и виделись-то всего несколько раз на различных официальных мероприятиях, обменявшись с ней при этом от силы десятком ничего не значащих фраз.

Кого мне больше всего жаль во всей этой напугавшей истории, так это Публия Помпония Секунда. Сразу же после того как в его саду обнаружили скрывавшегося Страбона, наши бравые сенаторы обвинили юношу ни много ни мало, а в причастности к заговору Сеяна. Особенно усердствует в обвинениях известный тебе Консидий Прокул. Он, хоть и стал претором, но ничуть не изменился с тех пор, когда надоедал нам с тобой своими убогими нравоучениями, разве что ещё больше растолстел и стал ещё более занудлив. Уж не знаю, что вызывает такое раздражение Прокула – более знатное происхождение Публия или его несомненные таланты, но вцепился он в юношу с рвением, достойным лучшего применения. Если бы дело Публия разбиралось исключительно в Сенате, то, скорее всего, никаких серьёзных последствий для юноши оно бы не возымело – слишком знатен его род и слишком шатки обвинения: ну что, скажи, кроме приятельских отношений между сыном Сеяна и Публием Помпонием Секундом можно вменить последнему? Скажу больше, я думаю, Публий, скорее всего, и не знал о том, что в его саду прячется беглый понтифик. Но беда в том, что обо всём, что касается заговора Сеяна, немедленно докладывают Кесарю. И какой вердикт на

этот раз поступит с Капреи, одному Юпитеру известно. Скорее всего, несчастного Публия, как и других «заговорщиков», ждёт Туллиянум, откуда ему останется только одна дорога – в Тибр. И это, повторяюсь, очень печально, поскольку юноша, безусловно, талантлив. Ты его не знаешь. Он из молодого поколения сенаторов, но, в отличие от подавляющего большинства этой «золотой молодёжи», хорошо воспитан и, что ещё более удивительно, начитан. И, кстати, сам пописывает и, смею тебя заверить, недурно. Я читал кое-какие его вещицы и, поверь мне на слово, мой дорогой Агриппа, если бы не вся эта гнусная история, юношу бы ждало большое будущее. Как писателя – как минимум.

Ты знаешь, дорогой Агриппа, я сейчас вдруг подумал, что этот юноша, Публий Помпоний Секунд, он ведь, пожалуй, единственный из известных мне молодых людей, который не вызывает у меня своими речами и своим поведением стойкого отторжения. Ты видел эту нынешнюю «золотую молодёжь»? Ты слышал их речи? Не знаю, как там у вас, в Палестине, а здесь в Риме вылупилось и подросло новое отвратительное племя. Это ведь просто какие-то прожигатели жизни! Ведь их же ничего не интересует по-настоящему! У них же на уме только одно: пирушки да представления. Их даже женщины не очень интересуют! Скажи, Агриппа, разве мы были такими? Да, мы тоже пили и гуляли, и просаживали последние деньги на скачках и гладиаторских боях. Но мы ведь ещё и читали! И спорили о прочитанном! И думали! И мечтали! Мы грезили о великих делах и великих свершениях! Мы мечтали о подвигах и считали смерть в собственной постели позорной. Этим же великое не интересует. У меня такое впечатление, дорогой Агриппа, что их вообще ничего не интересует, кроме одного – где бы нынче повеселее провести вечер. Откуда они такие взялись, Агриппа, ответь мне? Или, может, это мы с тобой постарели, мой дорогой друг? Может, это мы закоснели, перестали реагировать на всё новое, стали занудливыми старыми пердунами?

*Послушай! Нашёл сейчас у Гесиодоса в его «Трудах и днях»:
Дети – с отцами, с детьми – их отцы сговориться не смогут.
Старых родителей скоро совсем почитать перестанут;
Будут их яро и зло поносить нечестивые дети
Тяжкою бранью, не зная возмездья богов; не захочет
Больше никто доставлять пропитанья родителям старым.
Правду заменит кулак...
И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохранитель,
Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
Станет почёт воздаваться. Где сила, там будет и право.
Стыд пропадёт. Человеку хорошему люди худые
Лживыми станут вредить показаньями, ложно кляняся.
Следом за каждым из смертных несчастных пойдёт неотвязно
Зависть злорадная и злоязычная, с ликом ужасным...*

Каково?! Семь веков назад написано, а ведь как будто про наши дни! А последние строки – так прям точнёхонько про наш сегодняшний Сенат!

Только что ушёл Гней Домитий Агенобарб. Сидел у меня три часа, пил вино и жаловался мне на свою жену – мою племянницу. Агриппина, видите ли, не желает с ним спать, и он вынужден пользоваться услугами рабынь. Просил поговорить с племянницей. Мол, она меня уважает и потому послушает. Послал его куда подальше. Сначала он регулярно насилует свою малолетнюю жену, а потом удивляется, что она отказывается делить с ним супружеское ложе. Надо же быть таким боровом!

Кстати, у меня с моей Петиной тоже всё как-то перестало складываться. Характер у неё после родов совершенно испортился. Ссоримся всё время по пустякам. Последний раз разругались с ней в сентябре. Собирались ехать вместе в Рому на Великие игры, в результате я уехал один, а Петина с дочкой остались на вилле в Кампании. И что характерно, мой дорогой Агриппа, возвращаться обратно в Кампанию мне почему-то совсем не хочется. Видимо, всё, жизнь наша супружеская подходит к концу – разбитый кувшин не склеишь.

От прихода Гнея Агенобарба была определённая польза – от него я узнал, что послезавтра из Остии напрямиком на Кесарию Палестинскую уходит корабль. Из моих знакомых плывёт Лар Экус. Это клиент Мамерка Эмилия Скавра. Письмо передам с ним.

С ним же отправлю и серебро. Сто тысяч денариев. Сумма значительная, пришлось поднапрячься и даже немного занять. Но я подумал, что до весны я тебе больше ничего переправить не смогу, поэтому пусть лучшие серебра будет побольше, чтоб тебе хватило на обмен на всю зиму.

P.S. И отправляю тебе свои новые книги из «Истории этрусков». Как всегда, буду рад непредвзятому отзыву.

Скол шестой
Палестина. Хиеросолим – Кафарнаум – Кесария
DCCLXXXV ab U. c., Aprilis-Augustus-December

1

Советник Паквий выглядел уставшим.

– Проходи, прим. Присаживайся, – кивком головы пригласил он Кефу и, осторожно откинувшись на спинку кресла, скрестил руки на груди. – Слушаю тебя.

В кабинете советника было, как всегда, жарко и отчётливо припахивало дымком – в углу потрескивала свежими угольками большая низкая жаровня.

Кефа уселся на предложенный стул и, развязав тесёмки, скинул с плеч пыльный плащ.

– Трибун, я ничего не понимаю! – немного нервно начал он. – Куда вы все пропали?! Где Йешу?! Где префект?! Что, в конце концов, вообще происходит?! Почему люди Ханана ведут себя так, как будто в Хиеросолиме больше нет, понимаешь, романской власти?! Почему членов нашей общины практически перестали пускать в Храм?!

Паквий, не перебивая, выслушал Кефины вопросы, помолчал, а потом вяло разлепил губы:

– Что происходит?.. Ничего хорошего, прим, не происходит. У нас большие неприятности... Какие – тебе, в общем-то, знать не обязательно. Скажу одно, В РOME значительные перемены... И не в пользу нашего префекта... Пилата вызвали в Сенат. На мартовские иды он отплыл из Кесарии в Рому. Когда он вернётся... – советник пожевал губами, – и вернётся ли вообще – неизвестно.

– Это что, дело рук Ханана?

Паквий покачал головой.

– Нет. Ханан здесь ни при чём. Там свои дела... Очередной делёж власти.

– Понятно... А Йешу?

– А что Йешу, – советник пожал плечами. – Йешу в Кесарии... Пока... Во всяком случае, уезжая, префект никаких распоряжений на его счёт не сделал. По-моему, Пилат про него просто забыл.

– Забыл?!.. – Кефа в смятении подёргал себя за бороду. – А как же?.. Ну да... То есть, я так понимаю, первосвященником рабби уже не быть?

Паквий устало потёр лицо ладонью.

– Давай не будем забегать вперёд, прим. Хорошо?.. Возможно, ещё не всё потеряно. Возможно, префект ещё вернётся из Ромы... живым и здоровым... Он ведь однажды уже ездил на слушанья в Сенат... – советник вздохнул. – Правда, надо признаться, в тот раз всё было не настолько серьёзно... Но я повторюсь, возможно – возможно! – ещё не всё потеряно. Случаи бывали. И не раз... Так что, если он вернётся, проект под названием «Приход Машиаха» ещё вполне может быть реализован.

– Мне кажется, трибун, – медленно произнёс Кефа, – ты сам не очень-то веришь в сказанное.

– А какая тебе разница, прим, верю или не верю я в сказанное?! – несколько раздражённо отреагировал Паквий. – Ты делай своё дело! А я буду делать своё!.. Ты пойми, – уже более спокойно, примирительно сказал он, – сейчас такая неразбериха! Что в РOME, что у нас... Проконсула нет. Префекта нет. Лукия Кезённия Пета из Двенадцатого «Молниеносного» тоже отозвали в Рому, а в Шестом «Железном» легата нет ещё с прошлого года. Так что из четырёх легатов на месте сейчас только один – Гай Стертíний Мáксим из Третьего «Галльского». Да и того никогда не найдёшь в его резиденции в Рафанее. Вечно он торчит где-то в Трахонитиде, на восточной границе, поскольку парфяне-кочевники ему не то что спать спокойно, они ему до ветра спокойно сходить не дают... – советник махнул рукой, после чего положил ладони на подлокотники и снова вздохнул. – Так что давай не будем торопить события, прим. Надо выждать... Надо уметь ждать.

– Но нам-то что делать?! – Кефа подался вперёд. – Ханан совсем обнаглел! Он распорядился, чтоб людей нашей общины не пускали в Храм! Это как?!

Паквий поморщился.

– Успокойся... Уверю тебя, это всё временно. Ханан побесится и успокоится. Пусть он думает, что для него и для Каиафы всё обошлось. Пусть пока радуется... Ты мне лучше вот что скажи, меняльные столы работают исправно? На них Ханан не покушается?

Кефа повёл плечом.

– Да вроде нет. Работают себе... Деньги я тоже исправно передаю твоим людям. Ну, не я лично, у меня этим Стёфанос занимается.

– Грек?

– Да. С Кипра. Лет десять назад перебрался в Йерушалаим. Я, вообще, на столы только греков поставил. У них, понимаешь, деньги к рукам не так сильно прилипают.

– Понятно... Ну, и как этот твой Стефанос, справляется?

– Не то слово. У него каждая прута на учёте. Я бы так не смог.

– Хорошо... – советник побарабанил пальцами по подлокотнику. – Ты смотри, сейчас будь повнимательней. Ханан, пока префекта нет, попробует отыграть всё назад. Особенно то, что касается меняльных столов. Так что Стефанос Стефаносом, но контролируй всё сам. Деньги должны поступать регулярно. Если профукаем с тобой столы, префект, когда вернётся, головы нам снимет. Так что, ежели какие проблемы – сразу ко мне.

– Куда? – усмехнулся Кефа. – В Кесарию?

– М-да... – Паквий потёр гладко выбритый подбородок. – Тоже ведь проблема... Ладно, у тебя есть связь через попину Адина Горбатого, так что, если что-то срочное, сообщай через связника. Дня через два-три я буду знать.

– Я понял, – кивнул Кефа.

– Да, вот ещё что... – советник отлепился от спинки кресла и, поморщившись, придвинулся к столу.

– Спина? – сочувственно спросил Кефа.

– Будь она неладна! – сквозь зубы подтвердил трибун. – Второй день изводит!.. Где ж эта писулька?!.. – он принялся раздражённо рыться в бумагах, которыми был сплошь завален стол. – А! Вот!.. – советник вытащил из-под кипы свитков один из папирусов и разгладил его ладонями. – Вот она... Это, кстати, опять к разговору о Ханане. Значит, смотри, мне тут доносят, что... что... Ага! Вот. Что некий... э-э... Хананья бар-Танхум, который живёт со своей женой в Топорном переулке в бывшем доме Рама Стеклодува... Это ведь ваш дом?

– Да, – подтвердил Кефа. – Нашей общины. По осени купили. И Хананью, кстати, я знаю. И жену его, Шаппиру. Очень приветливая пара. И набожная. Они к нам в общину совсем недавно пришли. Всего месяца три назад. Пешком шли, аж из Сидона, представляешь? Дом там свой продали, землю и к нам пришли.

– Из Сидона, говоришь. Ну-ну... – Паквий криво улыбнулся и снова склонился над папирусом. – Так вот, мне доносят, что этот самый Хананья бар-Танхум регулярно, как минимум раз в неделю, бывает в доме первосвященника Каиафы...

– Что?! – изумлённо задрал брови Кефа.

– Да-да! – кивнул Паквий. – Ты слушай!.. Значит, приходит он к первосвященнику обычно рано утром, на рассвете, находится в его доме недолго, четверть часа, полчаса от силы, и потом возвращается напрямик домой, в свой Топорный переулок, – советник поднял глаза. – Это тебе ни о чём не говорит?

Кефа выставил ладонь.

– Погоди, трибун! Я не понял, вы что... следите за нами?

– Мы следим за Каиафой, – успокоил его Паквий. – Этот Хананья попал в наше поле зрения совершенно случайно. Просто однажды обратили внимание: ходит человек к Каиафе, как на работу... Так что ты скажешь по этому поводу?

– Завтра же погоню из общины! – заиграл желваками Кефа. – Поганой метлой! Чтоб даже духу не было!..

– Ты погоди, – остановил его советник. – Не горячись. Прогнать ты его всегда успеешь.

– А что же мне с ним делать, если не прогонять?! – возмутился Кефа. – Он, небось, доносы на всех нас строчит Каиафе, а я с ним после этого, понимаешь, целоваться должен?!

– Целоваться с ним не обязательно, – терпеливо возразил Паквий. – Но и гнать не надо спешить. Ты лучше попробуй использовать этого Хананью против его хозяина. Против Каиафы. Ну и, разумеется, против Ханана, поскольку, я уверен, все доносы в конце концов стекаются именно к нему. Так что гнать не спеши, а попробуй с ним поиграть.

Кефа прищурился.

– Это как?

– Это так, – советник сцепил пальцы и, положив руки на папирус, внимательно посмотрел на Кефу, – Поговори с ним. Разумеется, один на один. Скажи, что всё про него знаешь. Припугни.

Как следует припугни. И предложи работать на себя. Пусть он по-прежнему доносит на вас Каиафе. Но пусть он теперь доносит то, что ты ему скажешь. То, что выгодно тебе... Понял?

Кефа задумчиво пошкрябал в бороде.

– Хитро...

– Кстати... – советник, вновь порывшись на столе, извлёк на свет ещё один документ. – На самом деле, этот Хананья вовсе не из Сидона. Это он вам наплёл. На самом деле он из Лода. Был там младшим писарем при таможене... И дом свой в Лодде он не продавал. Полагаю, Каиафа его попросту нанял. Ну, или пообещал что-то. Может, должность какую при Храме пообещал. Или долги его заплатить – долги у этого Хананьи в Лодде остались. Приличные, кстати, долги. Ну, или ещё что-нибудь. Собственно, это уже мелочи, это для дела не столь важно.

– Да-а... – протянул Кефа. – Правду говорят: век живи – век учись. Никогда бы не подумал. Такая, понимаешь, дружная пара. Погоди! Так что, может, и жена его ему не жена? Шаппира эта.

– Нет, тут всё верно. Шаппира – его жена. Детей у них, правда, нет, а так – всё нормально... Кстати, жену его тоже возле дома Каиафы видели... – Паквий вновь заглянул в бумагу. – Видели её там... третьего дня и... да, и на прошлой неделе.

– Всё верно, – Кефа грустно кивнул. – Хананья уже вторую неделю болеет... Значит, получается, и жена его в доле.

– А что, – хмыкнул советник, – хорошая пара. Как ты говоришь, дружная. Иными словами, у повара обе руки в тесте.

– Не сдержусь, – пообещал Кефа. – Ей богу, не сдержусь! Набью я ему всё-таки морду. Терпеть не могу, когда крысятничают!

– Спокойней, прим, спокойней... Не он первый, не он последний. Ты влез в жёсткую игру, прим. Так что поменьше эмоций, а побольше... Головой, короче, думай. В таких делах голова должна быть на первом месте. Дураки тут не нужны. Дураки проигрывают сразу.

– Ладно, трибун... – Кефа посопел носом. – Пусть будет по-твоему. Поиграем... Не люблю я, понимаешь, все эти игры, ещё с Нумидии не люблю, но... раз уж всё так сложилось. Пусть будет по-твоему.

– Ну и хорошо... – кивнул Паквий и снова осторожно откинулся в кресле. – У тебя что-нибудь ещё?

– Нет... Пока нет, – Кефа, поняв, что аудиенция закончена, поднялся и, сняв со спинки стула свой плащ, повесил его на руку. – Трибун?

– Я пробуду в Хиеросолиме ещё недели три, – сказал советник. – Так что, ежели что – заходи, не стесняйся... Бэни!

В дверном проёме возник сложенный пополам слуга.

– Господин?

– Проводи... – Паквий кивнул на Кефу. – И готовь терму.

– Терма готова, господин. Всё, как господин любит... Девочек в терму прислать?

Советник, кряхтя, поднялся.

– Не надо... Не до девочек мне сейчас... Попидий на месте?

– Да, господин. Вчера прибыл.

– Пошли за ним. Пусть приходит в терму. Пусть возьмёт глину и... что там ещё? Мазей каких-нибудь. Короче, скажи, спина у господина опять болит.

– Да, господин.

Они вышли в коридор.

– Ступай, прим, – кивнул Кефе советник. – Бэни проводит тебя.

Он повернулся и, держа спину очень прямо и чуть прихрамывая на правую ногу, медленно пошёл вглубь здания. Слуга дождался, когда его хозяин скроется за углом, а потом повернулся к Кефе.

– Дорогу найдёшь, не заблудишься?

Кефа удивлённо посмотрел на него.

– Тебе ведь, кажется, приказали меня проводить.

– Некогда мне. Дел по горло... – гордо подняв голову и надменно поджав губы, ответил Бэни; Кефа только сейчас заметил, что слуга очень высок – по крайней мере на полголовы выше его самого. – Короче, ступай прямо, – Бэни указал рукой, – в конце коридора свернёшь налево и потом опять всё время прямо, а там уже...

Кефа двумя пальцами несильно ткнул его в солнечное сплетение.

– Не хаами, раб, – ласково сказал он согнувшемуся пополам слуге и, приподняв его за шкуру, заглянул в побагровевшее лицо с выпученными глазами и беззвучно разъявленным, слюнявым ртом. – Не надо хамить, раб. Сказали – сделай. А хамить, раб, – не надо... Понял меня?

Слуга мелко закивал.

– Ну и хорошо... – Кефа, ещё раз с удовольствием тряхнув Бэни за шкуру, наконец отпустил его и отступил на шаг. – Ну, показывай, куда тут у вас надо идти? Прямо?..

– Уби-и-или!! Господи, они убили его!!.. Уби-и-или!!..

Кефа, Андреас и Эльзар, не сговариваясь, вскочили на ноги и бросились на крик.

Перед домом, прямо в пыли, стояла на коленях простоволосая растрёпанная Марта и, обхватив голову руками, страшно кричала:

– Уби-и-или!!..

Из глубины сада уже бежали Натан с Пилипом. Из-за дома выскочила перепуганная Мирьям.

– Что?!.. Что случилось?!

– Марта! Что?!..

– Кого убили?! Марта!..

– Уби-и-или!! – продолжала завывать Марта. – Стефаноса убили!!.. Родненького моего!!..

Кефа упал перед женщиной на колени и схватил её за плечи.

– Что?! Повтори!! Кого убили?! Стефаноса?! Нашего Стефаноса?!

– Да... – закивала женщина; слёзы ручьями текли по её искажённому лицу. – Там... – она повела рукой. – Убили... Стефаноса.

Она судорожно всхлипнула и вдруг обмякла и, уронив голову на грудь, стала заваливаться вбок. Кефа подхватил её и беспомощно оглянулся.

– Эльзар! Пилип! Помогите! Давайте её в дом!..

Стукнула калитка.

– Дод Кефа!.. Дод Кефа!..

К ним подбежал запыхавшийся Йохи. Юноша был до синевы бледен, тонкие губы его дрожали.

– Дод Кефа!.. Там... Стефаноса убили!

– Кто?!.. – Кефа передал Марту на руки её брату и, поднявшись, шагнул к Йохи. – Ты видел?!

Тот закивал.

– Да!.. Видел!.. Да!

– Ну!..

– Это... эти... стража! Храмовая стража! И эти... другие! Он спорил с ними! Дод Кефа, он спорил с ними! А они... А они убили его!..

– Подожди!.. – Кефа обнял Йохи за плечи, того ощутимо трясло. – Подожди!.. Натан, принеси воды! Идём! – он увлёк юношу за собой, в сад. – Идём, присядешь... Не спеши. Сейчас мы присядем, и ты расскажешь всё подробно, с самого начала. Хорошо?

– Да...

Прибежал Натан. Кефа взял у него кувшин и передал Йохи.

– Пей!.. Осторожно, крепко держи...

Йохи схватил сосуд и стал жадно пить, гулко глотая и проливая воду себе на грудь.

– Напился?.. – Кефа принял у юноши кувшин, плеснул себе на руку и обтёр Йохи потное горячее лицо и шею. – Теперь садись. Вот сюда... Садись и рассказывай. Всё рассказывай. Подробно.

– Мы... Мы в Храме были... – начал юноша, утираясь рукавом. – Ну... я и Аврахам с Хлебной улицы, и Михá... и... ещё там... ребята... – он судорожно вздохнул. – А Стефанос-то, он, как обычно, за столом своим стоял. Там. В Царской Базилике. Деньги менял... А мы-то, значит, недалеко были. В Портике Шломо... Ну... вот... А потом у Стефаноса с каким-то дядькой разговор нехороший получился... Они... это... кричать стали друг на друга...

– Подожди, – прервал юношу Кефа, – с каким дядькой? Ты знаешь его? Раньше видел?

Йохи замотал головой.

– Нет. Не знаю... Волосатый такой. И... это... глаза навывкате.

– Ну, ладно. Давай дальше. Кричали они друг на друга. И что?

– Ну... кричали... А потом дядька-то этот, волосатый, он стал стражников звать. А когда они пришли, он сказал, что Стефанос – богохульник и что он не чтит пророков и ругает Храм. А какой же он богохульник-то, дод Кефа?! Он же завсегда первым на молитву встаёт! И Закон соблюдает!..

– Подожди! – сказал Кефа. – Дальше что было?

– Ну... – Йохи опять судорожно вздохнул. – Взяли они Стефаноса-то. Стражники. Взяли и повели. А эти... другие... сразу-то стол опрокинули и деньги стали хватать...

– Подожди, – опять остановил юношу Кефа. – Эти, это кто?

– Ну... Другие. Люди, в общем... Толпа. Повалили всё... Наши-то, Тимон и... эти... менялы, сами хотели всё собрать, да куда там. Толчея такая!..

– Понятно, – кивнул Кефа. – Ну, а со Стефаносом что? Ты видел, куда его повели?

– Видел, – кивнул Йохи. – Туда... Ну... вокруг Женского двора и... в эту... в Палату Камней. Я-то, конечно, следом пошёл. Я пошёл, и ещё Аврахам. Но нас туда не пустили, так я тогда под дверью встал и... это... слушал... Ну... слышно-то плохо было... поначалу-то. А потом они кричать стали...

– Кто?

– Ну... все... В Палате Камней... Они на Стефаноса кричали, а он на них...

– Что кричали? Ты слышал?

– Ну... эти... козны-то, они кричали, что Стефанос-то Мошэ не чтит, Храм не чтит. Что он – богохульник. И ещё про Храм что-то...

– А Стефанос?

– А Стефанос-то, он кричал, что сами они богохульники, что Бог не в том храме живёт, что руками построен, а в том, что духом святым построен...

– О Господи!.. – прошептал за спиной у Кефы Андреас. – Воля твоя!..

– А потом, – продолжал юноша, беспокойно шаря глазами по их лицам, – я смотрю – выводят его, Стефаноса-то. А руки-то у него за спиной связаны. И это... и повели его. Прямо на выход из Храма и повели. Через Врата Милосердия... А сзади-то... этот... носатый бежал... как его... Мордехай. Бежал и кричал, что, вот, поймали богохульника, что он... это... Закон не чтит, пророков не чтит, Храм Божий поносит... Ну... Люди его тут же бить стали, Стефаноса-то. Лицо ему в кровь разбили. И это... здесь, сзади, на затылке... Ну, тут-то меня оттеснили совсем. Я и не видел-то дальше ничего толком. Видел только, в воротах давка была... Крик... Не Стефанос кричал, не. Эти... Толпа... Ну... Потом как-то стихло всё. Я когда за ворота выбрался-то, смотрю – нет уже никого. Ни Стефаноса, ни... этих. Симлу только его, смотрю, Стефаноса-то, двое калек делят. А потом смотрю... – юношу опять затрясло. – Смотрю... лежит он... Внизу... Под лестницей... Вот так... Руки раскинул и... и... неживой совсем... – глаза Йохи набухли слезами, он всхлипнул и закрыл ладонями лицо.

Кефа тяжело поднялся.

– Значит, игры вам?! – зло и непонятно сказал он вполголоса. – Эмоций, значит, поменьше?!.. Ладно, будут вам игры!

Он повернулся и, сильно ссутулившись, обхватив левое плечо правой рукой, двинулся к воротам.

– Кефа! Эй! – окликнул его Андреас. – Ты куда? Стефаноса же надо забрать... Хоронить же надо.

– Да, – не оборачиваясь, кивнул Кефа. – Да, займись... Заберите его.

– А ты?

– А я... – Кефа, не останавливаясь, зло сплюнул себе под ноги. – Я к вечеру буду... Мне, понимаешь, в одну игру доиграть надо...

Кефа собрал общину в старом доме Накдимона. Разумеется, пришли не все, даже просторный двор дома на улице Роз всех бы уже не вместил – количество членов общины давно перевалило за тысячу, и община всё продолжала расти. Люди всё приходили, правда, не так интенсивно как прошлым летом и осенью, но шли. Кефа уже многих не знал – многих принимали и расселяли Андреас, Шимон, Пилип, другие старожилы – апостолосы (некогда шутовское прозвище, придуманное Андреасом, прижилось и теперь являлось чуть ли не официальным званием первых учеников рабби-галилеянина). Все они, вся «старая гвардия», были сейчас здесь, все расположились рядом с Кефой: по обыкновению молчаливый Натан; задумчивый Андреас; надёжный Пилип, озабоченно хмурающий свои редкие рыжие брови; постоянно что-то жующий

Леви; горячий Тома, уже успевший затеять очередной спор с вечно недовольным Шимоном; сидящие плечом к плечу и вроде как дремлющие «братья громовы»; ещё двое братьев – Коби и Тадай, о чём-то тихо беседующие между собой, и занявший место предателя Йехуды, крайне набожный Мати, даже сейчас, судя по шевелящимся губам, читающий очередную молитву.

Солнце стояло высоко, время было полуденное, но жарко не было – поднявшийся с утра свежий северо-западный ветер не давал раскалиться земле, выгонял из-под деревьев скопившийся там зной, продувал переулки и замкнутые высокими заборами клетушки дворов. В воздухе, пронзительно посвистывая, чёрными молниями носились стрижи.

– Ну что, будем начинать? – оглянувшись на Кефу, спросил Андреас.

– Да, пожалуй.

Кефа ещё раз оглядел собравшихся. Да, многих он уже не знал. Многие лица были вроде бы знакомыми, но вспомнить их по имени Кефа бы уже, пожалуй, не смог. Он обратил внимание, что среди присутствующих достаточно много молодых. Это его порадовало – значит, у общины есть будущее, значит, учением Йешу интересуется не только одно заскорузлое старичье.

Кефа повернулся к Пилипу.

– Как там Йохи?

Тот кивнул.

– Слава Богу. Вроде всё хорошо. Он сегодня уже вставал. Там за ним Мирьям-старшая присматривает.

После всего пережитого с Йохи случилась горячка, и Кефа изрядно беспокоился за впечатлительного юношу.

Кефа встал и поднял руку.

– Друзья мои!.. Братья и сёстры!..

Все лица обратились к нему. Над собравшимися повисла тишина, лишь подчёркиваемая лёгким шелестом деревьев и пронзительными посвистами рассекающих небо стрижей.

– Друзья!.. Вы все уже, конечно, знаете о том, что произошло. Вчера мы похоронили троих членов нашей общины. Праведного Стефаноса, о котором мы ещё долго будем скорбеть... И несчастного Хананью с его женой Шаппирой... Господь шлёт нам испытания, братья и сёстры! Господь проверяет нашу стойкость и нашу веру! И только прошедшие через эти испытания, только отвергнувшие, понимаешь, искушения дьявольские, достойны будут лицезреть грядущего Спасителя! Достойны будут рука об руку с ним вступить в Царство Божие!.. Друзья! Грядут тяжёлые времена. Враги учителя нашего, богоизбранного Йешу, погубившие его на кресте, ополчились теперь и на нас. Имя учителя нашего вызывает у них изжогу и скрежет зубовой. Они клеветают на сына Божьего! Они клеветают на нас... Наш брат Стефанос, чтивший всю жизнь Закон и праведностью своею служивший примером многим и многим, был обвинён в ереси и богохульстве! Лживые и алчные, извратившие, понимаешь, веру и сделавшие святой Храм своей кормушкой! Лживые и алчные, толкующие в свою пользу Закон, дарованный всем нам Господом нашим через пророка Мошэ! Это они, убившие в своё время учителя нашего! Это они, обменявшие жизнь сына Божьего на жизнь разбойника и убийцы! Теперь они сами стали убийцами! ОНИ убили нашего Стефаноса!..

Ропот прокатился по рядам слушавших.

– Отомстим! – взметнулся из-за спин сидящих чей-то кулак. – Отомстим убийцам!

Кефа снова поднял руку.

– Нет, братья мои! Нет!.. Бездумный гнев и месть суть искушенья дьявольские! Подумайте, братья, не этого ли хотят наши враги?! Не этого ли хотят убившие Стефаноса?!.. Если мы ответим кровью на кровь, если мы уподобимся врагам нашим, велика ли нам цена? Отнимая жизнь, дарованную Богом, не идём ли мы против Бога?! Не уподобляемся ли мы худшим из худших, попирающим, понимаешь, Закон и учения пророков?!.. Братья и сёстры! Вспомните, что говорил нам учитель наш рабби Йешу! Он говорил и учил нас: не противься злему. И ударившему тебя в правую щёку подставь и левую. И желающему отнять у тебя симлу отдай и рубаху свою. И с принудившему тебя идти с ним миль пройди два миль. И это правильно, братья и сёстры! Ибо только Господь вправе судить поступки людские! Ибо только Господь всё содеянное нами будет судить на суде Своём властью Своей! А нам остаётся терпеть! Терпеть, братья, ибо только пред терпеливыми и кроткими откроются врата Царства Божьего! Ибо только на праведных, на не поддавшихся искушениям дьявольским, на не запятнавших, понимаешь, свои одежды прольётся благодать Господня!..

Он замолчал и оглядел слушавших. Люди глядели на него с ожиданием и надеждой.

– Братья и сёстры! Друзья! Сказавши о смерти Стефаноса, я не могу не сказать и о смерти Хананьи и жены его Шаппиры. Я мог бы умолчать о правде, ибо правда горька. Но я считаю, что вы должны знать эту правду. Ибо лучше испить горькую чашу истины, чем пережёвывать, понимаешь, сладкую жвачку лжи... Слухи о смерти Хананьи и его жены уже поползли по городу. Слухи эти неверные и лживые. Они порочат нашу общину, а значит, они порочат имя учителя нашего, рабби Йешу! Слухи эти будут множиться, ибо они выгодны врагам нашим! Слухи эти будут множиться, ибо они произрастают на лжи и питаются неведением. И только правда, как бы горька она ни была, сможет противостоять этим слухам!.. Друзья мои! Мне горько говорить об этом, но... Но смерть праведного Стефаноса и смерть Хананьи и жены его – это... Это две разные смерти... Ибо праведный Стефанос умер за веру. Его погубили враги... Хананья же... А Хананью сгубила жадность... Друзья!.. Друзья!.. Я знал, что сказанное мною возмутит и расстроит вас. Но послушайте!.. Выслушайте правду, как бы ни горька она была!.. Хананья пришёл в нашу общину недавно. Он пришёл к нам в общину и, как многие, принёс нам деньги, вырученные от продажи своего дома и своей земли. Никто не неволил его. Никто, понимаешь, не требовал с него этих денег. Он принёс нам деньги по разумению и желанию своему. Но... Но оказалось, что он принёс нам не все деньги. Что часть денег он и жена его утаили от нас. И это на совести Хананьи. Я не осуждаю его, ибо, как я говорил, мы не вправе судить дела и поступки людские. На это есть Бог и суд Божий. Но всё дело в том, братья и сёстры, что Хананья... Что он обманул не нас. Отдавая деньги в общину, он отдавал деньги не мне. И не вам. Он отдавал деньги Богу. А значит, утаив деньги от общины, от утаил их от Бога. Он солгал Духу Святому! Он захотел обмануть Бога, наивный Хананья!.. И Бог покарал его!.. Многие из сидящих здесь видели, как умер Хананья. Как он пал бездыханным, едва узнал о том, что обман его раскрыт... И так же вскоре пала бездыханной и жена его Шаппира. Бог им судья!.. – Кефа перевёл дух. – Братья и сёстры! Друзья мои! Как я говорил, Господь шлёт нам испытания. И нам надо их претерпеть! Ибо, как говорится в Писании устами праведного Ийóва: неужто только доброе мы принимать будем от Бога, а злого не будем принимать? Нет, братья и сёстры! В любви и смиренье нам следует ожидать Царства Божьего! В любви и смиренье, как учил нас наш богоизбранный рабби Йешу! Рабби видит нас! Восседая на троне небесном одесную Господа нашего, он видит и слышит каждого из нас! И он говорит нам: скрепитесь сердцем, дети мои! Скрепитесь сердцем и укрепитесь в вере! И я приду!.. Братья и сёстры! Уже близок приход Спасителя! Уже поступь его слышна и дыхание его разносится, как благоуханный ветер с цветочных полей! Узрим же грядущего Помазанника Божьего! Узрим его светлый лик и улыбку его! Грядёт Царствие Небесное! Грядёт присный Век Золотой!..

Вечером того же дня Кефу арестовали. Не меньше двух десятков человек из храмовой стражи во главе с сотником вломились в дом Эльазара в Бейт-Энье перед самой вечерней молитвой, изрядно смутив и напугав всех обитателей дома. Что удивило Кефу, так это присутствие при аресте двух легионеров, которое, как понял Кефа, должно было придать действиям стражников, не имеющих права на задержание романского гражданина, некую законность. Легионеры были бородатые – из местной охранной когорты. Они прятались за спинами стражников и явно чувствовали себя не в своей тарелке. Тут же крутились и люди Ханана – крепкие высокие парни в одинаковых тёмно-синих накидках. Кефа благоразумно не сопротивлялся.

Его доставили в тюрьму на площади Антониевой крепости. Здание тюрьмы располагалось в простенке между юго-восточной башней крепости и северной стеной Храма. Расположение кутузки отражало её суть: здесь в преддверии суда содержали евреев, нарушивших романские законы и романских граждан, нарушивших законы еврейские. Охраняли узников всё те же бородатые легионеры, набранные, в основном, из жителей Йехудеи и Шомрона.

Кефу заперли в одиночной камере без окон и оставили в покое. Спустя какое-то время угрюмый неразговорчивый стражник принёс ему половину чёрствой лепёшки и кувшин воды.

В камере было темно и сыро. Свет через маленькое зарешёченное окошко в двери проникал из коридора, где возле табурета, на котором сидел охранник, неярко горела небольшая масляная плашка. Никаких нар или хотя бы дощатого настила в камере не было, и Кефа пожалел, что не догадался захватить с собой свой легионерский шерстяной плащ. Покрутившись по камере, как пёс, выбирающий себе место для ночлега, Кефа в конце концов кое-как пристроился в углу, обхватив согнутые колени руками и положив на них подбородок. Сидеть было жёстко. Холодило

спину. Холодило задницу. Борода загибалась и лезла в нос. В камере гнусно пахло плесенью и застарелой мочой...

Его разбудил стук открываемого засова.

Дверь распахнулась, в камере стало светлее, но тут же весь дверной проём загородила массивная фигура.

– На выход, арестант, – прогремел под каменными сводами насмешливый голос опциона Кальва...

Несмотря на глубокую ночь, советник Паквий сидел за столом в полной парадной боевой форме: при тораксе и в ниспадающем с плеч на пол плаще трибуна-ангустиклавия – белоснежном с узкой пурпурной каймой. Благородно отсвечивающий узорчатыми золотыми накладками шлем лежал тут же, прямо на многочисленных бумагах, которыми был завален стол.

– И всё-таки ты не послушался меня, прим! – вместо приветствия упрекнул советник вошедшего в кабинет Кефу. – Я же тебе говорил, не трогай Хананью!

– Они убили нашего брата, – угрюмо глядя на трибуна, сказал Кефа.

– И что?! – вскинул голову Паквий. – И что с того?!.. Не он первый, не он последний! Ханан объявил нам войну! А на войне, между прочим, погибают люди! Тебе ли не знать этого?!.. Я ведь говорил тебе: эмоциям здесь не место. Если уж ты ввязался в эту игру, играй хитро, играй расчётливо, играй с головой... Я ведь говорил тебе: умеи ждать. Ты же разведчик! Умеи затаиться и ждать. Умеи подпустить врага поближе. Дай врагу раскрыться, подставиться. И только тогда бей!..

– Они убили Стефаноса, – упрямо повторил Кефа.

Советник пожевал губу, вздохнул и бесцельно провёл рукой по гребню лежащего на столе шлема.

– Ладно... – наконец сказал он. – Что было, то было. Назад не вернёшь... Как говорит Лукий Сэнека: человеку свойственно ошибаться... Теперь вот что... Я на рассвете уезжаю в Кесарию. Дела. Рассчитываю, вернуться в Хиеросолим к празднику, но... Кто знает, может, и не получится... Тебе оставаться в городе опасно. Ханан объявил на тебя охоту. Сегодня я тебя вытащил, но в следующий раз могу просто не успеть. Так что тебе тоже лучше уехать... Если хочешь, поедем со мной.

– В Кесарию?

– Да.

– И что я там буду делать?

Паквий пожал плечами – торакс на нём приподнялся и коснулся ушей.

– Не знаю. Будешь в тали играть со своим другом Йешу... Найдёшь, чем заняться. Хочешь, создай в Кесарии новую общину. А что, у тебя это очень даже неплохо получается. А хочешь, поступай на службу в легион. Я тебе говорил, место кентуриона я тебе всегда обеспечу.

Кефа покачал головой.

– Нет, трибун. Я лучше вернусь к себе в Галилею. У меня там дом, у меня там сфина... У меня там сын.

– Ну, как знаешь, настаивать не буду... Просьбы, пожелания есть?

Кефа задумчиво погладил бороду.

– Что будет с общиной?

Советник снова пожал плечами.

– Да ничего с твоей общиной не будет. Ханану я хвост слегка прищемлю. И за Стефаноса вашего, и за твой арест. И особенно, за меняльный стол. Так что в ближайшее время он на вашу общину пасть разевать не станет. А там, глядишь, и префект вернётся... – Паквий вздохнул. – Если, конечно, вернётся... Так что езжай спокойно в свою Галилею. Лови рыбу и занимайся сыном. Надеюсь, всё образуется и мы с тобой ещё встретимся в Хиеросолиме. Короче, если что-то здесь изменится к лучшему, я дам тебе знать. Да?..

Кефа промолчал. Советник снова задумчиво провёл пальцем по гребню.

– Кто тут останется за тебя? Твой брат? Как его? Андреас, кажется?

Кефа, подумав, кивнул.

– Да... Пусть он.

– Хорошо... Что-то ещё?... Ну, если нет... – Паквий оперся руками на стол и медленно поднялся. – Кальв!

Дверь распахнулась, и под притолоку заглянул опцион.
– Трибун?
– Дашь ему коня, – советник кивнул на отставного прима. – И подорожную. До... Куда тебе?
– спросил он у Кефы.
– В Кафарнаум.
– До Кафарнаума. В подорожной отметь, что конь казённый... Коня вернёшь, – опять повернулся к Кефе Паквий. – У вас там в Кафарнауме гарнизон какой есть?
– Нет, – помогал головой Кефа. – Ближайший – в Хоразине. Манипула и турма от Двенадцатого легиона.
– Далеко это от вас?
– Стадиев тридцать.
– Рядом. Ну вот, туда и вернёшь. Понял?
Кефа кивнул.
– И дай ему меч, – советник снова указал опциону на Кефу. – А то мало ли чего...
– Его меч где-то в оружейке, в преториуме, – прогудел из-под потолка Кальв. – Искать надо.
– Отдай свой.
– Ну, мой-то он, пожалуй, не потянет.
– Дай любой, – несколько раздражённо сказал Паквий. – Найди! Или мне самому заняться этим?!

– Хорошо, трибун, – наклонил голову опцион. – Я понял. Будет сделано.
Советник взял шлем под мышку и, выйдя из-за стола, остановился перед Кефой.
– Ну что, прим, целоваться на прощанье не будем. Полагаю, свидимся ещё... Из города уезжай немедленно. Рассвета не жди. В Бейт-Энью к себе не суйся. Вообще, на Кумранскую дорогу лучше не суйся. Уходи через Шомрон. С подорожной там тебе опасаться нечего. И тем более, с мечом... Всё понял?.. Ну и хорошо. Боги тебе в помощь. Удачи, прим!..

2

Лето в Ха-Галиле выдалось жарким, засушливым. На горизонте дрожали миражи. Выгоревшие до осенней желтизны холмы за Кинеретским озером тонули в сизом тяжёлом мареве. Само озеро обмелело, на проступивших там и тут длинных отмелях, распространяя вокруг зловоние, чернели и разлагались неопрятные кучи водорослей и россыпи двустворчатых беззубок. Рыба в поисках прохлады ушла на глубину, и рыбацкие лодки раз за разом возвращались без улова. Кефа уводил свою сфину подальше, на самые глубокие места – в восточную часть озера, иногда забираясь даже южнее Суситы, но и то всё чаще и чаще мочил сети впустую. Урожай на полях также был скуден – солнце сожгло посевы, зерно не налилось, земля без дождей высохла, растрескалась, на неопрятных порыжевших проплешинах среди полей, разбуженные горячим ветром, поднимались и ходили низкие злые смерчи. Так что строгий пост ко Дню Скорби девятого ава практически во всех галилейских общинах исполнялся естественно, сам собой, без каких-то особых усилий.

Всё это действовало на Кефу угнетающе. Он уже подзабыл, что такое безденежье и что такое бескормица, и потому отсутствие средств на содержание дома и на пропитание, постоянно одолевающие, навязчивые мысли – где бы достать денег на то или на это, заставляли его волноваться, нервничать, мешали спать по ночам. Он стал грубым, раздражительным, стал часто срываться из-за всякой ерунды: ударив о борт, сломал на сфине весло, никак не желавшее становиться в уключину; оттаскал за ухо Рахэли, младшую дочку Михаль, разбившую по неосторожности кувшин, а своего раба Бригата – в общем-то, всегда послушного и старательного – уронившего в грязь сеть, и вовсе избил чуть ли не до полусмерти, сломав ему несколько рёбер и едва не выбив глаз. В общем, всё было плохо и с каждым днём становилось всё хуже. А тут ещё сын. У маленького Марка резались коренные зубы. Резались долго, трудно, с опухольями и болями. Малыш извёлся, искапризничался и плакал почти постоянно, часто просыпаясь среди ночи и не засыпая тогда уже до самого утра. Не помогали ни примочки, ни снадобья, ни песенки, что пели у его колыбели, сменяя друг друга Михаль и Рут, ни хитрые заговóры, что шептала над малышом приглашённая знахарка, крючконосая Тирца́ из Хоразина. Кефа практически перестал бывать дома. Днём он пропадал на берегу: чинил сети, возился со сфиной или, натянув над её широкой палубой парус в качестве тента, подолгу спал – потный, облепленный мухами, с крошками и мусором, запутавшимися в свалывшейся, давно не чёсаной бороде. А почти каждый вечер, взяв с

собой Оведа и второго своего раба, рыжего бронзовокожего Дийта́ла, уходил на сфине на всю ночь на промысел – то к устью Далий, то к Герáсе, то к Сусите, чтобы поутру вернуться уставшим, грязным, злым, с пустой рыбной корзиной и сваленными на корме запутанными мокрыми сетями. Время тянулось медленно – длинной вереницей пустых унылых дней и бессонных ночей, наполненных скрипом вёсел, плеском волн и тяжёлым неблагоприятным трудом.

А после праздника Пятнадцатого ава – тоже нерадостного, омрачённого всеобщим унынием, со скудным столом – в Кфар-Нахум начали приходиться гости.

Первыми в Кефином доме появились Натан с Томой, которые рассказали о том, что произошло за прошедшие месяцы в Йерушалайме (рассказывал, конечно, Тома; Натан, по своему обыкновению, молчал).

Ничего хорошего, по словам Тома, в священном городе не происходило. Общине жилось всё тяжелее. Заработка в Йерушалайме не было. Деньги на пропитание добывали как могли. Старые запасы иссякли, а новых доходов не было, поскольку новые люди в общину теперь уже почти вовсе не приходили. Да и чего им, скажи на милость, приходиться? Рабби нет, «великого чародея и целителя» тоже нет, а стало быть, и новых чудес нет, и новых исцелённых. А пришествие Спасителя... Где оно, то пришествие? Сколько его ждать? Да и стоит ли?.. А тут ещё Ханан с Каиафой. Взъелись они на общину, ровно отчим на нерадивого пасынка. Проповедовать в Храме вовсе запретили. Мало того. Отобрали один из домов, купленных Кефой по осени для нужд общины. Бывший хозяин дома, некий Гэршон бар-Йоэль, как вдруг оказалось, был должником Наамана, племянника Ханана. Откуда ни возьмись, появилась и давняя закладная на дом, скреплённая собственноручной подписью Гэрсона. Покупку дома отменили, дом передали Нааману, всех жителей дома – шесть семей с детьми и стариками – без малого полсотни человек – выгнали на улицу. Обращение Андреаса в судебный магистрат никаких последствий не возымело – магистрат попросту не принял иск, сославшись на неочевидность ситуации (яснее ясного – Ханан постарался!). Ни одной пруты в качестве компенсации за утраченную недвижимость, несмотря на добросовестность сделки со стороны покупателя, общине возвращено не было...

– А меняльные столы как? – поинтересовался Кефа.

– А что меняльные столы, – пожал плечами Тома. – Меняльные столы работают. Нам-то только какая с того радость? Всё золото с них забирают люди Пилата. А что менялы зарабатывают на обмене, так то – жалкие пруты, их самим менялам разве что на прокорм своих семей хватает...

После истории с отъёмом дома Ханан с Каиафой, вконец обнаглев, стали и вовсе в открытую преследовать членов общины. Дошло до того, что недели через две после Пятидесятницы Андреаса, Пилипа, Натана, Коби с Тадаем и его, Тому, арестовали среди бела дня прямо в Портике Шломо и, продержав ночь в сарае, поутру привели в дом Каиафы – на суд Санхедрина. Присутствовавший на суде Ханан, брызжа слюной, обвинил всех шестерых в ереси и в осквернении Храма и потребовал для «богохульников» смертной казни. Примерно в том же ключе выступил и Каиафа, и ещё один козлобородый, имени которого Тома не знал...

– Я уже совсем было скис, – грустно качая головой, поведал Тома. – Думал: ну всё, не отвертеться, наденут завтра на голову мешок и забьют камнями – и все дела...

Обвиняемых спас наси Гамлиэль. Старец, выслушав хулу, градом сыпавшуюся на головы обвиняемых, взял слово и сказал примерно следующее: Вы обвиняете этих людей в ереси, в том, что они идут против воли Господней, но разве вы сами можете знать Промысл Божий? Вы обвиняете этих людей в том, что они поклоняются ложному пророку, но откуда вам знать, кто есть истинный пророк, а кто ложный? Только Господь рассудит всё во благовременье. Вспомните лжепророка Тоду́, вспомните бунтовщика и лжепророка Йехуду из Гамалы – оба они своим учением и своими пророчествами увлекли за собой многих и многих, но прошли годы, и Тода и Йехуда сгнули, и ученики их рассеялись, ибо учения эти были противны Господу. И ныне всё то же. И я говорю вам: отстаньте от людей сих. Ибо, если деяния их от человеков, то они разрушатся. А ежели они от Бога, то вам не разрушить их, и потому берегитесь, чтобы вам самим не оказаться еретиками...

– Мудрый старик, – одобрил Кефа слова наси Гамлиэля. – Зря я на него в своё время наговаривал.

– Да, – подтвердил Тома. – Если бы не он...

Обвинения в ереси и в богохульстве с арестантов в итоге сняли, но тем не менее приговорили каждого к двадцати ударам плетьюми – «за клеветнические измышления о воскрешении казнённого преступника и еретика Йешу бар-Йосэфа».

– Во, глянь, как разукрасили! – сказал Тома и, задрвав рубаху, продемонстрировал исполосованную тяжёлым бичом спину.

– И у мэ... меня то же с-самое, – подтвердил слова своего друга Натан. – Нэ... неделю отлёживался.

– После этого все стали разбегаться, – подытожил свой рассказ Тома. – А кому хочется быть битым? Андреас, тот, конечно, всех агитирует, продолжает толковать о приходе Спасителя, но его не больно-то теперь слушают... Конечно, многим идти некуда – дома-то свои попродавали, так эти сидят по-прежнему в Йерушалайме, в Храм только лишний раз стараются не соваться. А те, кому было куда идти, почти все уже разбежались... А Шимон Прокажённый опять из своего дома всех повыгонял. Говорит: рабби Йешу нет, Кефы нет, а вы для меня – никто, не обязан я вас, дармоедов, кормить задаром.

– Вот ведь собака плешивая! – восхитился Кефа. – И как таких земля носит?!.. Ничего, я с ним как-нибудь ещё поговорю. Он у меня парик свой жрать будет!..

Вскоре после прихода Тома с Натаном вернулись в Бейт-Цайду «братья громовы». Возвращение их домой получилось печальным – буквально на следующий день неожиданно умер их отец, Завд́и Рыбак – совсем ещё не старый, крепкий мужчина. Он собирался сходить с сыновьями в Магдалу на рынок. Утром, одеваясь в дорогу, он наклонился, чтобы завязать сандалии, как вдруг замолчал на полуслове да так и повалился головой вперёд прямо в ноги стоявшего рядом Йоханана. Кефа и Тома с Натаном были на похоронах. Старший из «братьев громовых», Йааков, держался твёрдо, лишь то и дело хмурил лоб да шевелил желваками на скулах. Зато Йоханан, плакал, никого не стеснясь, захлёб, как маленький. Их мать, тихая богобоязненная Шломит, в два дня поседела и стала похожа на древнюю старуху. У Кефы сжималось сердце, когда он смотрел на неё – ссохшуюся, сгорбленную, с потухшим взором и трясущимися руками, – он ведь знал, что Шломит, которая приходилась Йешу сестрой по отцу, совсем ненамного старше своего единокровного брата – ей совсем недавно минуло сорок лет.

А в предпоследний день месяца ава на пороге Кефиного дома появились и вовсе неожиданные гости: бывший тверийский сборщик податей, толстяк Леви – всё такой же необъятный, вечно жующий и вечно чем-то недовольный, и малыш Йохи – радостный и смущённый одновременно. Радостный от встречи с «додом Кефой» и ещё от осознания собственной взрослости – юноше недавно исполнилось семнадцать, и он впервые надолго покинул родительский дом, отправившись в непростое путешествие на другой конец Палестины. А смущённый от того, что не знал, правильно ли он поступил, оставив йерушалаймскую общину и «дода Андреаса» в трудное для них время.

Кефа никого не упрекал, всем был рад, всех привечал радушно, хотя и не щедро – в доме по-прежнему было шаром покати. Кефа даже подумывал о продаже осла – ненаглядного красавца Аполлона – единственной оставшейся в доме тягловой силы. Впрочем, оказалось, что с продажей осла можно повременить – толстяк Леви пришёл не с пустыми руками – почтенный Накдимон, помня о своих друзьях, передал Кефе с бывшим мытарем двадцать пять денариев. Деньги были не очень большие, особо не разгуляешься, но пришлось весьма кстати: хватило и на раздачу долгов, и на закупку продуктов и даже на две новые сети – старые Кефа уже замучился чинить.

Леви и Йохи принесли свежие вести из Йерушалайма. Собственно, вести-то, в основном, были столичные, из Кесарии, в священном городе всё было по-прежнему, без особых изменений. А в Кесарию вернулся Понтий Пилат. Префект прибыл из Ромы в дурном расположении духа – видно, накрутили ему хвоста на родине, надавали тумачков да понаступали на все мозоли. По прибытии Пилат первым делом принялся подписывать скопившиеся за время его отсутствия смертные приговоры. Все. Подряд. Без исключения и разбору. По всем подвластным префекту землям прокатился стон. Сотни и сотни несчастных, от прелюбодеев и лжесвидетелей до разбойников и убийц, в следующие несколько дней были удушены, обезглавлены, запороты насмерть, забиты камнями. Сотни и сотни повисли вдоль дорог на крестах.

– У нас, в Йерушалайме, все кресты позанимали, – печально поведал собравшимся апостолам Леви. – И на Гагулте. И вдоль Хевронской дороги. И вдоль Яфской. И ещё и не хватило – с десяток новых вкопали...

Не щадил префект и своих. За время его отсутствия легионеры одной из кентурий столичного гарнизона, недовольные задержками с выплатой жалованья, взбунтовались, связали своего кентуриона и, убив сигнифера, завладели казной. После чего два дня беспробудно пили и веселились, разбрёдясь по кесарийским попинам и лупанариям. Поначалу Пилат назначил

провинившемуся подразделению декиматию, но потом передумал и приказал казнить всех поголовно, включая кентуриона, не сумевшего совладать со своими подчинёнными.

Все эти новости, хоть они и не касались напрямую общины, тем не менее навевали дурные мысли и предчувствия...

За рыбой на сфине уходили теперь большой компанией. «Братья громовы», оставив мать на попечение младших сестёр, перебрались к Кефе в Кфар-Нахум, прихватив с собой все свои сети и другие рыболовные принадлежности. Сетей теперь ставили много, но рыбы от этого почти не прибавилось – то, что в прошлом году Кефа в одиночку ловил за день, теперь было не поймать всемером за неделю. Постепенно всеми овладело уныние. Длинные морские переходы проходили теперь без обычного весёлого трёпа, в тягостном молчании, лишь изредка прерываемом однообразными Кефиными командами. Каждый думал о своём, но лица у всех были невесёлые, а значит, невесёлыми были и мысли.

Месяц ав кончился, наступил элүл – последний месяц календарного года. Года, начинавшегося столь радостно, а заканчивающегося печально, чуть ли не со слезами на глазах. Года, обещавшего многое, соблазнявшего светлыми надеждами и радужными перспективами, а в итоге обернувшимся пустотой и горечью разочарований...

– Эй, на сфине!

Кефа поднял голову – на берегу, возле причальных мостков, призывно махал рукой какой-то незнакомый бородач в нарядной светло-голубой симле. «Щас! – огрызнулся про себя Кефа. – Вот прям щас всё брошу и вплавь к тебе приплыву! Больше, понимаешь, делать мне нечего! Ничего, постоишь, подождёшь, не рассыплешься!..»

Они уже почти час торчали на мели шагах в ста от берега. Вчера ещё сфина проходила здесь совершенно спокойно. А сегодня уже не прошла – за ночь уровень воды в озере опустился пальца на два, и этой малости оказалось достаточно, чтобы крепко зацепиться днищем за камни. Кефа корил себя за оплошность – вот ведь, есть же вешки, проход обозначен, нет, попёрся, понимаешь, по привычке напрямую, понадеялся на авось! И знал ведь, что вода упала – пару новых отмелей по пути от Герасы приметил. А туда же!.. Вёслами снять сфину с отмели не удалось. Надо было лезть в воду – стаскивать лодку с камней вручную, но лезть не хотелось, было лень, да и позориться неохота – свидетели на берегу завсегда найдутся, растрезвонят, разнесут новость по всему Кфар-Нахуму с окрестностями, пойдут, как водится, судачить, языками чесать. Вот и этого бородача принесла сюда нелёгкая невовремя. И чего не сиделось ему в такую жару дома, в прохладе, в теньке?! Нет, попёрся, понимаешь, по солнцепёку неведомо куда и неведомо зачем!

– Чего тебе?! – сердито крикнул Кефа незнакомцу.

– Господи! Да это же рабби!.. – округлил вдруг глаза Тома.

Кефа взгляделся. Действительно, на берегу стоял Йешу. Пополневший, с округлившимся лицом, в непривычной одежде и с непривычно растрёпанной бородой.

– Рабби!.. – вскочил, размахивая руками, Тома. – Рабби, мы здесь!.. Э-эй!..

Все тоже повскакивали и принялись радостно вопить так, как будто рабби был не в ста шагах, а по крайней мере на той стороне Кинеретского озера.

– Дийтал! – окликнул раба Кефа. – Давай в воду!.. Овед! Помоги ему! Снимайте лодку с мели! Гребите потом к берегу... Йааков! Йоханан! Помогайте вёслами!.. Леви! Йохи! Давайте на корму! Натан! Тома! Тоже!

Озадачив всех, он прямо в одежде перевалился через борт и сначала пошёл, а потом поплыл к берегу, расталкивая руками тёплую, как парное молоко, воду и стараясь повыше держать голову, чтобы не нацеплять в бороду водорослей и всякого мусора, которым изобиловала прибрежная полоса.

Поравнявшись с причальными мостками, он встал и, оскальзываясь на покрытых тиной камнях, выбрался на берег. Йешу приветливо улыбался ему навстречу.

– А ты похудел, – сказал он, оглядывая облепленную мокрой одеждой фигуру друга.

– А ты – наоборот, – улыбнулся в ответ Кефа.

– Это да, – подтвердил Йешу. – Что есть, то есть. Дворцовая жизнь, она такая – ешь да спи. Да царя разговорами развлекай... Ну, обниматься я с тобой не буду, а то не отстираюсь потом. Ну, здравствуй!

– Здравствуй!

Они крепко пожали друг другу руки.

– Ты давно здесь? – спросил Кефа.

– Со вчерашнего вечера. Я ведь самую малость вас вчера не застал. Домой к тебе пришёл – Михаль говорит: вы только-только на сфине ушли. Я сюда. Смотрю – пусто, только парус ваш ещё немного виден вон там, – он показал рукой, – на юго-востоке.

– Да, – подтвердил Кефа. – Мы нынче за Герасу ходили... Тебя-то каким ветром сюда занесло? Или случилось что?

– Да нет, ничего особенного не случилось. Всё нормально... – Йешу почесал мочку уха. – Пилат из Ромы вернулся... Они там без тебя справятся? – он указал Кефе за спину, туда, где был слышен плеск воды, стук вёсел и дружное: «Раз-два, взяли!..»

– Справятся, – отмахнулся Кефа. – Не маленькие... Так что Пилат? Говорят, злобствует?

– Говорят, – Йешу неопределённо повёл головой. – Я ведь его не видел. Три дня после своего прибытия он мною вообще не интересовался. А потом приказал отправить сюда, в Ха-Галиль. В Тверию, к Антипе.

– Ничего себе! – задрал брови Кефа. – Ближний свет! Антипа-то тут причём? Они что, друзья?

– Да вроде того. Помнишь историю с моей казнью? – Йешу усмехнулся. – Антипа ведь тогда Пилату помог в его игре против Ханана. Оправдал меня. Вот с тех пор они и дружат... Если это можно так назвать.

– Ну-ну, – хмыкнул Кефа. – Дружили как-то кошка с мышкой. Да Пилат с Антипой просто-напросто играет. Перед тем как съест... Ну и как ты думаешь, с какой целью он тебя в Ха-Галиль отправил?

– Да кто ж его знает... Паквий сказал, что вроде как мне в Тверии безопасней будет. Что люди Ханана в Кесарии до меня в конце концов всё равно доберутся. Как он выразился: не в тюрьму же тебя запереть. А здесь, в Тверии, меня искать вряд ли будут.

Кефа в сомнении почесал затылок.

– Может, оно и правильно. Хотя... Так что, я так понимаю, приход Помазанника Божьего откладывается?

– Забудь, – сказал Йешу. – Не будет никакого Помазанника Божьего. Ни сейчас, ни потом.

– Это тебе Паквий сказал?

– Никто мне ничего не говорил. И так всё ясно... У Пилата изменились планы. Что-то пошло не так, и он всё переиграл. Не знаю, что у него сейчас на уме, но делать из меня первосвященника он явно раздумал... А иначе – зачем бы ему было отправлять меня на другой конец Эрец-Исраэля?

– Ну... – Кефа повёл плечом. – Может, это временно. Может, когда-нибудь потом?..

– Потом будет каша с котом, – Йешу махнул рукой. – Ладно. Как говорится, не каждый день Пурим. Переживём.

– Да, – сказал Кефа. – Переживём. Фараона пережили и это переживём... Ну, а здесь-то ты какими судьбами? Чего не в Тверии? Ты ж, наверно, у Антипы во дворце сидеть должен?

– Надоело! – Йешу чиркнул себя ладонью по бороде. – Вот так надоело! Антипа ведь мною только два первых дня интересовался. Вызывал к себе, разговоры разговаривал. Сам лежит за столом, вино попивает, вопросы задаёт. А я стою перед ним и отвечаю. Получается, вроде как беседуем, – Йешу скривил губы. – Глуп он всё-таки, наш царь Антипа. Ей богу! Никак я не мог предположить, что у нас такой царь глупый!.. Как там романцы говорят? Вместо головы – репа?

– Свинья и с золотым кольцом в носу – всё равно свинья.

– Вот-вот. Именно.

– О брате твоём он тебя, случаем, не спрашивал?

– Об Йоханане? Нет. Не спрашивал. Да и с чего бы вдруг? Откуда ему знать, что Йоханан Пустынный, которого он три года назад казнил, и я – троюродные братья?.. Да и вообще. Причём здесь это? Он – царь, мы – подданные. Царёво дело – чужие головы рубить. Дело подданных – свои головы спасать... – Йешу помолчал. – Ну вот. А потом, видать, я ему наскучил... Поселил он меня в самом дальнем крыле дворца и, похоже, забыл про меня. Правда, жил я там хорошо, ничего не скажу. Спал мягко, и еду мне справно приносили. Хорошую и много. Троих можно было прокормить.

– Я смотрю, и придели тебя, – кивнул Кефа на богатые одежды рабби.

– Придели, – кивнул тот. – Можно сказать, с царского плеча. Это я ещё самую скромную симлу надел. Остальные – вообще: белые да пурпурные, золотом шитые. Я ж говорю, дворцовая жизнь, она богатая и сытная. Одно плохо – скука там смертная. Хоть шакалом вой!

– Так ты, получается, от Антипы сюда сбежал?

– Зачем «сбежал». Отпросился. Вроде как в Нацрат сходить, домашних проведать. Но в Нацрате-то мне, на самом деле, делать нечего – меня там никто не ждёт. А от Паквия, ещё в Кесарии, я узнал, что ты сейчас в Кфар-Нахуме. Ну и вот...

– Понятно... Про Завди знаешь?

– Да. Михаль рассказала... Завтра в Бейт-Цайду схожу, навещу Шломит.

– Ты бы ей деньгами хотя б немного помог. Если есть, конечно. У них там сейчас совсем туго. Бедствуют.

– Помогу. Есть деньги... Тебе, кстати, из Тверии привет. От Наамы.

– Да ну! Ты что же, видел её?

– Видел. И даже дома у неё был. Муж её, Тасаэль, у тверийского смотрителя рынков, Агриппы, делопроизводителем служит. Хорошо живут, богато...

– Я знаю, – кивнул Кефа. – Я был у них в прошлом году, когда ездил в Тверию купчую на свой дом оформлять...

Сзади послышались возбуждённые голоса. Кефа оглянулся – сфина подходила к мосткам.

– Закрепите хорошо! – крикнул «матросам» Кефа. – Овед! Слышишь?!.. Дийтал! Сети сразу развесь!

– Я смотрю, у вас тут хорошая компания подобралась, – весело щурясь на причаливающую лодку, сказал Йешу.

– Да, – подтвердил Кефа. – Половина апостолосов здесь: и Тома с Натаном, и Леви с малышом Йохи, и племянники твои, «братья громовы»...

– Апостолосы?!

– Ну да, – кивнул Кефа. – Это Андреас нас так прозвал, когда прошлой весной все из Йерушалайма по провинциям расходились. Ну вот, прижилось, прилепилось. Теперь уже, понимаешь, и не отлепишь...

По доскам застучали торопливые шаги. Апостолосы налетели шумной весёлой оравой, зацеловали Йешу, затискали в объятьях. Леви шумно пыхтел. У Йохи радостными слезами блестели глаза.

– Рабби!.. Рабби!.. Рабби!.. – повторял он, прижимаясь щекой к плечу учителя.

Натан всё порывался что-то сказать, но у него никак не получалось. Тома, вскинув руки над головой, радостно пританцовывал.

– А где же рыба ваша, рыбаки? – освободясь наконец из объятий, весело спросил рабби. – Что ж вы не хвастаетесь уловом?! Рыбакам положено хвастаться уловом!

– В озере наша рыба! – мрачно возвестил Йааков. – Гуляет!

– Не далась нынче рыбка, – подтвердил его брат. – Опять, оно это, пустую тюрю хлебать будем.

– Не будете, – широко улыбнулся Йешу. – Я ведь к вам не с пустыми руками. Давайте все в дом! Там уже шурпа из барашка вас дожидается! Хотите шурпу из барашка?!

Апостолосы радостно взвыли.

– Рабби! – покрыл всех раскатистым басом Леви. – Благодетель! Я раб твой отныне и присно! Повелевай!

– Повелеваю! – улыбаясь, сказал Йешу. – Все за мной! Все за стол! В общине объявляется праздник!..

В море ушли, как обычно, за час до заката.

– А мы что, сегодня разве не, оно это, не к тому берегу? – удивлённо спросил Йоханан Кефу, который, отведя сфину примерно на полмиля восточнее Кфар-Нахума, вдруг резко развернул лодку носом на юг.

– Сегодня у нас рабби командует, – кивнул Кефа на сидящего в носу сфины Йешу. – Рабби сказал, что покажет рыбные места.

«Братья громовы» переглянулись.

– Рабби, а ты что, оно это, ещё и рыбак?! – в голосе Йоханана явно слышалось, хоть и немного восторженное, но всё-таки недоверие.

– Нет, Йоханан, – улыбнулся, повернувшись, Йешу, – я совсем не рыбак. Мы как-нибудь так, с Божьей помощью. Господь подскажет нам, где рыба водится.

– У рабби есть кое-какие мысли по этому поводу, – пояснил Кефа. – Мы с ним сегодня на эту тему разговаривали. Так что пойдём в район Хамата, южнее Тверии.

– Так там же мелко! – удивился старший из братьев. – И вода грязная. Там никто никогда не ловит.

– Ну вот, а мы попробуем, – сказал Кефа и, обращаясь к Дийталу, приказал: – Подтяни правый шкот! Не видишь?! Парус полощет!..

Благодаря плотному попутному ветру до траверза Хамата добежали ещё засветло. Здесь Кефа приказал спустить парус. Дальше пошли на вёслах. Кефа правил. Рабби, стоя на самом носу сфины, внимательно смотрел вперёд, время от времени показывая направление.

Ветер утих. Мелкие волны, что ещё совсем недавно недовольно постукивали по скулам лодки, сошли на нет. Поверхность воды разглаживалась, стекленела. Небо утратило свою легкомысленную дневную голубизну, напиталось глубокой вечерней синью. На воде уже лежала тень, но верхушки холмов на восточном берегу всё ещё светились закатным нежно-розовым цветом.

– Туда!.. – вытянув руку, сказал рабби.

Подвернули.

– Думаю, здесь, – через какое-то время сказал Кефе Йешу и, потыкав пальцем за борт, повторил: – Здесь!

– Стоп! – приказал тот. – Суши вёсла!.. Готовим невод.

– Ставной или донный? – спросил Овед.

– Донный, – уточнил Кефа. – Забросим пару раз на пробу. Ежели ничего не будет – пойдём к Сусите... Извини, рабби.

– Да я чего, – пожал плечами Йешу. – Я ведь и не претендую. Так, высказал предположение.

Кинули за борт отправной камень и «братья громовы» начали аккуратно, в четыре руки стравливать за борт сеть. Овед с Дейталом потихоньку гребли, Кефа подруливал. Лодка, описав неширокую окружность, вернулась к поплавку, стоящему над отправным камнем.

– Хорош, – вставая, сказал Кефа. – Теперь, пожалуй, можно выбирать... Леви, Йохи, давайте на нос, не мешайте... Ну, с Богом!

Сеть сразу же пошла трудно.

– Зацепилась, зараза! – пробормотал Овед, выбирая и укладывая на палубу крыло невода.

– Коряга! – сплюнул за борт Йааков. – Как пить дать!.. Говорил же, что здесь никто не ловит! Сеть только порвём.

– Потихоньку... Потихоньку... – командовал Кефа. – Не дёргайте!..

– Рыба! – вдруг, показывая пальцем, воскликнул Йохи – в тёмной воде у самого борта блеснул серебряной чешуёй запутавшийся в сети приличных размеров амнон.

– Ну вот, – улыбнулся юноше Кефа, – одна уже есть. На всех поделим – с голоду не помрём.

Дийтал ловко отцепил рыбину и бросил её в стоящую под мачтой высокую корзину.

– Ещё есть!.. – глядя в воду и с натугой выбирая тяжело идущую сеть, сообщил Овед.

– Две!.. Нет, три!

– Господи!.. – вдруг подался вперёд, свешиваясь за борт, Йоханан. – Да там же их, оно это... кишит!

– Рыба!! – выпучивая глаза, завопил Тома. – Много рыбы!!

– Держать внатяг!.. – рявкнул Кефа. – Выбираем!.. Йааков, Дийтал, – на вёсла! К берегу!.. Леви, Йохи, помогайте с неводом!.. Осторожно!..

Теперь уже всем было видно, что невод полный – в тёмной сапфировой воде бились, плескались, вспыхивая серебряными зарницами, десятки и десятки крупных рыб – пузатых лупоглазых амнонов.

– Аккуратней!.. Аккуратней!!.. Держите внатяг!.. – продолжал командовать Кефа. – Выбираем понемногу!..

– Ай! Ушла! – воскликнул Йохи – одна из рыб, высоко подпрыгнув, перемахнула через край невода.

– Да бог с ней! Выбирай! Выбирай! Не останавливайся! – Кефа, упираясь босыми ногами в мокрые доски, цепко держал, осторожно вытягивая на себя, подрагивающую от тяжёлых рыбьих ударов сеть.

Лодка медленно шла к недалёкому берегу.

– Ай! Ещё одна!.. Ай!.. – вскрикивал Йохи всякий раз, когда очередной амнон, вырываясь из невода, обретал свободу.

– Держать, держать сеть! Не ослаблять!.. – покрикивал Кефа. – Выше края!..

– Трава пошла! – выгребая правым веслом, сообщил напряжённым голосом Йааков. – Мелко здесь! Сеть поднимать надо!

– Гребём! Гребём! – обернулся к нему Кефа. – Никаких подъёмов! Не останавливайся! Невод порвём!.. Овед! Дийтал! – окликнул он. – Давайте в воду! Снизу подбирайте! Смотрите, чтоб за камни не зацепить!

Овед с Дийталом перевалились через борт и ухнули в воду по грудь.

– Здесь ил на дне! – сообщил Овед. – Камней вроде нет!

– Давайте! Давайте! Помогайте!..

Кефа тоже спрыгнул в воду и, пропустив мимо себя Дийтала, шагнул к неводу и, присев по самые ноздри, нащупал под водой тяжёлую, упруго бьющуюся сеть.

Идти было тяжело: ноги проваливались по щиколотку в ил, вязли, мешала трава, густо растущая вдоль берега. Но камней, о которые обычно в таких случаях рвётся сеть, похоже, действительно не было.

– Тянем!.. Тянем!.. – покрикивал Кефа. – Плавней!..

Невод дрожал. Скрипели уключины. Облепленные травой вёсла поднимались и снова с плеском падали в чёрную воду.

– Тянем!.. Тянем!..

Наконец лодка чиркнула днищем по песку.

– Табань! – крикнул Кефа. – Всё! Все за борт! Выводим на берег!.. Взяли! Взяли!..

Уже половина невода торчала над водой. Под мокрой сетью бились, трепыхались, разевая рты и топорща мощные спинные гребни, светлобрюхие амноны: все, как на подбор, крупные, ровные – в добрых полторы пяди длиной.

– Ох, ты! – вскрикнул, отдёргивая руку, Натан. – За... зараза! К-колется!

– Рыбка!.. Рыбулька!.. Рыбёшечка!.. – нежно ворковал Леви, поднимая на напряжённых руках край невода.

– Аккуратней!.. Аккуратней!..

– Ногу! Ногу отдай! На ноге стоишь!..

– Выбирай!.. Выбирай!.. Полегче!..

– Дийтал! Под низ! Под низ бери!..

Кефа вдруг обнаружил рядом с собой упирающегося наравне со всеми и шумно пыхтящего Йешу.

– Рабби! – упрекнул он. – Что же ты?! Наряды свои царские намочил! Ил же здесь, грязно!

Йешу отмахнулся:

– Да бог с ними!.. Не усидел! Да и как тут усидишь? Такой улов!

– Взяли!.. Взяли!.. Взяли!..

Полный невод лежал на берегу. Все, весело переговариваясь, топтались вокруг, переводя дух и отжимая мокрые бороды. В быстро густеющих сумерках сдержанно блестела чешуя благородных серебристых амнонов. У апостолов радостно блестели глаза и улыбки. В тёмно-сиреневом небе над далёкими холмами на той стороне озера блестели и удивлённо дрожали первые звёзды...

– Ну? – спросил Кефа. – Сколько?

– Сто пятьдесят три! – радостно доложил Овед. – И все – одна к одной! В жизни такого не видел!

– Рабби спасибо скажи, – улыбнулся Кефа. – Рабби нас на рыбку вывел.

Вокруг разложенного на берегу жаркого высокого костра царила суета, звенели весёлые голоса, сыпались шутки. Апостолы сушили одежду, смеясь и шумно обмениваясь впечатлениями. Рабби и Кефа сидели чуть поодаль на расстеленном на земле парусе. Шагах в пяти от них, на малом костре, разожжённом между положенными друг на друга плоскими камнями, уже побулькивал, закипая и распространяя вокруг чарующий аромат рыбной похлёбки, объёмный – на добрых полбата – бронзовый котелок. Над ним с привязанной к длинной палке ложкой колдовал полуголый, мокрый от пота Леви. Рядом, на подхвате, топтался малыш Йохи, на котором из одежды оставалась только кипа да обвязанный вокруг чресел платок. В темноте, за границей

отбрасываемого кострами света, негромко постукивал топор – там Дийтал вбивал колья, растягивая на них сеть для просушки.

– Дод Йешу, – повернулся от костра к рабби Овед, – а откуда ты узнал, что здесь рыба есть?

– Господь подсказал, – улыбнулся Йешу.

– А если серьёзно?

– Повезло.

– Нет, правда, – не унимался Овед. – Скажи!

Кефа рассмеялся:

– Ничего сложного, Овед. Просто – наблюдательность и расчёт, – он постучал себя согнутым пальцем по лбу. – Думать, понимаешь, нужно даже на рыбалке.

– Я просто сложил один и один, – продолжая улыбаться, сказал Йешу.

– Это как? – не понял юноша.

– Ну вот, смотри, – принялся объяснять рабби, – Кефа мне вчера пожаловался, что вода в озере тёплая и потому вся рыба ушла на глубины, туда, где попрохладней. Это – раз. Второе. Когда я был в гостях у Кефиной сестры в Тверии, муж её, Тасаэль, рассказал мне об одной здешней странности. Он сказал, что здесь, под Хаматом, много горячих ключей, а вода в озере, наоборот, холоднее, чем, к примеру, в той же Тверии. Я тогда подумал: выходит, что здесь не только горячие ключи бьют, но и холодные. Ледяные. А как же иначе? Иначе вода бы здесь была, наоборот, теплее, чем везде. Правильно?.. Ну вот. Это, получается, два. Вот я и рассказал об этом Кефе. И мы с ним решили, что надо сплавить сюда на разведку.

– Здóрово! – покачал головой Овед. – Выходит, что никто, кроме тебя, об этом раньше не догадывался?

– Выходит, так, – пожал плечами рабби.

– Ну, а, оно это, сеть-то куда бросать, как ты узнал, – спросил подошедший Йоханан. – Ты ж, оно это, прямо пальцем ткнул за борт: сюда!

– Да проще простого! – рассмеялся Йешу. – Я просто смотрел, где нет травы. Тут же везде вдоль берега трава. Так? А там, смотрю – травы нет, проплешина. Шагов тридцать в диаметре. Ну, думаю, раз трава здесь не растёт, значит, траве здесь плохо. Или глубина слишком большая, или вода для травы слишком холодная, а стало быть, именно здесь ключи холодные бьют. Ну и вот, видишь, – оказывается, всё правильно рассчитал.

– И вправду, просто, – почесал затылок Овед. – Но я бы ни за что не додумался.

– Так что, – спросил Йоханан, – получается, здесь, оно это, должно быть ещё много таких мест? Да?

– А это мы утром проверим, – заверил его Кефа. – Эй! – окликнул он веселящихся у костра апостолов. – На рассвете выходим! Попробуем ещё такие же ямы поискать. Не может быть, чтобы здесь только одно такое место было.

– Эх! – потёр ладонями Йааков. – Ещё бы пару таких сеток вытянуть! Я бы с долгами тогда сразу рассчитался... Да и рыбы тогда до самого Йом-Кипура хватило бы!

– На зерно надо будет часть улова поменять... – задумчиво сказал Кефа. – И на масло. Масло опять кончается.

– И хорошо бы вина! – подхватил Тома. – Только не абы какого, а хорошего. Лахишского, например. Сто лет уже... – он не договорил.

– Готово! – трубным голосом возвестил от своего костра толстяк Леви. – Эй, голопузые! А кто желает рыбной похлёбки?! А?!.. А ну, кончай разговоры! Миски – наизготовку! Ложки – из ножен! К атаке на котелок – готовсь!..

Костёр догорал. Лишь одна головешка всё ещё была охвачена жёлтыми умирающими язычками пламени; остальные уже не горели, а лишь светились в темноте жаркими рубиновыми углями, постепенно остывая и покрываясь белёсым, похожим на иней, зольным налётом.

Ночь была тихая, тёмная, безлунная. Звёзды висели низко, над самой головой – казалось, встанешь, подынешь руку и достанешь любую. Ветра не было вовсе, и лёгкий дымок от костра уходил вертикально вверх, теряясь среди созвездий.

Кефа с Йешу сидели возле огня и тихо беседовали. Все остальные давно уже спали, разбредаясь кто куда: большинство улеглось на расстеленном парусе, некоторые ночевали на лодке – над чёрной озёрной гладью далеко разносился раскатистый храп толстяка Леви. По другую сторону костра, прямо на земле, свернувшись, как котёнок, тихо посапывал малыш Йохи.

– ...Ну, и что нам теперь делать? – спросил Кефа.

Йешу ответил не сразу. Он долго молчал, глядя в огонь и задумчиво поглаживая бороду.

– Ничего особенного, – наконец сказал он. – Вам теперь ничего особенного делать не надо.

Живите, как жили.

– Не понял, – поднял голову Кефа. – Что значит «вам»? А ты?

– А зачем вам я? – еле заметно пожал плечами Йешу. – Я вам теперь не нужен. Вы теперь и без меня замечательно справляетесь.

– Подожди, – сказал Кефа. – Так ты что, больше не собираешься руководить общиной? А кто же ею тогда будет руководить?

– А сейчас ею кто руководит? – вопросом на вопрос ответил Йешу. – Андреас. А перед этим кто руководил? Ты. И что? И всё нормально было. И вообще, – Йешу улыбнулся краешками губ, – как говорится, были бы овцы, а пастух всегда найдётся... Так что пасите спокойно своих овец, и дай вам всем Бог... А про меня забудьте. Ты случайно не забыл? Я ведь умер. Распят на кресте и умер. И, если верить красивой легенде, взят Господом на небо.

– Не надо, – сказал Кефа. – Не шути так.

– Какие могут быть шутки? – усмехнулся Йешу. – Шутки давно кончились.

Кефа некоторое время переваривал услышанное.

– Так ты что, так и собираешься дальше жить во дворце Антипы? – наконец спросил он.

Йешу даже замахал на него руками.

– Упаси Господи! Тоже скажешь! Я уже этим Антипой сыт по горло!.. Для начала в Кесарию вернусь, – помолчав, сказал он. – А потом двину куда подальше... В Индию, например.

– Ого! – задрал брови Кефа. – Не ближний свет. Чего ты там забыл?

– Говорят, лекари там лучшие в мире. Просто чудеса творят... Найти бы такого, в ученики к нему пойти, опыта поднабраться... А ещё, говорят, там есть каста бессмертных. Достигших просветления... Познавших истину... Если это так, то... Найти бы их только.

– Враньё это всё... наверно, – Кефа скептически наморщил нос. – Во всех этих байках про дальние страны вранья обычно раз в десять больше, чем правды. Если, понимаешь, не в сто.

– А вдруг не враньё?.. Кто знает. Мир велик, и тайн в нём неисчислимо множество... Вон, как звёзд на небе.

Они замолчали и долго любовались раскинувшимся над их головами сверкающим звёздным миром.

– Тоже ведь загадка, – нарушил молчание Йешу. – Что они такое? Почему светятся? Далеко ли до них?.. Почему падают иногда?.. Тебя никогда не интересовали такие вопросы?

– Пустые это вопросы! – почему-то сердито ответил Кефа. – Глупые. А точнее – праздные. Зачем задавать вопросы, на которые никогда не будет ответов?

– Ты знаешь, – хмыкнул Йешу, – а я почему-то считаю, что человек когда-нибудь узнает ответы на эти вопросы.

– Это что же, – ехидно спросил Кефа, – человек на небо заберётся? Так, что ли?

– Может, заберётся... – задумчиво сказал Йешу. – А может, полетит... Как птица.

– Ну, птицы-то до звёзд не долетают. Птицы летают гораздо ниже... Это, разве что, ангелам по силам.

– Ну, значит, как ангел.

– Сказки, – махнул рукой Кефа. – Вон, Йохи расскажи, он поверит.

Они опять замолчали.

– До Индии, говорят, два года плыть надо, – сказал Кефа. – Говорят, где-то надо на зиму останавливаться, шторма пережидать.

– Нет, можно за год успеть. – Йешу оживился. – Я узнавал. Один купец александрийский рассказывал. Они научились за один сезон до Индии добираться. Раньше, он говорит, в Индию плавали вдоль берега. И тогда действительно приходилось где-то на самом юге Берберии зимовать, чтобы на следующий год успеть пройти вдоль арабских берегов. А теперь, он говорит, они ходят в Индию напрямик через Эритрейское море. Ветра там, говорит, летом дуют строго на восток, а зимой – строго на запад. Поэтому можно за полгода как раз обернуться туда и обратно... Надо только успеть к началу лета добраться до Авалиты. Ну, или хотя бы до Береники. А для этого надо ещё ранней весной с караваном выйти из Пелузия на Клізму. То есть добраться до Арабийского залива... Есть и другой путь. Из Александрии вверх по Нилу до Аполлонополиса,

или как его называют сами египтяне, Эдфу. А от него, опять же караваном, – на Беренику. Но это сложнее. И дольше.

– Я смотрю, ты подготовился, – заметил Кефа.

– Да, – кивнул Йешу, – я давно об этом мечтал. Я в Индию хотел ещё сразу из Египта податься. Но потом... как-то не сложилось. Короче, передумал.

– И правильно, – сказал Кефа. – Правильно, что передумал. Что ты там забыл, в той Индии? Чужая страна. Чужие люди. Чужой язык... Ты здесь – уважаемый человек. Рабби. Тебя здесь любят. У тебя здесь ученики. Община. А там?

– Ты полагаешь, что я бы там не смог стать рабби?.. Язык – ерунда. Язык учится за год. Ты думаешь, я бы там, в Индии, не знал, чему учить моих учеников?

– Нет, ну почему... – Кефа почесал в затылке. – Знал бы, конечно... Но... там ведь... другая вера. Другие боги... Или ты стал бы учить язычников верить в нашего Бога?

Йешу ответил не сразу. Он взял прутик и стал шевелить им в костре. Прутик почернел, задымился и наконец вспыхнул.

– Ты знаешь, – сказал Йешу, глядя на слабый жёлтый огонёк, – мне в последнее время всё чаще кажется, что там, – он показал прутиком вверх, – никакого Бога нет... Что он здесь, – Йешу постучал пальцами свободной руки себе по лбу. – У нас внутри. У каждого, – он подумал, а потом поправился: – Ну, или почти у каждого... Да нет, что я говорю, конечно у каждого! Всякий человек рождается со Святым Духом внутри. Но вся проблема в том, что люди об этом не знают. Не догадываются. И так и живут, ища Бога... на стороне.

– Ничего себе! – Кефа ухватил себя за бороду. – То есть ты хочешь сказать, что внутри, к примеру, у Ханана живёт Святой Дух? – хитро прищурившись, спросил он. – И внутри у разбойника Бар-Аббы тоже? И внутри, понимаешь, у каждого необрезанного язычника?.. Я тебя правильно понял?

– Да. Правильно.

– Ну, знаешь!.. – Кефа возмущённо всплеснул руками.

– Да. Ты правильно меня понял, – повторил Йешу. – Внутри каждого из нас живёт Святой Дух. И у язычников тоже... Кстати, не понимаю, почему ты отделяешь язычников от остальных людей? Ты же не дремучий невежда. Не узколюбый упёртый прушим! Ты же видел мир, жил в чужих странах. Неужели ты до сих пор не понял, что люди там точно такие же, как и мы?..

– Не знаю, – сказал Кефа. – Не уверен.

– А я уверен! – убеждённо тряхнул головой Йешу. – Они такие же! В КАЖДОМ человеке живёт Бог! В каждом от рождения есть Святой Дух! В тебе. Во мне. В малыше Йохи. В «братьях громовых»... В Ханане. В любом язычнике! И неважно, обрезанный человек или необрезанный, носит бороду или бреет чисто лицо, – в каждом – в каждом! слышишь?! – живёт Святой Дух!

– Ну, а если, как ты говоришь, в каждом... Почему же столько зла на земле? Почему эти люди, со Святым Духом внутри, постоянно творят зло?! Постоянно и целенаправленно! Почему они, понимаешь, убивают, насилюют, грабят, клеветают?! Почему?!

– Да потому что они его не слышат! Потому что они не знают про свою божественную суть! Не помнят о ней! Не понимают её!.. А не понимая её, они живут, как слепцы. Они ежедневно и ежечасно затаптывают в себе Бога!.. И наша задача разбудить их. Заставить поверить в себя. В себя, а не в какого-то там царя небесного!.. Только тогда, когда человек станет соотносить свои дела и поступки со СВОИМ Богом, с Богом внутренним, а не выставлять их напоказ ради Бога какого-то внешнего, неважно где живущего – на небесах ли, в воде или в скалах. Или, наоборот, пытаться скрыть свои поступки от этого, непонятно где живущего Бога. Только тогда зло на земле пресечётся и настанет долгожданный Век Золотой! И вовсе не надо для этого ждать прихода какого-то там Помазанника! Не надо!.. Не будет никакого Помазанника!.. А значит, нельзя сидеть, сложа руки. Надо действовать! Здесь и сейчас!.. Надо учить людей! Открывать им глаза! Чтобы каждый – каждый! – понял, что у него внутри живёт Бог!..

– Скажешь тоже! – возмутился Кефа. – Чтобы каждый! Тут одного пока научишь, убедишь, воспитаешь – три года пройдёт... Нет, я понимаю. У каждого учителя – к примеру, десять учеников. Или даже сто. Хотя... Ну, пусть!.. У каждого ученика – свои десять. У тех учеников – свои... Но каждого! Каж-до-го!.. Подумай! Людей же в мире... миллионы и миллионы!.. Это же сколько времени на всё это уйдёт?! Это, понимаешь, и жизни, может, не хватит!

– Ошибаешься... – улыбнулся Йешу. – Ошибаешься... Одной жизнью здесь точно не обойдёшься. И двумя, и даже тремя... Сотни лет пройдут. Многие сотни!.. Ты думаешь, почему

святой Мошэ водил наш народ по пустыне целых сорок лет? Когда каждый паломник знает, что от Египта до Йехудеи от силы два месяца пути. Ты скажешь, потому что это Господь ему так приказал. Да, верно. Именно так сказано в Писании. Но если допустить, что Бог не на небе, а у нас внутри, значит, Мошэ сам решил сделать так! Почему?.. Да потому, что он понял, что со своим народом – рождённым в рабстве, забитым, покорным и, в то же время, развращённым рабством, алчным, вечно ропшущим, – ему не завоевать Ханаан. Он понял, что надо ждать, когда сменятся поколения, когда умрут последние рождённые в рабстве. Потому что он знал, что рабство неискоренимо. В головах неискоренимо! И он не хотел вести рабов в землю обетованную!.. Он знал, что только человек, который рождён свободным, который свободу впитал с детства, с молоком матери, только такой человек может оставаться свободным, жить свободным всю свою жизнь... Этого человека, конечно, можно взять в плен, можно заковать в кандалы, но он и в кандалах останется свободным. Поскольку свобода у него внутри!.. – Йешу перевёл дух. – Так и тут. Сотни лет пройдут, прежде чем вырастет поколение, понимающее, что Бог у них внутри, а не где-то на облаке, на небе. Сотни лет!.. Но начинать надо сейчас. Прямо сейчас! Ты понимаешь меня?! Самый главный Храм у нас здесь! – Йешу ещё раз постучал пальцами по своему лбу. – Здесь! А не в Йерушалайме!

Кефа вздохнул.

– Нечто похожее говорил и Стефанос... Перед тем, как его убили.

Йешу помолчал, потом тоже вздохнул.

– А я ведь со Стефаносом познакомился ещё в Египте... А потом мы в кумранской общине почти год вместе жили... Мы с ним как-то не говорили на эту тему. Но мне кажется, он бы меня понял.

Кефа покачал головой.

– Хорошо, Ханан тебя не слышит. Или Каиафа. За такие слова они бы тебя второй раз, понимаешь, на крест отправили... Ты смотри, не вздумай об этом ещё кому-нибудь рассказать, – он покосился на спящего Йохи. – Не думаю, что тебя поймут даже твои ученики.

– Но ты-то меня понимаешь?!

Кефа запустил пальцы в бороду.

– Я тебя понимаю, но... Но я тебя не поддерживаю.

– Даже так?.. И что же, ты полагаешь, что Господь всё-таки живёт на небесах? Что он смотрит на всё, что происходит на земле, на все эти... на мерзость на всю эту, и не вмешивается?! Не карает убийц и насильников, не видит предательства, не замечает разврата? Так?!

– Нет, не так.

– А как?!

Кефа подумал.

– Я считаю, что его вовсе нет.

– Кого?

– Бога... Совсем... И никогда не было... Потому и барахтаемся мы все в этой грязи. Безвылазно. И всегда будем барахтаться. И никто ничего изменить не сможет. Никогда.

Какое-то время Йешу ошарашенно смотрел на Кефу. Потом опомнился, моргнул и вновь уставился на умирающий огонь.

– Рядом будем висеть... – наконец сказал он. – На соседних крестах.

– ...Кстати, как там? На кресте.

Йешу поморщился.

– Ничего хорошего... Лучше не пробуй.

Последний огонёк на головешке вдруг заметался из стороны в сторону, затрепетал и погас. Сразу стало темнее. Кефа взял палку и принялся сгребать остатки костра в кучу. Потревоженные угли затрещали, застреляли искрами, дохнули жаром. К звёздам повалил сизый дым.

Кефа оглянулся. На востоке, за озером, на фоне посветлевшего неба уже отчётливо выделялись чёрные вершины холмов.

– Светать начинает, – сказал он. – Пора всех будить. Пока глаза продерут, пока соберутся... Сеть ещё снимать, парус ставить.

– Погоди... – Йешу поднялся. – Пойду я. Не надо пока никого будить. Не люблю прощаться.

Кефа тоже встал.

– Так ты сейчас куда? Обратно в Тверию?

– Да... Доберусь по берегу до Хамата, а там уже по дороге. Там недалеко – миля три, не больше.

– Ну. А потом?

– Потом?... Потом упрошу Антипу отправить меня обратно в Кесарию... Но к Пилату не пойду. Поселюсь где-нибудь поближе к порту и буду ждать подходящее судно. На Александрию или на Пелузий... Мать постараюсь из Йерушалайма забрать... – он помолчал. – Если получится.

– Понятно... Значит, больше не увидимся?

– Не знаю. Может, и не увидимся.

– И с собой не позовёшь?

Йешу покачал головой.

– Нет. Теперь не позову... Это мой путь. У тебя своя дорога... У каждого в жизни своя дорога. И её надо пройти до конца.

– М-да... – Кефа повёл плечом. – Разбередил ты тут всё. Разворошил, понимаешь, ровно барсук улей... И как теперь дальше жить – непонятно. И что делать – тоже непонятно.

– Что делать? Я ж говорю: пасите своих овец. ЭТО теперь ваше дело.

– Нет, это я понял. Я о другом. Как жить-то теперь? Как жить со всем этим внутри?! И ради чего?!.. Любовь умерла. Вера... Вера, похоже, тоже умерла. И что остаётся?!.. Если прав я, и Бога нет, то... То всё вообще бессмысленно!.. А если прав ты, и Бог здесь... – Кефа прикоснулся пальцами к виску. – То это... тоже ничего не меняет... Ну, или почти ничего.

– Почти! – Йешу поднял палец. – Почти. Вот ради этого «почти» как раз и стоит жить.

– Но, ты же сам сказал: это – сотни и сотни лет! – воскликнул Кефа. – Это внуки наших внуков! Или даже правнуки правнуков! Это же!.. Это...

– Да... – тихо сказал рабби. – Да...

Он стоял и смотрел на восток, где за всё ясней проступающими на фоне светлеющего неба холмами поднималось, выкарабкивалось, выбиралось из цепких, жадных пальцев ночного мрака неукротимое вечное солнце.

– Помнишь, – задумчиво сказал Йешу, – два с половиной года назад. Когда я впервые пришёл в Бейт-Цайду. Я сказал тебе, что ты будешь ловить человек. Ты тогда меня не понял.

– Помню... – сказал Кефа. – Я тогда был другим. Совсем другим.

– Я тоже, – поворачиваясь к нему, сказал рабби. – Я тоже был другим... Ты знаешь, я недавно понял одну простую вещь: мир не меняется. Совсем не меняется. Меняется человек... Правда, чтобы понять эту простую и очевидную вещь, мне пришлось умереть... Видишь, что получается – иногда человеку, чтобы измениться, приходится умереть.

– Да, – сказал Кефа. – Это я как раз понимаю. Я ведь... тоже... Я ведь, можно считать, тоже один раз уже умер... Тогда... Когда Хави...

– Да, – кивнул рабби. – Я знаю... Я ведь во многом из-за этого и выбрал тогда тебя.

– Вот как?! – вскинул голову Кефа. – Но ты же!.. Ты!..

– Да... – печально согласился Йешу. – Да... Виноват. Прости.

Кефа шумно посопел носом.

– Ну, и как нам теперь быть? – угрюмо спросил он и тут же уточнил: – Нам с тобой. Таким, как мы. Однажды умеревшим... Что нам остаётся?

– Нам? – слабо улыбнувшись, переспросил рабби. – Нам остаётся немало... Нам остаётся надежда...

3

Кефа пришёл в Кесарию за неделю до Хануки, первый день которой в этом году приходился по романскому календарю на декабрьские иды.

Для чего он подался в столицу, Кефа, пожалуй, даже сам себе не смог бы объяснить. Просто не было уже никаких сил оставаться в Кфар-Нахуме. И вроде ведь наладилось всё дома. После той памятной рыбалки с рабби всё как-то сразу поменялось к лучшему, пошло на лад. В горах Хермона вдруг прошли дожди, и уровень воды в Кинеретском озере сразу поднялся. Рыбы стало много, даже с избытком, и в прибрежные города потянулись купцы, везя на обмен масло, муку, вино, фрукты, а также ткани, кожи, разнообразную домашнюю утварь. Голодные дни сразу же забылись, стёрлись из памяти. Весело, богато отпраздновали Йом-Кипур и Суккот. В общем, всё вроде бы было хорошо и с каждым днём становилось только лучше. Дело было не в этом. Просто уже не сиделось дома. Просто душа уже рвалась куда-то – по большому счёту, всё равно куда,

лишь бы подальше от сытной, но скучной в своём однообразии жизни. Да и друзья-апостолосы все поразошлись-поразъехались. Первым, ещё до Йом-Кипура, ушёл в свою Кфар-Кану Натан. А после праздников дом и вовсе стал стремительно пустеть. Перебрались обратно к родительскому очагу, в Бейт-Цайду, «братья громовы». Ушли в Йерушалаим Йохи с Томой. А за толстяком Леви приехал на биге из Тверии его старший брат, тоже мытарь, Ханóх, – такой же обширный, бурнобородый и громогласный. И Кефа затосковал. Он стал вялым, безразличным, потерял аппетит и стал плохо спать по ночам. Ничего его не радовало – ни обильные уловы, ни забавные проделки подрастающего Марка, ни удачное сватовство племянницы – старшей дочери Андреаса и Михаль, красавицы Мири, – на девушку обратил внимание сын богатого купца-караванщика из Магдалы.

Решение уйти пришло внезапно. С утра собирались с Оведом сплавать к устью Ха-Йардена, половить на удочку юрких белобрюхих лавнунов, но ночью зарядил дождь, да не летний – легкомысленный и быстротечный, а, наверное, первый зимний: основательный, размеренный, обложной. Рыбалку пришлось отменить. Кефа, не торопясь, основательно, хотя и без аппетита, позавтракал, поиграл в лошадки с Марком, побеседовал с Рут о ценах на зерно, постоял в дверях, глядя на мутные пузырящиеся лужи и медленно тянущиеся над самой крышей дома, свинцовые неповоротливые тучи и вдруг засуетился, засобирился, понакидал чего попало, без разбору, в дорожную суму и, не дожидаясь хоть какого-нибудь просвета в непогоде, не поддаваясь на увещания и уговоры, ушёл, шлёпая по лужам и оскальзываясь в грязи, напрямик на Ципори – почти без денег, без плана на будущее, без единственной более-менее осознанной мысли в голове.

Из Ципори он отправился в Мегиддóн, оттуда двинулся в Антипатрис, чтобы потом, возможно, перебраться ещё южнее, в Лод, но на полпути передумал и от Бэйт-Галгáла свернул на запад, к морю, в Кесарию.

Кефа вошёл в город через Восточные ворота. Его сразу удивили две вещи. Во-первых, относительная малолюдность. Нет, народу на улицах было изрядно, но в сравнении с городами, которые он миновал на своём пути, с Ципори, например, или с тем же Мегиддоном, в новой столице Йехудеи было пустовато. И это, если не вспоминать про Йерушалаим! В сравнении с вечным муравейником священного города, Кесария, вообще, выглядела безлюдной пустыней. Но вот в чём новая столица смотрелась выигрышной старой, так это нарядностью своих зданий. Кефа поначалу даже подумал, что все дома в городе сложены из белого мрамора, и его поразила такая вызывающая роскошь. Но потом в одном из переулков он заметил стену, на которой проступало обширное грязно-жёлтое пятно и, подойдя ближе, убедился, что на самом деле стены здешних зданий сложены из жёлтого песчаника, а поверху просто искусно оштукатурены белой известью. Это было любопытное открытие, и Кефа даже слегка посетовал про себя, что ему не с кем поделиться своим наблюдением.

Дважды побывав в Кесарии в позапрошлом году, Кефа, по сути, вовсе не видел города. Первый раз, вместе с Хавивой, они дальше старого рынка, который начинался сразу же за Северными воротами, никуда не пошли. Поменяли деньги, прикупили одежды и через те же Северные ворота ушли из Кесарии, торопясь поскорее попасть домой, в Ха-Галиль. А во второй раз Кефу привозили в столицу ночью. Привезли по темноте, увезли по темноте, так что он, кроме освещённых пляшущим светом факелов, мрачных стен кесарийского преториума, больше ничего и не разглядел. Теперь Кефа навёрстывал упущенное.

Пока он, задрвав голову, бродил по прямым, как будто вычерченным по линейке, улицам Кесарии, день угас. Небо потемнело, и с востока подул неприятный холодный ветер. Пора было подумать о ночлеге. Кефа давно уже не ночевал на постоянных дворах – не было денег. Обычно он, приходя в какой-нибудь город или деревню, обращался к старейшине местной еврейской общины, и тот определял его на постой в один из домов.

Кефа выбрал среди прохожих одетого в симлу пожилого мужчину и поинтересовался у него, где находится ближайший дом собраний?

– В Стратонов квартал иди, – посоветовал ему прохожий. – Там их несколько. Как раз к вечерней молитве поспеешь...

Кефа двинулся в указанном направлении и вскоре очутился на узких кривых улочках местного старого города, среди одноэтажных глинобитных домов, как будто перебежавших сюда напрямик из Йерушалайма, из какого-нибудь квартала поблизости от Овечьих ворот. Ноги вынесли его на небольшую немощёную площадь, и он сразу же услышал глашатая.

– Кто знает этого человека по имени и по делам его?! – хриплым монотонным голосом нараспев вещал глашатай. – Приговорён судом Санхедрина к побиванию камнями! За осквернение субботы! За возведение хулы на Всевышнего! За подстрекательства к разрушению Храма! Кто имеет сказать что-либо в его оправдание, пусть придёт и свидетельствует!.. Кто знает этого человека по имени и по делам его?!..

Засмотревшись на глашатая, Кефа не сразу заметил самого осуждённого. Тот стоял на коленях с вывернутыми, заведёнными за спину руками, которые были привязаны толстой верёвкой к столбу. Голова приговорённого была низко опущена, лица видно не было, вся его фигура была как будто подрублена, перекошена на бок и вызывала острое чувство жалости и сострадания.

«Бедняга! – мимолётно подумал Кефа. – Надо же, как не повезло!..»

Он миновал глашатая – маленького тщедушного человечка с узким, словно заточенным к носу, лицом – и, пройдя ещё несколько шагов, как будто наткнулся на стену.

«Господи! – изнутри ударило его. – Не может быть!.. Господи!..»

Он кинулся назад и, упав перед узником на колени, бережно, двумя руками, приподнял его голову. Сомнений быть не могло – это был рабби.

Лицо Йешу было сожжено солнцем. Кожа со впалых щёк свисала лохмотьями. Нос заострился. Губы были покрыты неопрятной кровавой коростой. Грязная свалывшаяся борода сбилась на сторону. Рабби был без сознания и не заваливался на бок лишь потому, что сделать это ему не позволяла натянутая верёвка.

– Рабби!.. – тихо позвал Кефа, ощущая, как грудь разрывает невыносимая жалость, а к горлу подступает солёный ком. – Рабби! Ты слышишь меня?!..

– Эй!.. – окликнул его глашатай. – Эй, ты чего?! Не положено!.. Ты что, знаешь его?!

Кефа поднялся на ноги. Его трясло.

– Я знаю этого человека по имени и по делам его! – с трудом справляясь с ходящей ходуном челюстью, сказал он. – Я готов... Я готов свидетельствовать в его пользу перед судом Санхедрина!..

Главой местного суда оказался полненький круглолицый человек с неторопливой, как будто бы нарочито замедленной речью и с такими же неторопливыми, плавными движениями мягких и полных, почти женских, рук. Звали его Нахшон бар-Леви. Он принял Кефу в своём большом и богатом, выстроенном по романскому образцу доме, который располагался по соседству с домом собраний. Выслушав, не перебивая, горячую и сбивчивую Кефину речь, Нахшон долго молчал, с любопытством разглядывая Кефу и шевеля пухлыми пальцами сложенных на круглом животе ладоней.

– Ты ведь Кефа? – наконец спросил он. – Кефа из Ха-Галиля? Так?

– Да, – удивлённо подтвердил Кефа. – Ты меня знаешь?

– Мне про тебя рассказывали, – кивнул Нахшон. – А точнее, предупреждали. Что ты – вероотступник. Что ты опасен. Что ты – романский гражданин и повсюду таскаешь с собой меч... Вижу: меч на месте...

– Кто?! Кто тебе говорил про меня?!

– Какая разница? Мне говорили о тебе люди, словам которых я вполне доверяю...

– А-а... – догадался Кефа. – Ханан?! Это он говорил тебе про меня?! Да?!.. Или Каиафа?!

Кто?!

Нахшон помедлил.

– Неважно. Это не имеет к делу никакого отношения... Так чего ты хочешь, Кефа из Ха-Галиля?

– Я хочу свидетельствовать на суде Санхедрина! – ответил Кефа. – И ещё я хочу, чтобы рабби... чтобы осуждённого Йешу бар-Йосэфа немедленно увели с площади! И позволили мне ухаживать за ним!

– То есть, я так понимаю, ты хочешь свидетельствовать о том, что того осуждённого, который сейчас стоит у столба на площади, в действительности зовут Йешу бар-Йосэф? Йешу бар-Йосэф из Нацрата. Так?

– Да!

– И ты хочешь, чтобы я для этого созвал суд Санхедрина? Так?

– Да! Так!

Нахшон виновато развёл руками.

– Я вынужден отказать тебе в этом, Кефа из Ха-Галиля.

– Но почему?!

– Потому что настоящий Йешу бар-Йосэф из Нацрата казнён почти два года назад. На позапрошлую Писху, в Йерушалайме. И об этом есть многочисленные свидетельства. Как документальные, так и присутствовавших на казни очевидцев...

– Но я же всё объяснил! – в отчаянье почти закричал Кефа. – Я же всё тебе объяснил!

Нахшон покачал головой.

– То, что ты мне рассказал, больше похоже на занимательную байку. А не на серьёзные свидетельские показания. Таких баек много ходит по здешним рынкам и попинам. И разумеется, я не стану собирать уважаемых членов Санхедрина только ради того, чтобы они выслушивали все эти... небылицы.

– Но ведь я говорю правду! Почему ты не веришь мне?!

– Хорошо... – примирительно сказал Нахшон. – Хорошо. Давай разберёмся... Ты говоришь, что тот, кого ты называешь Йешу бар-Йосэфом из Нацрата, выжил после казни на кресте. Так? После чего почти два года скрывался... э-э... в Йерушалайме, в Кесарии, в Тверии... где ещё?

– Какая разница, где он скрывался?! – нетерпеливо махнул рукой Кефа.

– Действительно, никакой, – легко согласился Нахшон. – Где он скрывался, к делу действительно не относится... Гораздо важнее, почему он скрывался? Но об этом тоже пока не будем. Сосредоточимся на главном. Первое, – Нахшон выставил перед собой маленький круглый кулак и оттопырил на нём белый, хорошо отмытый палец. – Человек, которого ты называешь Йешу бар-Йосэфом из Нацрата, выжил после казни. Так?.. И второе, – от кулака отделился второй пухлый палец. – Человек, которого ты называешь Йешу бар-Йосэфом из Нацрата, всё это время – от момента казни в Йерушалайме, до момента ареста его в Кесарии – где-то скрывался. Да? Так? В этом заключается твоя правда?

– Ну... да, – поведя плечом, подтвердил Кефа. – В общем-то, так... Если не вдаваться в подробности.

– Хорошо... – Нахшон неторопливо потёр ладонями, как будто умывал их под струёй воды. – Не будем вдаваться в подробности. Хорошо... Но... Но тогда скажи мне, Кефа из Ха-Галиля, как относиться к другим твоим словам? Заметь, к словам, сказанным прилюдно, при большом количестве свидетелей... Скажи, как относиться к твоим словам о том, что Йешу бар-Йосэф из Нацрата, известный также как рабби-галилеянин, на кресте всё-таки умер? Умер! А после казни... воскрес! И, более того, взят Господом нашим к себе в Небесное Царство. Где и поныне пребывает в славе и благоденствии. Как относиться к этим твоим словам, Кефа из Ха-Галиля?.. И ждать ли нам пришествия Помазанника Божьего Йешу бар-Йосэфа, каковое, по твоим же словам, состоится в самое ближайшее время?.. Или оно уже состоялось? И этот человек, что стоит сейчас на площади у позорного столба, и есть Помазанник Божий? И нам всем следует пасть пред ним на колени? Так?.. Ну, что же ты молчишь, Кефа из Ха-Галиля? Ты всё ещё хочешь свидетельствовать на суде Санхедрина?.. Какую правду ты собираешься излагать перед высоким судом? Первую? Или вторую?.. Или у тебя в запасе есть какая-нибудь третья?

Нахшон говорил неторопливо, негромким и каким-то даже скучным голосом, но каждым своим словом он как будто хлестал Кефу наотмашь по лицу. У Кефы горели щёки и уши. Воздух в помещении стал густым и горячим и с трудом проходил сквозь горло, где опять почему-то набух и мешал говорить шершавый солёный комок.

– Я... – выдавил из себя Кефа. – Я объясню...

– Что ты можешь объяснить, Кефа из Ха-Галиля? – с едва заметной насмешливой интонацией произнёс Нахшон. – Что?.. Ну, хорошо, допустим, ты что-то в самом деле объяснишь. Допустим, ты сможешь объяснить, как казнённый преступник сумел выжить на кресте. И где он пропал после этого почти два года, ты тоже сможешь объяснить. Я в этом сильно сомневаюсь, но... допустим... Но что от этого изменится? Разве он перестанет от этого быть преступником? Разве это снимет с него те обвинения, по которым его приговорили к смерти в позапрошлом году в Йерушалайме? И разве это снимет с него обвинения в тех преступлениях, за которые он приговорён к смерти в этот раз, здесь, в кесарийском Санхедрине?.. – Нахшон покачал головой. – Нет. Это не снимет с него ни одного из предъявленных ему обвинений... Этот человек был приговорён к смерти. Это главное. А сколько раз он был приговорён – один или два – не имеет равным счётом никакого значения... И кем он умрёт – Йешу бар-Йосэфом из Нацрата или

неизвестным, выдающим себя за Йешу бар-Йосэфа, – тоже не имеет никакого значения. Конец один... – Нахшон облизнул губы, помолчал, а потом продолжил: – Мне бы следовало немедленно арестовать тебя, Кефа из Ха-Галилия. Арестовать и предать суду. Как лжесвидетеля и пособника приговорённого к смерти самозванца... И, кроме того, насколько я знаю, в Йерушалайме тебя обвиняю в убийстве. Говорят, ты там убил какого-то Хананью и его жену и теперь скрываешься от правосудия...

– Брехня!.. – мотнул головой Кефа. – Сплетни!.. – комок в горле мешал ему говорить и он откашлялся. – Никто ничего не докажет. У них нет свидетелей.

Нахшон даже всплеснул руками.

– Ты на самом деле такой наивный или притворяешься?! Какие свидетели?! Да если нужно будет, свидетели всегда найдутся. Уверяю тебя!..

– Свидетели? Или лжесвидетели? – хрипло переспросил Кефа. – Ты ведь сам, понимаешь, только что обвинял меня в лжесвидетельстве! Ты! Судья!

– Да, – сказал Нахшон. – Да, я – судья. И именно как судья я могу тебя заверить, что любого свидетеля я легко могу превратить в лжесвидетеля. При необходимости... И, разумеется, наоборот. Легко!.. Так что, поверь мне, я могу арестовать тебя прямо сейчас. Арестовать и предать суду Санхедрина. Или отправить в Йерушалайм. Где, я уверен, до суда ты даже не доживёшь... Я не стану этого делать лишь потому, что ты – романский гражданин. А значит, мне неизбежно придётся привлечь ко всему этому некрасивому делу романские власти. А я не хочу давать префекту Пилату лишний повод швырнуть в нашу общину комком грязи... Так что мой тебе совет, Кефа из Ха-Галилия: ступай-ка ты отсюда. Ступай отсюда, пока цел... Забудь про своего товарища. Кем бы он ни был, ему уже не помочь. Завтра с закатом солнца истекают сорок дней, отведённых законом на поиск возможных свидетелей. Послезавтра утром этот человек будет казнён... – Нахшон прищурился. – И даже не вздумай пытаться отбить осуждённого силой! Я знаю, меня предупреждали: ты горяч и безрассуден, и вполне способен на подобный поступок. Поэтому я говорю тебе: не смей! У тебя есть меч, а у нас... У нас тоже кое-что найдётся. Так что даже не думай. Ты только прольёшь лишнюю кровь. Свою и чужую. И ничего не добьёшься... Так что – ступай, – Нахшон указал женственной рукой на дверь. – Это всё, что я могу сделать для тебя. Ступай и постарайся как можно скорее покинуть Кесарию... А иначе... А иначе я не дам за твою жизнь и ломаной пруты...

Найти советника Паквия в Кесарии, а тем паче попасть к нему, оказалось делом очень даже непростым.

Внутренняя служба в столичном гарнизоне была поставлена образцово, и Кефа сполна испытал на себе всю неповоротливую основательность её механизма.

Для начала его остановили в воротах преториума. Старший караульной смены внешнего караула, выслушав Кефу, хмыкнул, сплюнул ему под ноги, но всё же отправил одного из солдат за дежурным деканом. Прибывший декан тоже внимательно выслушал Кефу, задал ему несколько ничего не значащих вопросов, после чего Кефа был пропущен в тесный каменный дворик, зажатый между крепостной стеной и внешней стеной здания преториума. Здесь Кефу обыскали, забрали у него меч и кинжал, покрутили в руках буллу, сунули её, так и не прочитав, Кефе обратно и передали его с рук на руки дежурной смене внутреннего караула. Старший караульной смены внутреннего караула тоже внимательно выслушал Кефу, дважды, морща лоб и то и дело спотыкаясь на незнакомых словах, перечитал буллу, после чего, поразмыслив, отправил одного из своих солдат за дежурным деканом. Вышедший во дворик дежурный декан внутреннего караула тоже выслушал Кефу, потом, скептически задрав бровь, прочитал буллу, хмыкнул, почесался и, сунув буллу за пазуху, исчез за дверями преториума. С полчаса ничего не происходило: Кефа в нетерпеливом ожидании прохаживался от стены до стены; караульные, сойдясь в тесный кружок и не обращая никакого внимания на посетителя, обсуждали, шумно смакуя подробности, свой – то ли вчерашний, то ли третьего дня – поход по местным попинам, закончившийся, как водится, хорошей потасовкой. Потом дверь отворилась, и тот же декан поманил Кефу пальцем внутрь. Здесь посетителя ещё раз обыскали, на этот раз более тщательно, отобрали дорожную суму и пояс с ножнами и, заведя в какую-то маленькую каморку без окон, оставили под присмотром угрюмого неразговорчивого солдата.

Кефа недоумевал. Помнится, в прошлый раз всё было гораздо проще. Никто его с рук на руки не передавал и, как раба перед покупкой, не общупывал. Привезли, втолкнули в какую-то

малоприметную железную дверь, провели по мрачным, явно подземным, коридорам, потом – подъём по крутой каменной винтовой лестнице, ещё одна железная дверь – и вот он уже пред светлы очи советника префекта. А тут... Развели, понимаешь, поску укусом!..

Ещё примерно через полчаса в комнату заглянул легионер с пурпурным шейным платком, которые обычно носит личная охрана легата. Кефа уже собрался излагать свою просьбу по пятому разу, но легионер спрашивать его ни о чём не стал, а повёл по длинной анфиладе комнат вглубь преториума. В руке легионера Кефа заметил свою буллу. Легионер привёл Кефу в большую, пропахшую солдатским духом, залу, где топталось с десятков таких же, как и он, «пурпурноплаточников», а в углу, за обширным столом, под мраморным бюстом императора Тиберия Августа, сидел дежурный кентурион в надраенном до немыслимого блеска тораксе с изображением идущего в атаку дикого вепря – символа Десятого «Охраняющего пролив» легиона. Кентурион – пожилой, утомлённый службой, со слегка обрюзгшим лицом, пересечённым старым неровным шрамом, – выслушал посетителя очень внимательно, потом столь же внимательно изучил буллу, после чего тяжело вздохнул, пригласил Кефу присесть и приступил к сложным приготовлениям. Для начала он принялся перебирать валявшиеся на столе керы, придирчиво рассматривая каждую из них и раскладывая по нескольким разновеликим стопкам. Потом он выбрал одну из кер и, пограв над светильником, принялся разглаживать на ней воск обратной стороной стилуса. Кера была исписана основательно, стилус был тонким, и кентуриону пришлось изрядно попотеть. Удовлетворившись наконец полученным результатом, кентурион раскопал на столе под грудой папирусов выдавший виды, затёртый пергамент, положил его перед собой, тщательно разгладил ладонями, придвинул к себе очищенную керу, вновь вооружился стилусом и принялся задавать Кефе вопросы. Вопросов было много и были они самые разные: о семье, о службе в Легионе, о том, откуда он пришёл в Кесарию и о том, чего он всё-таки хочет от советника префекта. Все эти вопросы кентурион задавал неторопливо, постоянно сверяясь с пергаментом, и так же неторопливо заносил Кефины ответы в керу, то и дело ошибаясь, ахая и старательно исправляя написанное. У Кефы от всей этой муторной процедуры сначала заныло раненое плечо, потом зачесались пальцы на ногах, а потом внутри, где-то в районе пупа, начало набухать и закручиваться почти непреодолимое дикое желание: заорав, вскочить на ноги, перегнуться через стол и, ухватив кентуриона одной рукой за край надраенного торакса, кулаком другой, прямо костяшками, врезать ему по носу – раз! и другой! и третий!.. И вот когда это желание, заполнив Кефу до краёв, сделалось уже совершенно нестерпимым, дежурный кентурион закончил задавать вопросы, отложил стилус, снова тяжело вздохнул и, поднявшись, удалился вглубь здания, унося с собой полностью исписанную керу. Вернулся он довольно скоро и сообщил Кефе, что советника сейчас нет – убыл во дворец к префекту. Кефа, сдерживаясь из последних сил, спросил, что ему теперь делать? Кентурион ответил, что надо подождать. Сколько? Ну, это одному префекту известно, сколько. А обычно как? А обычно – по-разному. Иногда часа два. А иногда и до утра. А где ждать? Здесь? Ну, что ж, можно и здесь. Вон, скамейка у стены – садись и жди. Эй, там, в углу! Это кто там разлёгся, как девка в лупанарии?! Я вам посплю на дежурстве! Витиса захотели?!.. Ступай туда, прим, видишь – место освободилось...

Кефа просидел на скамье, как петух на жёрдочке, почти всю ночь. Приходили и уходили караульные. Прибегали и вновь убегали бессонные потные посыльные. Вставал из-за своего стола, выходил и вновь возвращался дежурный кентурион.

На Кефу солдаты не обращали ровным счётом никакого внимания. Подвинулись попервоначалу, освобождая место, – и на этом всё. Никто не заговаривал, не приставал с расспросами, что было более чем объяснимо: ну, о чём, скажите на милость, им, коренным италийцам, разговаривать с каким-то там местным бородачом, занюханым провинциалом?! И о чём, скажите на милость, им, «пурпурноплаточникам», элите, личной охране легата, расспрашивать какого-то замшелого отставника, пусть даже и бывшего прим-декуриона?! О давно забытых сражениях? О ценах на местном рынке? О видах на урожай? Полноте! А вот блох от него набраться – это за милую душу! Это как раз запросто! Бородищей-то, глянь, зарос по самые глаза! Ну его к лярвам!.. Кефу, впрочем, такое положение вещей вполне устраивало – не желал он сейчас ни с кем ни говорить, ни, тем более, спорить. Жрать вот только хотелось чем дальше, тем больше. Но это – ничего, это – не впервой, это, понимаешь, как раз можно перетерпеть...

В начале второй стражи легионеры притащили в дежурку пьяного, избитого в кровь, солдата. Тот был в полнейшей прострации, на расспросы отвечал невнятным мычанием и, слюняво улыбаясь, всё пытался приобнять за талию подошедшего к нему кентуриона. Кентурион пришёл в

бешенство, два раза собственноручно приложился пьянице по и так уже разбитой морде, после чего приказал легионерам оттащить нарушителя в карцер.

Во время третьей стражи в комнату забежала крыса, вызвав среди легионеров всеобщее весёлое оживление. Крысу довольно скоро изловили и принялись «дрессировать», заперев между четырьмя плотно составленными щитами и тыкая тварь остриями дротиков. Крыса визжала и высоко подпрыгивала, пытаясь вырваться из западни. Солдаты ржали. Забаву прекратил в очередной раз вернувшийся в дежурку кентурион. Он прикрикнул на подчинённых, те нехотя повиновались, разобрав щиты и вернув дротики на место – в специальную стойку у стены. Крысу раздавили калигой и выкинули в окно.

Вскоре Кефу припёрло по нужде. Он выспросил дорогу у караульных и прогулялся по тёмным коридорам до латрины, заодно размяв затёкшие от долгого сидения ноги. В латрине чадил одинокий факел, было холодно и гулко, и громко журчала вода в каменных сливных стоках.

За время его отсутствия в дежурке не изменилось ровным счётом ничего. Так же тускло коптели светильники. Так же вполголоса бубнили полусонные легионеры. Кентурион, который перед уходом Кефы сидел за своим столом, ковыряя в зубах стилусом, по приходе Кефы из латрины по-прежнему продолжал ковырять в зубах стилусом, даже не переменив своей позы.

Кефа уселся на своё место и с ненавистью уставился в каменный мозаичный пол, к этому моменту уже совершенно точно зная, что рисунок на нём состоит из ста восьмидесяти больших красных квадратов и двести девяти малых зелёных.

Когда за окном длинно и пронзительно пропела букина, возвещающая о наступлении четвёртой стражи, Кефа не выдержал и, не обращая больше ни на кого внимания, улёгся на скамью, завернувшись с головой в плащ.

Его разбудил топот ног и громкие отрывистые команды. Кефа опустил ноги на пол, сел и недовольно огляделся – невыспавшийся, голодный и злой. В дежурке происходила смена караула. «Дневники» деловито раскладывали по полкам оружие и амуницию, пересчитывали стрелы и дротики, проверяли наличие масла в светильниках. «Ночники» топтались у выхода, радостно гогоча и зубоскаля. Новый дежурный кентурион – молодой, подтянутый, с поцарапанным неумелым бритъём подбородком – принимал у старого ключи и документацию. Старый дежурный показал новому на Кефу и что-то негромко сказал. Новый невнимательно глянул на хмурого и взъерошенного отставного прима, кивнул и снова принялся перекладывать с места на место пергаменты и папирусы.

Наконец смена завершилась, и «ночники», громко переговариваясь и стуча калигами, ушли. «Дневники» принялись располагаться. Новый дежурный кентурион, видимо, не отличался особой строгостью, поскольку некоторые легионеры тут же повалились на скамьи в явном намерении скоротать долгое дежурство сном. Окрика не последовало.

Кефа напился воды из принесённой новым караулом гидрии, ещё раз прогулялся до латрины и снова уселся на свою скамью. Жрать хотелось невыносимо. В животе урчало.

И тут в дежурке что-то неуловимо переменилось. Те, кто лежал, сели. Те, кто сидел, встали. Дежурный кентурион поднял голову, подобрался и принялся поправлять и без того безупречно уложенный шейный платок. Разговоры смолкли.

В наступившей тишине послышались приближающиеся быстрые шаги, дверь распахнулась, и в комнату, в сопровождении своего неизменного опциона – здоровяка Кальва и надменного, как верблюд, долговязого Бэни, стремительно вошёл советник Паквий.

Кентурион, вскочив, гаркнул команду. Легионеры вытянулись, задрав подбородки и приложив правый кулак к груди.

Советник, не останавливаясь, быстро проследовал через залу, лишь на мгновение задержав взгляд на Кефе и, не выказав ни малейшего удивления, так, как будто он сам назначил отставному приму явиться, к примеру, поутру с докладом, тут же кивнув ему – мол, давай за мной. Возле стола Паквий жестом руки остановил доклад дежурного кентуриона, принял от него с десятков кер и папирусов, не глядя сунул их опциону, отдал несколько коротких распоряжений и, более не задерживаясь, вышел в услужливо открытую перед ним дверь. Кефа поспешил следом.

– Что у тебя, прим? – чуть повернув голову, спросил на ходу Паквий.

Кефа, с трудом протиснувшись мимо необъятного Кальва, нагнал советника и пошёл рядом.

– Там, на площади, рабби... – начал он.

– Я знаю, – оборвал его Паквий. – Что ещё?

Кефа смешался.

– Ничего... Я думал... Его завтра казнят!

– Не казнят, – отмахнулся Паквий. – Префект не утвердит приговор. Впрочем, это ничего не изменит. Они просто посадят его в тюрьму и заморят голодом. За месяц. А то и меньше. Как мне докладывали, он и сейчас уже очень плох.

– Да! – подтвердил Кефа, семена рядом и заглядывая сбоку в лицо советника. – Он совсем плох! Его надо срочно вытаскивать оттуда!..

– Зачем?

Кефа споткнулся на ровном месте.

– К-как «зачем»?!

– Зачем? – повторил Паквий и, резко остановившись, повернулся к Кефе и ткнул ему пальцем в грудь. – Ты можешь мне ответить: зачем?!

– Что «зачем»? – тупо переспросил Кефа. – Зачем спасти рабби?!

– И это тоже, – кивнул советник. – Но тут главное другое. Скажи мне, прим, зачем твой, так горячо тобой любимый, рабби ушёл из дворца Антипы? Зачем?! Что его понесло в Кесарию?! Ты можешь мне это объяснить?!.. И почему твой рабби, раз уж он оказался в Кесарии, почему он не пришёл ко мне?! Почему – и главное, от кого?! – он пытался скрыться?! Ты можешь ответить мне на эти вопросы, прим?!

Кефа сглотнул.

– Он... Он хотел уплыть. Насовсем уплыть. На корабле... В Индию.

– Куда?!!

– В Индию.

Паквий пару раз мигнул, как будто усваивая услышанное, а потом снял палец с Кефиной груди, резко повернулся и двинулся дальше, буркнув себе под нос:

– Безумец!

Кефа вновь засеменял рядом.

– Он не мог дальше оставаться под арестом, трибун. Конечно, во дворце, на всём готовом, но это ведь всё равно, как под арестом. Он хотел уплыть. Куда-нибудь подальше. В Индию, например. Забрать из Хиеросолима мать и уплыть. Я понимаю, трибун, всё это глупо. Но он уже просто не мог!.. Не мог маяться бездельем! Он ведь лекарь. Хороший лекарь! Он лучший лекарь из тех, кого я знаю! И он хотел заниматься лекарьством. Здесь бы ему этого не дали. Поэтому он хотел уплыть. А для начала он хотел спрятаться в Кесарии, где-нибудь поближе к порту, дожидаться подходящего судна и потом уплыть...

– Спрятаться?! – изумился Паквий. – В Кесарии?! Где каждый второй – доносчик! Если не мой, то – Нахшона! Или Ханана. Я ведь говорю: безумец!

– Ну, пусть безумец! Пусть! Но сейчас, трибун, его надо спасти!..

Советник снова остановился.

– Я ещё раз могу повторить тебе всё тот же вопрос, прим: зачем?

– Но... разве... Разве рабби больше не нужен? Совсем не нужен?

– Кому? – усмехнулся Паквий. – Префекту? Мне? Великой Романской Империи?.. Или всё-таки, будем честными, тебе, прим? Тебе лично. Ну, и, может быть, ещё твоим друзьям. Как вы там называете друг друга? Апостолосами? Так, кажется?..

Кефа, закусив губу, молчал.

– Молчишь?.. – советник повернулся и снова двинулся вперёд, на этот раз неторопливым, прогулочным шагом. – А я тебе скажу, прим. Я тебе слегка обрисую ситуацию... Многое за последнее время изменилось, прим. Многое. И в РOME, и... здесь... Префект больше не интересуется рабби-галилеянином. Ни живым, ни, тем более, мёртвым. У префекта сейчас другие заботы. И другие планы. Впрочем, это не твоего ума дело... Зато рабби-галилеянином очень интересуется Ханан. И, с недавних пор, ещё и Нахшон. Причём рабби-галилеянин нужен им как раз мёртвым, но никак не живым. И они – благодаря твоей глупости и, главным образом, глупости твоего ненаглядного рабби, – в этом сильно преуспели. Они своё дело сделали. Сделали основательно. И им теперь осталось только чуть-чуть подождать...

– А ты, трибун? – тихо спросил Кефа. – Ты теперь тоже не интересуешься рабби-галилеянином?

– Я? – переспросил Паквий. – Отчего же. Я-то как раз во всей этой затее ещё не разочаровался. Пока не разочаровался. Затя интересная. Пусть теперь и не ближней перспективы, но интересная. Я люблю такие затеи... Вот только твой друг Йешу испортил её на корню...

Они вошли в небольшую залу, где советника приветствовали два легионера, стоящие по сторонам от украшенной затейливой резьбой, закрытой двери. Из-за длинного, расположенного вдоль боковой стены, стола поднялись и трое писцов в одинаковых тёмно-коричневых тогах. Кефа узнал эту комнату. Это была секретарская. Именно сюда доставили Кефу в прошлый раз, прежде чем завести в кабинет советника. Вон и та самая, маленькая железная дверь в углу, ведущая на винтовую лестницу к подземным переходам.

Они остановились. Следовавший за ними Бэни сразу же прошмыгнул вперёд и нырнул в кабинетную дверь. Опцион, передав принесённые керы и папирусы секретарям, придирчиво осмотрел помещение и, подойдя к одному из легионеров, подёргал на нём, видимо, не туго затянутый ремень. Легионер, побагровев, принялся спешно поправлять амуницию.

– Твой друг – дурак, прим! – продолжал тем временем Паквий, вновь останавливаясь и поворачиваясь к Кефе. – Да-да! Неблагодарный самонадеянный дурак!.. Извини, прим, но я всегда был невысокого мнения о евреях. Честное слово! Я всегда считал, что лучше уж иметь дело с недалёким посредственным романцем или уж, на худой конец, с каким-нибудь греком, чем с самым умным из твоих земляков. И знаешь, почему?.. Да потому, что каждый еврей всегда считает, что он хитрее других. И именно из-за этого чаще всего сам остаётся в дураках... Надо же! – всплеснул руками советник. – Загубить такую комбинацию! И из-за чего?! Из-за того, что кому-то, видите ли, наскучило жить во дворце! Во дворце! На всём готовом!.. В Индию ему, видите ли, захотелось! На вольные хлеба! Глупость! Глупость! Несусветная глупость!..

– Ну, пусть глупость! Пусть! – почти закричал Кефа. – Но не умирать же ему теперь из-за этого! Он ведь один раз уже умер! Неужели этого мало?! Неужели больше ничего нельзя сделать?! Советник, склонив голову набок, внимательно посмотрел на Кефу.

– Я не вижу никаких вариантов, прим, – наконец очень спокойно сказал он. – Никаких... Не отбивать же его, в конце концов, у Нахшона силой.

– А почему нет?! – горячо воскликнул Кефа.

– А потому, что! – очень твёрдо и очень жёстко сказал Паквий и ещё раз отдельно повторил: – Потому! Что!.. Префект не пойдёт сейчас на обострение с Хананом. А я без санкции префекта – тем более. Тебе ясно?!

– А что если... – Кефа покусал губу. – А что если перевести рабби в романскую тюрьму? Сюда, в преториум.

– На каком основании? – пожал плечами советник. – Это теперь не наша компетенция. Он нарушил иудейские законы и должен сидеть в иудейской тюрьме. А там, как я тебе уже сказал, долго сидеть ему не позволят.

– А что если... – продолжал мучительно искать варианты Кефа. – А что если он нарушил, в том числе, и романские законы? К примеру... К примеру, оскорбил романского гражданина?

Советник наморщил лоб.

– Это кого же?

– Ну, к примеру, меня.

– Тебя?

– Да, меня!

– Бред! – фыркнул Паквий. – Это когда ж он успел? И как? Сидя на привязи.

– Да неважно! – Кефа, почувствовав опору под ногами, воодушевился. – Он оскорбил меня. Да! Этот негодяй меня оскорбил! Меня! Гражданина Великой Румы! Он в меня плюнул! Он, понимаешь, кинул в меня камнем! Нет! Он помочился на мои сандалии! Точно! Я отвернулся, а он помочился на мои сандалии! А значит, в моём лице он, практически, помочился на всю Великую Империю!.. Трибун! – Кефа поднял руку. – Я заявляю! Человек, который стоит сейчас у столба на площади возле здания суда, оскорбил меня, романского гражданина. И значит, оскорбил Империю! И потому он подлежит имперскому суду!.. Так?!.. Так ведь?!

Советник хмыкнул и погладил гладко выбритый подбородок.

– А что... Это – мысль... Неплохо... Неплохо... – взгляд его повеселел. – Я говорил, прим, что у тебя светлая голова? Ты ещё не надумал идти ко мне в кентурионы?

– После! – отмахнулся Кефа. – Давай поговорим об этом после, трибун! А сейчас надо вытащить Йешу! И побыстрее! Твои люди всё правильно доложили тебе – он плох. Я видел его. Он очень плох, и я реально опасаясь за его жизнь!

Некоторое время советник размышлял, задумчиво поглаживая подбородок и глядя сквозь прищуренные веки мимо Кефы.

– Ну, что ж, прим, – сказал он наконец, – пусть будет по-твоему. Спасём ещё раз твоего ненаглядного друга. Сделаем ещё одну гадость Ханану! – он потёр ладони. – Клянусь Всеблагим Юпитером, только ради этого стоит продолжать игру!.. Кальв! Ты всё слышал? Сделай приму соответствующую бумагу... И распорядись, чтобы приготовили нормальную комнату при тюрьме. Не в камере же, в самом деле, будущего первосвященника держать... Хотя погоди... Давай его, для начала, в лазарет. Наверняка ведь, укатали его там, в Санхедрине этом. Знаю я их повадки. Так что – в лазарет. Пусть его малость подлечат. Потом уже будем думать... – он опять повернулся к Кефе. – Действуй, прим! Людей я тебе дам. Кальв! Снаряди к Нахшону группу попредставительней. Чтоб вопросов не возникало. Ликтора отправь. Марка Пóстума. Скажи, префект распорядился... Всё, прим, больше не задерживаю тебя. Бери бумагу и действуй!

Сказав это, Паквий повернулся и двинулся к открытой двери в свой кабинет, где услужливый Бэни, почтительно склонившись, уже держал на вытянутых руках знаменитую, известную в Десятом «Охраняющем пролив» легионе каждому юнцу, подбитую дорогим золотистым шёлком, лисью безрукавку советника.

В этот раз Кефа пришёл на маленькую площадь возле дома собраний не один, а в сопровождении целой делегации: толстого и напыщенного, как сенаторская жена, ликтора; декана с шестью здоровенными легионерами и четырёх рабов, волокущих пустые носилки.

К его удивлению, ни глашатая, ни рабби на площади не оказалось. У Кефы защемило сердце, когда он увидел сиротливо висящую на столбе верёвку и небольшое углубление в земле, вытертое коленями заключённого.

– Ну? – спросил декан – приземистый густобровый корсиканец Мáрий Кест. – И где?

– Был тут, – указал рукой на столб Кефа.

– Стучи! – кивнул Марий одному из своих легионеров.

Тот поднял копьё и тыльной стороной принялся долбить в запертую дверь дома Нахсона. В маленьком зарешёченном оконце промелькнуло перепуганное лицо привратника, затем тяжёлая двустворчатая дверь распахнулась, и процессия гуськом втянулась в дом. Навстречу уже спешил встревоженный хозяин.

Ликтор величественно выступил вперёд.

– Именем императора Тиберия Юлия Кесаря Августа! – хорошо поставленным голосом возвестил он. – На основании закона Великой Романской Империи и по предписанию префекта Иудеи, заключённый, именующий себя Йешу бар-Йосэфом из Нацрата, подлежит немедленной передаче романскому суду по предъявленным ему обвинениям! – после чего выдернул из-за пазухи папирусный свиток и потряс им перед замершим в напряжённой позе Нахшоном.

Судья опасливо принял документ, развернул и принялся близоруко елозить по нему носом. Прочитав бумагу, он почтительно вернул её ликтору, смахнул со лба проступившие капельки пота и развёл в стороны свои белые мягкие ладони.

– Это невозможно...

– Ты что, борода, не понял?! – шагнул вперёд декан. – Это личное распоряжение префекта Пилата! Ты что, не хочешь подчиниться приказу префекта?!

– Нет! Нет! Что ты! – Нахшон попятился, делая отталкивающие движения руками. – Как можно! Я всего лишь хочу сказать, что выдать вам заключённого Йешу из Нацрата нет никакой возможности! Поскольку он... умер.

– Как это «умер»?.. – поначалу даже не понял Кефа.

И тут до него дошло. Кефу как будто ударили наотмашь. Звуки сразу стали ватными, далёкими, он сделал шаг вперёд и услышал свой собственный голос, идущий словно откуда-то со стороны:

– Как «умер»?!! Ты что несёшь, собака?!..

– Тихо, тихо, прим! Не заводись!..

Чьи-то пальцы сжали его локоть.

– Как «умер»?!!..

– Опомнись, прим!.. Держите его!!..

Кто-то повис у него на плечах. Кефа стряхнул с себя чужие руки и попытался дотянуться до бледно маячащего впереди, перекошенного лица Нахсона. Что-то ему мешало. Он вдруг с удивлением обнаружил в своей руке меч и тут же опомнился.

– Держите его!!.. – верещал белый, как мел, Нахшон, вжимаясь лопатками в стену. – Держите!!.. Он убьёт меня!..

На Кефе висели четверо, включая декана.

– Всё, всё... – отступая, сказал Кефа. – Всё уже... Пустите.

Он высвободил руки и вложил меч в ножны. Звуки вернулись. Но теперь между рёбрами застряла тупая стрела. Ощущение было столь явственным, что Кефа даже пошарил рукой по груди, ожидая наткнуться пальцами на упругое оперение. Марий Кест смотрел на него с опасливым уважением.

– Ну, ты бешеный! – покрутил он головой. – Я думал, ты его порешишь...

– Это безобразие! – не унимался тем временем перепуганный судья. – Это!.. Это!.. Я расцениваю это как нападение! Да-да! Нападение на главу суда! Причём в его же собственном доме! Он же мог зарубить меня! Вы видели?!.. Вы видели?! – попеременно обращался он то к ликтору, то к декану.

– Заткнись! – отмахнулся от него, как от назойливой мухи, Марий. – Не было никакого нападения. Никто ничего не видел. Не выдумывай.

– Он врёт!.. – сказал Кефа; стрела в груди мешала ему говорить, и он откашлялся. – Врёт... Надо обыскать дом и участок. Они его где-то прячут.

– Слышишь, ты, пёс шелудивый! – повысив голос, повернулся к Нахшону Марий Кест. – Где заключённый?! Говори!

– Я бы попросил!.. – обиженно дрожа губой, пискнул судья, было видно, что он уже начал приходить в себя. – Зачем мне врать?.. Йешу из Нацрата умер сегодня ночью. Примерно через час после захода солнца. Смерть засвидетельствована четырьмя членами Санхедрина. Они все уважаемые люди. Я могу вызвать их сюда, если хотите. Они всё подтвердят...

– Ты мне тут не крути! – продолжал наседать на него декан. – Тело где?! Если заключённый умер, должно быть тело! А где оно?! А?! Тело предьяви!

– В соответствии... – Нахшон откашлялся в кулак и встал прямо. – В соответствии с эдиктом пропретора Сирийского и Иудейского, тела приговорённых к казни, но умерших до её исполнения, так же, как и тела казнённых, вывозятся за городскую черту на расстояние не менее двух милей от городской стены и оставляются без погребения. Что и было в точности исполнено сразу же после смерти арестованного...

– Врёшь, сука!! – зарычал Кефа. – Декан, он же врёт! Ты что, не видишь?!.. Ну, ты, падаль! Говори, куда вы дели рабби?!

– Вот! Опять! – шарахнулся от него Нахшон. – Он опять! Он снова хотел напасть на меня! Вы видели?!.. Вы видели?!..

– Успокойся, прим! – Марий снова ухватил Кефу за плечи. – Успокойся, я тебе говорю! Спокойней!.. Вряд ли он врёт. Он же понимает, что нарушить прямой приказ префекта – это значит, сразу пойти на крест. Посмотри на него. Он же дохляк. Да он от одной мысли о кресте обделается! Я таких знаю... Похоже, наш арестант действительно умер...

– Где тело?!.. – сжимая кулаки, вновь двинулся к судье Кефа. – Куда вы дели тело?! Говори!

– Я... – снова вжался в стену Нахшон. – Я не знаю!.. Рабы его увезли. Я рабам приказал – они увезли. Можно у них спросить...

– Так спроси! – рявкнул Марий Кест. – Чего стоишь?! Бегом!..

Судья отлепился от стены и, вжимая голову в плечи, шмыгнул вглубь дома.

– Сожалею, прим, – повернулся к Кефе декан, – но, похоже, всё кончено. Кем тебе приходился этот бедняга? Братом?.. Другом?

– Надо найти тело, – сказал Кефа. – Пока не увижу тело – не поверю.

– Бесплезно, – скривился Марий. – Если правда то, что говорит этот дристун, то – бесполезно. Ночь прошла и полдня. Шакалы уже все косточки растащили.

– Надо найти тело, – упрямо повторил Кефа.

В атриум вышел Нахшон в сопровождении бледного перепуганного слуги.

– Это – Хабабáш, – ткнул судья в переминающегося с ноги на ногу раба. – Это он отвозил тело. Если надо, он покажет, куда.

– Не надо! – отмахнулся декан. – Не хватало нам ещё по помойкам лазить, мертвяков искать!

– Где?!.. – Кефа шагнул к рабу. – Куда ты его отвёз?!

У того задрожали губы.

– Моя... Моя...

– Он не говорит по-романски... – на всякий случай отходя в сторону, сообщил Нахшон. – Да и по-нашему – не очень.

– Ты отвозил сегодня ночью за город мёртвого человека? – переходя на арамейский, спросил раба Кефа. – Ты помнишь, куда?

Хабабаш судорожно переглотнул и закивал.

– Возил, да. Помню... – он мотнул головой. – Туда... Далеко.

– Куда «туда»? Точнее можешь сказать?

– Туда... – раб показал рукой. – Шомронский дорога. Далеко.

– Показать сможешь?

– Не знай, – пожал плечами Хабабаш. – Темно был... Далеко возил.

– С нами пойдёшь, – решил Кефа. – Покажешь...

– Э, нет, прим, так не пойдёт! – вмешался Марий Кест. – Мы так не договаривались! Нам приказано было доставить в преториум живого арестанта. Правильно? Но нам никто не приказывал доставлять арестанта мёртвого. И уж тем более, искать этого мёртвого арестанта по помойкам!

– Да-да! – важно кивнул ликтор. – Никаких помоек! Такого приказа не было... И вообще, давайте побыстрее, меня уже давно во дворце ждут.

– Надо найти тело! – сжимая зубы, проговорил Кефа.

– Ищи! – пожал плечами декан. – Кто тебе мешает? Но только без нас. Нам приказа такого не было. Говорю тебе сразу, я с тобой не пойду и людей тебе своих не дам. Хочешь искать? Ищи сам... Но я тебе не советую. Бесплезно это.

– Хорошо, – сказал Кефа. – Без вас, так без вас. Как-нибудь сам справлюсь.

– Как хочешь, – снова пожал плечами Марий. – Дело твоё. Я увожу людей... – он повернулся к солдатам. – Уходим!

– Пойдём! – кивнул рабу Кефа. – Покажешь... Надо торопиться, скоро начнёт темнеть...

– Я извиняюсь!.. – протянул к декану руки Нахшон. – Я снова извиняюсь! Но кто этот человек?! – он указал пальцем на Кефу. – Он что, официальное лицо? Он на службе у префекта?

– Это?.. – Марий на мгновение замаялся. – Нет, он не на службе... Но он имеет к этому делу самое прямое отношение. Это – потерпевший.

– Я в третий раз извиняюсь, но разве я на этом основании должен отпускать с ним своего раба?!.. Я так понимаю, романские власти ко мне никаких претензий не имеют? Так?

– Правильно понимаешь, – кинул через плечо декан. – Не имеют... Пока, во всяком случае.

– Значит, я не обязан предоставлять своего раба этому... этому потерпевшему? Так? – продолжал гнуть свою линию быстро оценивший ситуацию судья.

– Не обязан... – процедил сквозь зубы Марий Кест. – Разве что в виде взаимопомощи. В знак, так сказать, личного расположения...

– В соответствии с законом Великой Романской Империи, – важно возвестил ликтор, – потерпевший имеет право только на рабов ответчика, нанёсшего ему урон... И то исключительно после решения суда.

– Ну, ты-то чего сюда лезешь?! – досадливо повернулся к нему декан. – Тебя кто-нибудь спрашивал?!.. Ты ведь, кажется, во дворец спешил?! Ну так иди! Тебя здесь больше никто не задерживает!..

Ликтор возмущённо затряс всеми своими тремя подбородками, собрал пухлые губы в обиженную гузку и демонстративно отошёл в сторону.

– Ходят тут всякие! – проворчал ему вслед Марий. – Грамотеи... – и, отвернувшись, приказал солдатам: – Напря-во!.. Шагом... марш!.. Р-ряз!.. Р-ряз!.. Держать строй!

Рабы, подхватив носилки, двинулись за солдатами. Ликтор, выражая всей своей фигурой оскорблённое достоинство, пристроился в хвост колонны.

– Благодарю тебя, почтенный! – помахал ему вслед Нахшон. – Твои разъяснения были очень своевременны и полезны!.. Благодарю! – лицо его источало приторное радушие.

Кефа смерил судью презрительным взглядом.

– Тебе это зачтётся, Нахшон! Можешь не сомневаться.

Тот убрал с лица елеиную улыбку и на всякий случай попятился за спину ближайшего слуги.

– А ты меня не пугай, Кефа из Ха-Галиля! Ты сам бойся... Эй, Ноах! Аса! Покажите этому... потерпевшему, где у нас выход!

– Зачтётся! – повторил Кефа и, сплюнув под ноги, прямо на мозаичный мраморный пол, вышел из дома.

За его спиной тут же грохнула дверь и лязгнул засов.

На площади, привлечённые неординарным событием, толпились любопытные. Немногочисленный отряд Мария Кеста, отбивая шаг, уже заворачивал за угол. Рабы и ликтор пылили следом.

– Р-ряз!.. Р-ряз!.. – донеслось издалека.

– Зачтётся!.. – шёпотом ещё раз сказал Кефа. – Всем зачтётся!.. – и, больше не глядя по сторонам, быстро зашагал по узкой кривой улице в сторону Восточных ворот.

– Эй!.. – донеслось до него сзади. – Эй, уважаемый!.. погоди!

Кефа положил ладонь на рукоять меча и, остановившись, резко повернулся. К нему подбегал запыхавшийся мужчина. Кефа узнал его. Это был давешний глашатай – маленький человек, с заострённым, по-птичьему узким лицом.

– Чего тебе?! – грубо спросил его Кефа, медленно убирая пальцы с рукояти. – Ну?!

– Не надо!.. – отдуваясь, закрутил из стороны в сторону своим острым носом глашатай. – Не надо!.. Не ходи туда. Я всё слышал... Не ходи на Шомронскую дорогу. Его там нет.

Кефа схватил его за руку.

– Что ты говоришь?!.. Кто ты?! Ты что-то знаешь?! Почему его там нет?!

– Меня зовут Лин, – сказал остролицый человек. – Я здешний. Я – писарь при местном Санхедрине... Не ходи на Шомронскую дорогу.

– Почему?!

– Я знаю. Я видел. Они увезли тело на лодке. В море... Это было на рассвете. Привязали к ногам камень и увезли. Большой камень... Они бросили тело в море... Их долго не было. Часа два. Значит – далеко от берега.

– Ты сам это видел?!.. – встряхнул Кефа за плечи маленького глашатая. – Сам?!.. Своими глазами?!

– Да... – непроизвольно морщась, закивал Лин. – Сам... На лодке...

Кефа отпустил его. На него вдруг навалилась свинцовая неподъёмная усталость.

– Ты ведь Кефа?.. – потирая плечо, спросил глашатай. – Да?.. Ты ведь его друг? Правда?.. Он вспоминал тебя. Он был плох последнее время. Когда он впадал в беспамятство, он бредил. И тогда звал тебя. Вот так: Кефа!.. Кефа!.. Он всё время вспоминал тебя...

Кефу затрясло. Чтобы сдержать дрожь, он ухватился обеими руками за рукоять меча.

– Не надо!.. – по-своему истолковал его движение Лин. – Этим ему теперь не поможешь. Не надо!.. Об этом он тоже говорил. Он о многом говорил. Мне нельзя было с ним разговаривать. Но я слушал... Он говорил, что слово гораздо сильнее меча. Поскольку меч проникает только в тело. А слово – в душу... И ещё, что мечи тупятся и ржавеют. А правильные слова не ржавеют никогда. И всегда остры... Так что не надо доставать меч. Он говорил, что меч – оружие слабых... Я целых сорок дней слушал его. И... Знаешь, что я тебе скажу?.. Я больше не буду писцом при Санхедрине. И я больше не вернусь к Нахшону. Поскольку я не хочу служить убийце!.. Послушай! Возьми меня с собой. Молчи! Не отвечай! Не отвечай сгоряча! После... Я не знаю, ты его друг или ты его ученик. Но я хочу, чтоб ты рассказал мне про него. Всё рассказал! Я хочу стать таким, как он!.. Как ты... Ты ведь расскажешь мне про него? Правда?.. А пока... Знаешь, что? Пойдём выпьем!.. Пойдём! У меня есть несколько монет. Пойдём, помянем Йешу из Нацрата. Ей Богу, он достоин того, чтоб его вспоминали! Долго вспоминали!.. Всегда!.. Пойдём, помянем его. Светлый он был человек!..

***

Горизонт был отчётлив и пуст: ни одной лодочной скорлупки, ни одного паруса – конец декабря, безвременье, мёртвый сезон.

Кефа и Лин сидели на северном моле, у подножия маяка, привалясь спинами к его тёплой, нагретой солнцем стене, сложенной из местного светло-жёлтого песчаника-куркара. Открытая водная гладь простиралась справа. Впереди, за обширной бухтой, на далеко вдающемся в море рифе, возвышался белоснежный величественный дворец Хордоса – ныне основная резиденция префекта Пилата. Слева, в глубине бухты, топорщился целый лес мачт – там, у пристани,

дожидались навигации не меньше сотни разновеликих судов. За мачтами угадывались длинные трибуны тянущегося вдоль берега гипподрома.

Было тепло, но не жарко. Висящее над восточным крылом дворца, ещё невысокое утреннее солнце приятно пригревало, а летящий с моря лёгкий ветерок не давал дневному светилу сильно раскалиться. Пахло водорослями. Над бухтой, время от времени пронзительно вскрикивая, кружили жёлтоклювые чайки.

Гипподром был пуст. Не доносилось оттуда, как всю предыдущую неделю, ни топота соревнующихся колесниц, ни победного пения труб, ни звериного восторженного рёва трибун.

Эта неделя выдалась хлопотной. Охотники искали друг друга: Кефа охотился на Нахшона; глава суда выслеживал Кефу. Оба не преуспели. Кефа так и не смог подобраться к судье, окружавшего себя на выходе из дома целым сонмом слуг и телохранителей. А люди Нахшона, напрасно рыскали по городским кварталам в поисках строптивного галилеянина – город одновременно отмечал два праздника: романские Сатурналии и еврейскую Хануку, и обнаружить в заповоленном улицы людском водовороте нужного человека было попросту нереально.

К тому же и Кефа, и Лин изменили внешность. Они коротко постригли волосы, обрезали бороды, сменили свои привычные симлы на груботканые хитоны, нацепили на головы круглые кожаные шапочки и стали похожи на коротающих зимнее межсезонье греческих матросов, которых в городе и прилегающих к нему окрестностях было превеликое множество.

– Ну какой ты еврей? – подначивал Кефу Лин. – Посмотри на себя. Ты же вылитый эллин! Чистокровный ахеец! Ну, может быть, с небольшой примесью македонской крови... Я буду звать тебя Пётросом. Кефа – по-арамейски, Петрос – по-гречески.

– Идёт, – соглашался Кефа. – А я тебя – Линосом. Поскольку ты на еврея тоже, понимаешь, теперь не шибко похож.

– А я и есть Линос, – засмеялся Лин. – У меня ж отец – грек. Из Кóринфоса. Мать – местная, йехудейка, а отец – грек. Его сюда ещё подростком привезли. Вот они меня греческим именем и назвали. Это потом уже меня сократили до Лина...

Праздничная неделя пролетела быстро. Кефа рассчитывал подобраться к Нахшону где-нибудь на улице, в праздничной толпе, – не получилось. Лина он с собой на «охоту» не брал – оставлял коротать время в какой-нибудь из портовых попин или здесь, на северном моле, под маяком, где всегда было тихо и безлюдно. Бывший глашатай своего нового друга от его опасной затеи всячески отговаривал, убеждая не брать грех на душу, но Кефа был непреклонен.

Нынче ночью Кефа впервые собирался навестить Нахшона в его доме. Для исполнения этого рискованного предприятия ему был нужен напарник. Лин после долгих уговоров согласился помочь – постоять снаружи, «на стрёме», а в случае опасности, подав условный сигнал, по возможности шумнее убежать, отвлекая на себя погоню.

Кефа раз за разом прокручивал в голове различные варианты развития событий. Варианты множилось, как тараканы. Всего предусмотреть было невозможно. Тем более что Кефа так до конца и не выяснил ни точного расположения комнат в доме судьи, ни даже конкретного места его ночлега. Лин рассказал ему всё, что знал, но этого было явно недостаточно. Ну вот, куда, предположим, следует идти в первую очередь? В спальню-кубическую, где ночует жена Нахшона, но где сам судья, ссылаясь на духоту, спать не очень любит? Или в перистиль, где, по словам Лина, он ночует гораздо чаще? Или же, вообще, в круглую, увитую плющом беседку в глубине сада, в своеобразный рабочий кабинет судьи, где Нахшон порой засиживается до утра, и куда ему, по свидетельству всё того же Лина, время от времени приводят молоденьких рабынь? Загадка. Значит, решать придётся на месте, сообразуясь с обстановкой. А это – риск! Большой риск... Кефа в сотый раз представил, как он, легко перемахнув через высокий забор, крадёт по саду и, бесшумно отворив заднюю дверь, входит в мирно спящий дом. Идти сначала приходится на ощупь, но потом впереди появляется свет – это перистиль. Полная луна ярко освещает внутренний дворик, двигаться приходится по галерее, в узкой полоске тени, плотно прижимаясь к стене. На краю бассейна, на низком ложе, задрав бороду к небу и безмятежно раскинув руки, тихо похрапывает Нахшон. Кефа достаёт нож. Фигурная рукоять в форме дракона, кусающего свой хвост, удобно ложится в ладонь. Кефа быстро пересекает освещённый участок галереи и прячется за колонну. Сердце стучит часто и громко; кажется, что эти удары слышны на весь дом. Кефа отсчитывает тридцать ударов, потом выныривает из-за колонны и в два быстрых скользящих шага оказывается возле ложа. Опустившись на колени, он левой рукой зажимает судье рот, а правую, вооружённую кинжалом, тянет к груди Нахшона... «Меч – оружие слабых». «Подожди! – говорит

Кефа. – Не сейчас!»... Он отчётливо видит то место, куда следует вонзить кинжал: там сходятся рёбра, а ниже – мерно поднимается и опускается круглый белый живот судьи... «Меч – оружие слабых», – снова звучит за спиной знакомый тихий голос... Что за бред?! Кефа видит, как узкое стальное лезвие ножа сгибается и пружинит, не в силах даже проколоть кожу. Кефа наваливается на рукоять всем телом, но лезвие скользит, как по льду, не оставляя за собой даже лёгкой царапины...

Кефа вздрогнул и открыл глаза. Дьявольщина! Всё-таки его сморило. Бессонная ночь, которую он провёл у дома судьи, разведывая ходы и выходы и наблюдая за его домашним распорядком, не прошла даром. Нет, так не пойдёт! Надо будет обязательно поспать часок после обеда, чтобы идти на дело с ясной головой.

И тут Кефа понял, что ему не хочется идти ни на какое дело. Ему больше не хочется убивать судью. То есть совсем! Жгучее желание мести, которое мешало ему спать, постоянно давило на виски, испепеляло изнутри, словно раздуваемый ветром степной пожар, вдруг куда-то делось. Погасло. Улеглось. Испарилось, как утренний туман. На душе сразу сделалось гулко и пусто. И легко. И, что самое главное, исчезла та тупая стрела, которая всю прошедшую неделю сидела между рёбрами, не давая свободно дышать. Это чувство лёгкости, чувство освобождения было столь новым, столь полным, что Кефа, не выдержав, вскочил.

– Ты чего?.. – не разлепляя глаз, вяло поинтересовался Лин. – Чего подхватился?

– Пора идти, – сказал Кефа.

– Куда?

– Не знаю... В Йерушалаим. В Шомрон. В Лод... Не знаю. Куда-нибудь!

Глаза Лина распахнулись. Он повернул голову и уставился на своего напарника.

– Подожди... А Нахшон?

– К дьяволу Нахшона! Пусть живёт! Весло ему в глотку и якорь в задницу, как говаривал гортатор на «Салакии»!

– Подожди... – Лин отлепился от стены и сел прямо. – То есть ты хочешь сказать...

– Да. Да! Да!!.. – Кефа затанцевал, закружился на прибрежном песке, тело стало лёгким, послушным; Кефе показалось, что он, если посильнее взмахнёт руками, даже сможет взлететь над бухтой, как эти крикливые жёлтоклювые чайки. – Ты слышишь, Лин?! К дьяволу Нахшона! Не хочу я его больше видеть! Уйдём, Лин! Слышишь?! Уйдём из этого проклятого города! Уйдём туда, где нас никто не будет искать!.. Свобода, Лин!.. Свобода! Сво-бо-да!!..

– Господи, спасибо!.. – Лин перекатился на колени и протянул руки к солнцу. – Спасибо тебе, Господи! Дошли мои мольбы до Тебя! Спасибо, что вразумил, Всевышний! Спасибо, что направил!.. – на щеках его блеснули слёзы.

– Рабби спасибо скажи!.. – крикнул ему Кефа, он, скинув сандалии, уже стоял по шиколотку в воде – ему вдруг нестерпимо захотелось умыться. – Это всё он! Помнишь? Меч – оружие слабых, – и, не выдержав, сам запрокинул голову и прокричал в высокое ослепительно-голубое небо: – Ра-а-абби-и!!.. Спа-аси-ибо-о!!

Он стал черпать холодную воду пригоршнями и плескать себе в лицо. Вода потекла за пазуху. Это тоже было приятно. Он снова погрузил ладони в воду, зачерпнул полные пригоршни и растёр себе шею и грудь. Тело по-прежнему было лёгким и невесомым. И дрожала внутри какая-то незнакомая звонкая струна. Он снова был молод. Молод и счастлив.

– Эй, Петрос! – окликнул его Лин. – Так куда мы идём?!

– Да куда угодно!

Он выбрался из воды, сел на плоский камень и принялся завязывать сандалии.

– В Йерушалаим?

– Да хоть и в Йерушалаим... – он подумал. – Хотя нет. В Йерушалаиме Ханан. Там начнётся всё то же самое, что и здесь. И мне опять захочется кого-нибудь убить... Может, в Гадару подадимся?.. Или в Акко?

– Слушай! – сказал ему Лин. – А пойдём в Яфу. Там у меня сестра живёт. Она там замужем за кожевенником. Богатый кожевенник. Шимоном зовут. Дом у них большой. Прямо на берегу. А? Что скажешь?

– Ну что ж, можно и в Яфу.

Он встал и потопал ногами. Сандалии сидели плотно.

– Когда выходим? – спросил Лин.

– Сейчас, Лин! Прямо сейчас! Нечего ждать! Посмотри – солнце ещё где. У нас ещё весь день впереди!

Ему не терпелось. Ноги сами просились в путь. Их ждала Яфа. Их ждали другие города. А может даже, и другие страны.

Впереди был ещё почти не разменянный день. Впереди была жизнь. Впереди была большая дорога...

Конец второй книги.